

"У страха глаза велики"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Екатерина Вильмонт

У страха глаза велики

Глава I

КУРТКА

— Матерь божья! — воскликнула Степанида, входя в прихожую, где стояли три громадные пластиковые сумки, в каких обычно возят товар челноки. — Нешто вы уезжать собрались?

— Ах нет! — рассмеялась Юлия Арсеньевна. — Заходи, Стешенька, я тебе сейчас все объясню.

Вот уже два месяца Степанида после школы приходила к Юлии Арсеньевне. Это была ее работа, за которую она получала пусть небольшие, но свои деньги и страшно этим гордилась. А кроме того, она привязалась к Юлии Арсеньевне как к родной, и та отвечала ей любовью и вниманием. Работа была нетрудная для Степаниды — прибраться в квартире, сбежать в магазин, в сбербанк, в аптеку. А еще Юлия Арсеньевна учила Степаниду говорить без ошибок, вести себя как надо, и Степанида нисколько на нее не обижалась. От Матильды она пока скрывала, что работает, тем более что они в последнее время очень мало виделись. Матильда возвращалась поздно, когда Степанида уже была дома, так что заметить она ничего не могла. Вот и сегодня сразу после уроков Степанида помчалась на улицу Гиляровского.

— Ах, Стешенька, сейчас мы с тобой этими сумками как раз и займемся.

— Да откуда ж они, Юлия Арсеньевна, и что в них?

— Их привезла Леночка, это... Помнишь, я тебе говорила, что жена знаменитого актера Муравина создала благотворительный фонд помощи нуждающимся артистам?

— Вроде да...

— Ну вот, а Леночка и ее подружка Лора решили собрать кое-какую одежду лишнюю у своих коллег...

— Так там одежда?

— Ну да.

— А нам-то что с ней делать?

— Мы с тобой ее разберем, что-то, может, надо выбросить, что-то постирать или почистить...

— Почистить? — всплеснула руками Степанида. — Да вы знаете, сколько сейчас химчистка стоит?

— Нет-нет, наше дело только разобрать вещи и рассортировать. Леночке просто некогда самой, ты же знаешь, как она занята.

— Сделаем! — пожала плечами Степанида. — Но неужто артисты отдают непостиранное?

— Очень возможно, у них нет времени и денег тоже.

— А кто ж стирать и чистить будет? — допытывалась Степанида.

— Насчет стирки не знаю, а вот сеть итальянских химчисток, вернее, ее хозяйка обещала сделать это бесплатно.

— Тогда они и постирают, наверное.

— Возможно.

— Только вот что, Юлия Арсеньевна, я лучше сама все сделаю, а вы ступайте в комнату и дверь закройте, а то, не дай бог, еще кашлять начнете... От пылищи да вонищи.

— Стеша! Что ты вообразила? Это ж все-таки не от бомжей вещи.

— А кто их, артистов, знает? Вон у нас в доме на втором этаже один артист живет — пьянь пьяню, и от него всегда так воняет.

— Это, конечно, прискорбно, но эти вещи не от него, а скорее для него!

— Тоже верно, — улыбнулась Степанида и открыла первую сумку. Вытащила оттуда полиэтиленовый пакет, заглянула в него и вытряхнула содержимое на пол в прихожей. — Ой, гляньте, какие хорошие вещи!

— Действительно, почти новые! — обрадовалась Юлия Арсеньевна. — И смотри, все чистенькое, что там у нас?

— Две юбки, два джемпера и лифчик, совсем новый, в упаковке еще! Это мы отложим сразу.

Она достала из сумки еще один пакет и тоже вытряхнула на пол. Там оказался вполне приличный шерстяной пиджак. Степанида повела носом.

— Это в чистку, табачищем разит! — определила она.

— Кстати, Стеша, проверь карманы. Мало ли кто что мог забыть, — посоветовала Юлия Арсеньевна.

Действительно, в кармане пиджака Степанида обнаружила полупустую пачку сигарет, три проездных талончика за прошлый квартал и шариковую ручку.

— Ой, и что теперь с этим делать? — спросила она.

— Да ничего! Сигареты отдадим кому-нибудь, кто курит, билетики можно только выбросить, а ручка... Ручка тебе пригодится. Не разыскивать же владельца из-за такой ерунды, — улыбнулась Юлия Арсеньевна. — Вот если кто-то забыл документы вынуть или еще что-то важное, тогда другое дело.

Однако больше ничего не попало. Юлии Арсеньевне кто-то позвонил, и она ушла в комнату, а Степанида взялась уже за последнюю сумку. Вытащила оттуда теплый шарф, шапку-ушанку и мужскую куртку с множеством карманов и кармашков. Она стала методично их проверять. Во внутреннем, застегнутом на «молнию» кармашке что-то шуршало. Она открыла «молнию» и достала из кармана аккуратно сложенную бумажку. Развернула ее. «Если со мной что-то случится, прошу винить в этом Тимофея Михайловича Холщевникова». Степанида даже рот открыла от изумления. Ни фиги себе! Вот это записочка! Но что же делать? Степанида задумалась. Если человек написал такую записку и сунул ее в карман куртки, значит, он чего-

то боялся... И если куртка с запиской попала сюда, то, наверное, с ним случилось-таки несчастье, в котором скорее всего виноват этот самый Холщевников. А записку не нашли... Кому, интересно, она предназначалась? Вероятно, милиции...

— Стешенька, ты о чем задумалась? — заставил ее очнуться голос Юлии Арсеньевны.

— Да так, ни о чем... — ей не хотелось пугать впечатлительную пожилую даму. И она решила при первой же возможности позвонить Валерке. Он обязательно что-то умное присоветует. Она спрятала записку в свою сумку, а куртку положила в отдельный пакет. Ее надо тоже сохранить для следствия. Больше ничего интересного ей не попало.

Покончив с разборкой вещей, она сбегала в магазин и на почту, потом протерла влажной тряпкой полы, попила чайку с Юлией Арсеньевной и помчалась домой, незаметно прихватив с собой пакет с курткой.

Матильды дома не было. И Степанида сразу же позвонила Валерке.

— Степка, привет! — обрадовался он. — Что новенького?

— Валер, надо поговорить!

— Опять что-то случилось? — догадался он по таинственному тону подружки.

— Ага!

— В чем дело-то?

— Слушай, я нынче такую записку нашла... «Если со мной что-то случится, прошу винить Тимофея Михайловича Холщевникова».

— Что? Где ты ее нашла? — взволновался Валерка.

— В куртке!

— В чьей?

— Кабы знать!

— То есть?

— Ну, понимаешь... Я заходила к Юлии Арсеньевне...

Валерка до сих пор не знал, что Степанида работает у нее за деньги.

— И что?

— Ну, там ее дочка привезла сумки с одеждой... для этой, как ее... благотворительности, и я это шмотье разбирала, ну и вот...

— А где куртка?

— У меня, я ее потихесеньку унесла.

— Потихесеньку? — рассмеялся Валерка. — Молодчина! Слушай, это может быть очень

интересное дело. Вот только бы узнать, чья куртка. Но, судя по тому, где она оказалась...

— Вот-вот, я то же самое подумала. Если ее вот так отдали незнакомому, значит, хозяина уже нет...

— Ну, необязательно! Знаешь, по-всякому бывает. Например, он спрятал записку в карман, а его жене, допустим, эта куртка не нравится, вот она и отдала ее в отсутствие мужа. И тогда он вполне может написать еще такую же записку. Кстати, очень возможно, что он распишал такие записки по всем своим карманам, и тогда...

— Тогда нам тут делать нечего, да?

— Ну, в общем и целом... Да, Степка, в таком случае нам тут делать нечего.

— А если нет, если он только одну записку оставил? Может же такое быть?

— Все бывает...

— Валер, значит, ты считаешь, мы можем просто махнуть на это рукой?

— Думаю, да.

— Но как же, Валерка? — закричала Степанида. — А если его убили? И никто не знает про этого Холщевникова?

— Но что мы можем? Только отнести эту записку в милицию.

— Ну хотя бы!

— Степка, если бы мы хоть отдаленно представляли себе, чья это куртка. А то в милиции нас вообще за трепачей могут принять. И потом, что, если это просто дурацкий розыгрыш?

— Розыгрыш? — ахнула Степанида.

— Да, да, именно розыгрыш! В актерской среде это очень даже принято. Сама подумай, какой-то весельчак решил отдать свою курточку и поглядеть, что из этого получится.

— Дурак он, что ли?

— Почему бы и нет? Розыгрыши бывают умные, а бывают вполне идиотские. Тем более с пьяных глаз.

— Ты серьезно?

— Еще как серьезно! Аськина мама как-то рассказывала, что у них в театре одному артисту позвонили и сказали — вас приглашают в какой-то маленький подмосковный городок выступать в Доме культуры; словом, наговорили ему сорок бочек арестантов, пообещали хорошие деньги заплатить, ну и все такое, он был не избалован и поехал. Его, естественно, никто не встретил, он долго блуждал по этому городку и в результате простудился, заболел воспалением легких. Вот такие розыгрыши тоже бывают.

— Козлы!

— Это точно. Так что история с запиской тоже здорово смахивает на розыгрыш.

- Может быть, — задумчиво проговорила Степанида. — А я уж невесть чего себе навоображала...
- Представляю! — усмехнулся Валерка. — А как вообще дела, Степка? Как Матильда?
- Матильда? Нормально, только я ее почти и не вижу.
- А на лето какие планы?
- Какие планы? Я не знаю. Тетя Саша с Игорьком в деревню поедет, меня с собой зовет.
- Поедешь?
- Неохота. Мы, наверное, компьютер купим, и я буду на нем учиться... А чего там в деревне делать?
- Воздухом дышать. А меня на даче опять запрут. Я там помру с тоски. Раньше еще, когда Аська с Мотькой там жили, было терпимо, у нас всегда дела находились, а теперь... Кстати, ты не в курсе, Аська на лето не приедет?
- Не знаю, Матильда ничего не говорила.
- А у Мотьки летом гастрологи будут?
- Вроде да. Валер, а если это все-таки не розыгрыш, тогда как?
- Степка, тебе не терпится опять что-то расследовать?
- Ничего подобного, просто... А вдруг мы сможем спасти этого человека?
- Во-первых, какого человека? А во-вторых, в милицию он и сам мог заявить. Но почему-то этого не делает, а если мы заявим, то можем ему только хуже сделать, понимаешь? Не говоря уж о том, что нас с таким заявлением скорее всего просто пошлют куда подальше. Спасай того, не знаю кого! Конечно, если очень постараться, можно найти хозяина этой куртки...
- Как?
- Спросить у дочки Юлии Арсеньевны, у кого она брала вещи, ну и методом исключения...
- Чего? — не поняла Степанида.
- Объясню — надо будет составить список этих людей и проверить их всех.
- Это долго. Валер, а вдруг она точно помнит, чья это куртка?
- Возможно и такое. Но тогда тебе придется все ей рассказать. Хотя...
- Что?
- Можно что-нибудь придумать... Допустим, что в куртке нашлись деньги или еще что-то ценное. Правда, если она точно помнит, чья куртка...
- Да, тогда придется это вернуть, а возвращать-то нечего.
- То-то и оно. Вот что, Степка, если ты в ближайшие дни увидишь Елену Александровну,

попробуй как-нибудь навести ее на разговор об этих вещах, вдруг что-то сумеешь выведать...

— Попробую.

Они еще поговорили о том о сем и простились. И тут же кто-то позвонил в дверь. Это явилась Алка.

— Привет, до тебя не дозвонишься, ты с кем трепалась? — накинулась она на Степаниду.

— С Валеркой.

— У любви, как у пташки, крылья?

— Да какая там любовь! — отмахнулась Степанида. — Просто сегодня такая история вышла...

Степанида рассказала Алке про записку.

— Ну ни фига себе! А эта куртка у тебя?

— Да.

— Покажи! — потребовала Алка.

— Зачем?

— Надо!

Пожав плечами, Степанида достала куртку.

— На, гляди!

Алка взяла ее в руки, пощупала материал.

— Курточка недешевая! — сказала она.

— Почем ты знаешь?

— «Хьюго Босс», фирма дорогая, будь спок, я-то знаю.

Алка принялась:

— Туалетная вода «Дюна», фирма «Кристиан Диор».

— Чего? — вытаращила глаза Степанида.

— Того! Говорю же — мужик этот душился туалетной водой «Дюна»!

— Алка, ты брешешь?

— Почему это я брешу? Даже не собираюсь! Просто я знаю этот запах!

— Папа твой, что ли, этой водой душится? — предположила Степанида.

— Ясное дело.

— Тогда понятно. Ну, что еще скажешь?

— Что мужик этот был не бедный!

— А что нам это дает?

— Не знаю, пока ничего, а там посмотрим. Мы, Степка, должны заняться этим делом.

— Думаешь? А Валерка говорит: это свободно может быть розыгрыш.

— Розыгрыш?

— Ну да!

Степанида пересказала ей Валеркину теорию. Алка сморщила нос.

— Кретин он, что ли, этот дядька? Какой интерес в розыгрыше, если не видишь его результатов? Кому надо неизвестно кого разыгрывать? Ты сама-то подумай! Разыгрывать людей, которые собирают ношенные шмотки для благотворительности? Да они скорее всего и не обратят внимания на какую-то бумажонку в кармане. Выкинут, и все дела.

— Но я же вот обратила внимание!

— Ты — исключение! Нет, Степка, никакой это не розыгрыш, я просто уверена. На все сто!

Степанида задумалась. В словах Алки был резон.

— Ну и что ты предлагаешь?

— Для начала тебе нужно поговорить с этой артисткой, дочкой Юлии Арсеньевны.

— О чем?

— Степка, ты сдурела, да? Сама, что ли, не понимаешь?

— Не понимаю, если честно.

— Ты должна ей сказать всю правду! А она сообразит, что к чему. Может, вспомнит, чья это куртка. Говорю ж тебе: куртка дорогая, фирменная, она, артистка эта, уж точно обратила на нее внимание. Такие куртки не каждый день выбрасывают. Когда она должна шмотки забрать?

— Вроде бы завтра.

— Степка, у тебя ее телефон домашний есть?

— Есть, а что?

— Как что? Как что? — возмущенно завопила Алка. — Это же самой глупой козе понятно! Позвони ей и спроси!

— У нее, наверное, спектакль...

— А ты позвони и выясни. Вдруг сегодня она дома?

Степанида нашла записную книжку и позвонила дочке Юлии Арсеньевны, артистке Елене

Пивоваровой по прозвищу Пивочка. Но у нее никто не брал трубку.

— Нету ее, — мрачно сообщила Степанида.

— Значит, позвонишь ей завтра с утра.

— Утром она спит.

— Ничего, проснется! — сурово ответила Алка. — Такое дело...

— Ал, а если она ничего не знает, не помнит?

— Тогда спросишь у нее про всех, кто давал шмотки! И мы разберемся!

— Ну ты даешь! — покачала головой Степанида.

— В нашем деле только так!

— В каком это нашем деле?

— В детективном! Я, Степка, уже решила. Буду следователем!

— Еще сто раз перерешешь!

— Посмотрим!

— Посмотрим!

Подружки рассмеялись.

— Конечно, лучше бы это случилось через недельку, когда школа кончится, но... Ой, Степка, а меня ведь на дачу законопатят! — сокрушенно воскликнула Алка. — Это уж как пить дать. Мама отпуск даже берет...

— Значит, постараемся все успеть до тех пор! В конце концов, нам надо выяснить только одно — чья это куртка. И отдать записку в милицию.

— Правильно! Только ты, Степка, наберись храбрости и позвони утречком артистке...

— Ладно.

Когда Алка ушла, Степанида села за уроки, твердо решив утром связаться с Еленой Александровной. Ей даже во сне не могло присниться, какие события начнут разворачиваться еще сегодня вечером, не имеющие, впрочем, ничего общего с таинственной запиской.

Глава II

ПОТРЯСАЮЩАЯ НОВОСТЬ

Покончив с уроками, Степанида хотела приготовить ужин, но потом вспомнила, что у Матильды сегодня последний спектакль в этом сезоне, а после спектакля будет еще банкет, и вернется она очень поздно. Значит, никакой ужин готовить не надо. А себе она просто сделает два бутерброда с докторской колбасой и чай с лимоном. Так она и поступила. Интересно, что Матильда собирается делать в отпуске? Что-то она ничего об этом не говорила. Правда, они

редко виделись в последнее время, а уж поговорить по душам и вовсе не удавалось. Ничего, зато теперь наговорятся. Правда, с Юлией Арсеньевной теперь станет сложнее, если Матильда будет дома сидеть. Она мигом сообразит, что тут что-то не так... А впрочем, Степанида ведь ничего плохого не делает. Попив чаю, она включила телевизор и прилегла на диван. Но фильм был скучный, и она мигом уснула.

— Степка, что за дела? — раздался Мотькин голос. — Почему спишь на диване, одетая?

Степанида открыла глаза.

— Мотя, что?

— Вставай, Степка! Разденься и ляг по-человечески!

— Ой, Мотя! Какая ты!.. — восторженно завопила Степанида.

Матильда стояла над ней в новом, невероятно красивом платье, в туфельках на высоченных каблуках, и ее синие глаза сверкали.

— Мотя! Откуда платье-то? Я его не видела! А цветов-то сколько! Как прошел спектакль?

— Ой, Степка! Такой успех, такой успех! Даже жуть берет! Слышала бы ты, что про меня на банкете говорили! Степка, я тебе тут всяких вкусностей привезла!

— С банкета, что ли, уперла?

— Да ты что! Конечно, нет! Просто мне Яков Леонидович специально для тебя дал с собой... И вообще... Степочка, я такая счастливая! И у меня для тебя есть сюрприз! Потрясающий сюрприз!

— Какой? — загорелась Степанида.

— Я тебе пока не скажу!

— Почему это?

— Ты сперва закончи учиться, а тогда...

— Мотька, это свинство! — возмутилась Степанида. — Зачем тогда говорила? И потом, до конца школы осталось шесть дней! Ну, Мотенька, пожалуйста, скажи!

— Степка, мы с тобой... Одним словом, через день после окончания учебного года мы с тобой уезжаем!

— Уезжаем? Куда? В деревню?

— Нет, не в деревню. В город.

— В Харьков, что ли? — разочарованно протянула Степанида. Ее совсем не тянуло в родной город.

— Нет, Степка, подымай выше! — в голосе Матильды слышалось ликование.

— В Питер?

— А в Париж не хочешь?

— В Париж? — ошалела Степанида. — В Париж?

— В Париж, Степка, в Париж! Мы с тобой! На целых три недели!

— Мать, ты меня разыгрываешь, да?

— Нет, Степка, нет! Это правда! Не хотела я тебе говорить раньше времени, хотела вообще все полным сюрпризом сделать... Но вот... проболталась...

— Нет, ты скажи, это правда? — все не верила Степанида.

— Да! Правда!

— Мы к Аське поедem?

— Конечно, к Аське! Она нас вместе пригласила! Мы будем жить у нее и поездим по Франции. Но главное — Париж... Ах, Степка, что это за город... Знала бы ты...

— Но почему она нас пригласила, вернее, почему она меня пригласила? Я же с ней тогда... так по-хамски... а она...

— Потому что Аська, она... она умная и все понимает. Степка, ты что, не рада?

— Рада, еще как рада... Просто не ожидала... Мать, а ведь на это много денег надо!

— Не волнуйся, все просчитано, — устало улыбнулась Матильда. — Только поговорим про это завтра. У меня что-то силы кончились...

И она ушла в ванную. Степанида осталась сидеть в полном обалдении. Она поедет в Париж? Неужели это правда? Она просто боялась поверить в такое счастье. Но, с другой стороны, Матильда наверняка не врет. Она сказала, что на следующий день после окончания занятий... Ой, а как же Юлия Арсеньевна? Голова у девочки пошла кругом. Когда Матильда вышла из ванной, у Степаниды сжалось сердце. Она была такая хрупкая, почти прозрачная и уже еле передвигала ноги от усталости.

— Степка, все разговоры завтра. А сейчас спать. И утром не буди меня, ладно?

— Ладно, — вздохнула Степанида. Легко сказать спи, разве тут уснешь?

Она и впрямь полночи ворочалась в постели и уснула лишь под утро. Естественно, когда вскочила, ни о каких разговорах с Еленой Александровной не могло быть и речи. Да Степанида о ней и не вспомнила.

В школе Алка сразу же бросилась к Степаниде.

— Ну что?

— Что? — растерялась Степанида.

— Ты ей звонила?

— Кому?

— Артистке!

— Ой, Алка! — хлопнула себя по лбу Степанида. — Я вообще про это забыла!

Алка воззрилась на нее с недоумением. Степанида забывчивостью не страдала.

— Да что с тобой, подруга? Сдурела, да?

— Ага! — расплылась вдруг в блаженной улыбке Степанида. — Алка, поклянись, что никому не скажешь!

— Про что?

— Про то, что я тебе сейчас скажу.

— Клянусь!

— Алка, мы с Матильдой в Париж едем!

— Чего?

— В Париж! К Аське! На три недели!

— Врешь!

— Еще чего! Мне вчера Мотька сказала.

— И ты сразу с глузду съехала? — воспользовалась Алка Степанидиным выражением.

— А ты бы не съехала?

— Съехала бы, наверно, — честно призналась Алка. И вздохнула не без зависти: — Счастливая ты, Степка. В Париж поедешь, это ж надо! Ой, а как же быть с нашим делом, а?

— Но мы же вчера решили, что постараемся успеть до конца занятий. Я сегодня проспала, но зато вспомнила — у Елены Александровны сегодня в театре выходной, постараюсь ее застать.

— Ладно, только держи меня в курсе дела, хорошо?

Тут прозвенел звонок, и они побежали в класс.

После уроков Степанида собралась было бежать сразу к Юлии Арсеньевне, но Алка удержала ее.

— Степка, куртка где?

— Дома, а что?

— Как что? Если ты собираешься про нее говорить, она должна быть при тебе, а то эта артистка может подумать, что ты ее просто присвоила.

— Алка, ты что?

— Ничего. Дело, конечно, твое, только я тебе советую ее взять с собой.

— Черт, Матильда, наверное, дома... Ал, пошли со мной, отвлечешь ее внимание, а заодно скажешь, что мы куда-нибудь вместе собираемся.

— Хорошо, — сразу согласилась Алка.

Однако Матильды дома не было. Степанида быстренько взяла припрятанную куртку и, простившись с Алкой, помчалась к Юлии Арсеньевне. Дверь ей открыла Елена Александровна.

— Степанида, здравствуй! Ты молодчина, помогла маме с этим шмотьем, — негромко проговорила она. — Мама плохо спала и прилегла отдохнуть.

— Елена Александровна, — шепотом сказала Степанида, — мне очень-очень нужно с вами поговорить.

— Очень-очень? — улыбнулась та. — Ну что ж, пойдем на кухню. Слушаю тебя.

— У меня к вам целых два дела! Первое... Елена Александровна, я через неделю уезжаю на три недели и не смогу приходить...

— Уезжаешь? Куда? В Харьков?

— Нет! В Париж!

— Как в Париж? — поразилась Елена Александровна. — Зачем?

— С Матильдой. К Аське.

— А! Понятно! Везет тебе, Степанида! Париж...

— А вы были в Париже?

— Была. Целых две недели! Это сказка, Степанида!

— Но как же будет с Юлией Арсеньевной?

— Ничего, как-нибудь справимся, мама все-таки уже окрепла за последнее время. Правда, она скучать по тебе будет.

— Я тоже буду скучать, — призналась Степанида.

Елена Александровна потрепала ее по щеке.

— А какое еще у тебя ко мне дело?

— Ой, да! Елена Александровна, вы случайно не помните, кто вам отдал вот эту куртку?

Она вытащила куртку из пакета.

— Нет, Степанида, не помню, — пожала плечами Елена Александровна. — А какое это имеет значение?

— Понимаете, я нашла в кармане вот такую записку...

Елена Александровна пробежала глазами записку.

— Что за черт! Похоже на розыгрыш... Да скорее всего кто-то решил пошутить. А ты подумала, что это всерьез?

— Да. Валерка, правда, тоже сказал про розыгрыш...

— Ну вот видишь, да не бери ты это в голову! Какой-нибудь дурак решил либо пошутить, либо напакостить какому-то Холщевникову... Только и всего. Можешь спокойно выкинуть записку и забыть об этом раз и навсегда.

— Вы так думаете?

— Уверена. Тем более что выяснить, чья это куртка, очень сложно.

— Почему сложно?

— Видишь ли, эти вещи не я одна собирала, многие мои знакомые тоже собирали их по своим знакомым, понимаешь, какая цепочка? И к тому же, кто именно из моих знакомых получил куртку, тоже выяснить трудно. То есть, в принципе, это возможно, но потребует столько времени, что...

— Понятно, — кивнула Степанида. — Но вы и вправду думаете, что это может быть розыгрыш?

— Да. В театральной среде частенько этим развлекаются. Степа, поможешь мне донести сумки до машины? Надо уж сдать все это!

— И куртку?

— Конечно! А что с ней еще делать?

Степанида задумалась на мгновение, а потом решительно сунула куртку в одну из сумок. Но записку все-таки оставила себе. Так, на всякий случай.

Когда Юлия Арсеньевна вышла на кухню, Степанида как раз мыла газовую плиту.

— Стешенька! Ты давно пришла? Я и не слыхала.

— Да уже больше часа! Как вы чувствуете?

— Стеша, надо говорить — как вы себя чувствуете!

— Ладно, — согласилась Степанида, — как вы себя чувствуете?

— Уже хорошо! А вот что с тобой? У тебя, по-моему, какие-то новости, да? — пригляделась к девочке пожилая дама. — Я права?

— Правы! Юлия Арсеньевна, кабы вы знали, до чего правы!

— Стеша, что случилось?

— Я поеду... в Париж!

— Ты поедешь в Париж?

— Да, нас с Мотькой пригласила Аська!

- Превосходная новость, Стеша! И когда же состоится эта поездка?
- А как уроки кончатся. Через неделю! Я спрашивала Елену Александровну, как вы тут без меня, а она сказала — обойдемся!
- Она что, была с тобой невежлива?
- Боже упаси! Нет, она сказала — как-нибудь справимся.
- Это другое дело, — улыбнулась Юлия Арсеньевна. — Вот так иной раз рождаются недоразумения. Поэтому, Стеша, ты уж когда передаешь кому-то чьи-то слова, старайся быть точной...
- Поняла, — кивнула Степанида.
- Ах, Стеша, я ведь обещала учить тебя французскому, и так ничего не вышло... Какая жалость!
- Да, кабы знать... — вздохнула Степанида. — Но ничего. Мотька училась французскому, уроки брала... И Аська по-французски свободно чешет. Они ж меня там одну не бросят, правда же?
- Не должны! — засмеялась Юлия Арсеньевна.
- А вы в Париже были?
- Увы, нет. Не привелось.
- Еще побываете!
- Ну, это вряд ли... Хотя чем черт не шутит, правда?
- Истинная правда! Я вот даже и не мечтала, а вчера Мотька мне сказала, так я думала: от радости в окошко выпрыгну!
- Нет уж, будь добра, в окошко прыгать не надо!
- А вы небось по книжкам все про Париж знаете?
- Не все, но многое...
- Вы мне напишите, что там надо посмотреть, ладно?
- Зачем? Думаю, все, что следует, тебе и так покажут. Без моих списков. Ты ведь едешь в гости в высшей степени интеллигентную семью.
- Ой, мамыньки! Я ж там чупаха чупахой буду выглядеть!
- Никакая ты не чупаха! — возмутилась Юлия Арсеньевна. — Ты умная девочка, за то время, что ко мне ходишь, ты многому научилась, ты вообще очень восприимчивая, сообразительная, так что тебе там совершенно нечего стесняться.
- Но вы мне все-таки скажите, научите меня, пока время есть, каким-нибудь французским словам... Или нет, бог с ними, со словами, вы скажите лучше, куда меня там поведут, чтобы я

совсем уж душой не выглядела. Мол, сегодня мы поедem туда-то, а завтра туда-то...

— Да, задачку ты мне задала! — засмеялась Юлия Арсеньевна. — Что ж, для начала давай выясним, что ты знаешь про Париж? Какая река там протекает?

— Река? Не знаю.

— Сена. Постарайся запомнить — Се-на.

— Сена. Значит, как увижу в Париже речку, можно кричать: «Ой, Сена!» Да?

— Да. А какой в Париже самый главный музей?

— Музей? Ой, я что-то слышала, Мотька говорила... Сейчас вспомню... Дувр!

— Не Дувр, а Лувр. Дувр — это город в Англии.

— Ага, Лувр! И самая главная там картина — эта... Мона Лиза, да?

— Самая главная? Пожалуй. А кто написал эту картину?

— Я помню... Сейчас... Его тоже звали Леонардо!

— Почему тоже?

— Ну, как Леонардо ди Каприо!

— Боже мой! — схватилась за голову Юлия Арсеньевна. — Его звали Леонардо да Винчи. Запомни — Леонардо да Винчи. И не вздумай там вспоминать про ди Каприо.

— Ладно, запомню.

— А ты читала «Собор Парижской Богоматери»?

— Нет, не читала.

— Я тебе дам, постарайся прочитать до отъезда, и тогда уж ты никогда о нем не забудешь.

— А книжка толстая? — деловито осведомилась Степанида.

— Довольно толстая.

— Не, Юлия Арсеньевна, я не успею. Вы лучше так мне про этот самый собор расскажите. Мотька точно там была.

— Надо полагать... — вздохнула Юлия Арсеньевна.

— В общем, чтобы не опозориться, мне там лучше помалкивать, да?

— Ну почему? Если что-то захочешь узнать, обязательно спрашивай. Думаю, вас по городу будет Ася водить, ее-то ты можешь не стесняться. А вообще, Стеша, чтобы в будущем не попадать в такие ситуации, надо побольше читать. Чем больше человек читает, тем он лучше развивается. Это еще никому не вредило.

— А чего читать-то надо? Книг вон сколько написано, все не прочитаешь!

- Все и не надо. Я подумаю и составлю тебе список.
- Только что-нибудь нескучное, ладно?
- Постараюсь. Стеша, но ведь ты же сама мне говорила, что читать любишь.
- Люблю. Детективы и приключения разные.
- Этого мало, детка. Я знаю, в наше время многие вообще ничего не читают, только ты ведь хочешь стать образованным человеком, правда? Кстати, Матильда, насколько я знаю, много читает.
- Это правда, она без книжки вообще не может. И всегда говорит, что это благодаря Аськиной семье она вообще что-то знает.
- Вот и тебе не стоит от нее отставать.
- Но Матильда очень много всяких стихов читает, а я этого не понимаю, по-моему, это неинтересно. Всякие там розы-слезы, кровь-любовь...
- Все ясно, — улыбнулась Юлия Арсеньевна, — просто ты еще не влюблена.
- Не влюблена? А при чем тут это?
- При том, что влюбленному человеку хочется читать стихи. Погоди, ты еще в этом убедишься.
- А вообще-то правда, — задумчиво проговорила Степанида. — Алка, как в Костю втюрилась, тоже какие-то стишки читает. Ну надо же! И это все так?
- Ну, разумеется, не все, только те, у кого в душе что-то звучит...
- У Алки, значит, звучит?
- Если ее в таком возрасте на стихи потянуло, определенно звучит.
- А может быть так, что я никогда не влюблюсь?
- Нет, не может! — засмеялась Юлия Арсеньевна. — Хоть раз в жизни всякий человек влюбляется.
- А вы сколько раз влюблялись?
- Я? О, я очень часто влюблялась, я была очень влюбчивая.
- Да? А первый раз, когда влюбились, вам сколько лет было?
- Лет пять, должно быть, я была влюблена в шофера, который водил персональную машину нашего соседа по площадке. Как сейчас помню, он был молодой, красивый, и его звали Артур.
- А мне вот скоро тринадцать будет, а я еще не влюблялась, — тихо сказала Степанида.
- Стеша, а когда у тебя день рождения?
- Двадцать третьего июня.

— Значит, отмечать его ты будешь в Париже!

— Ой, мамыньки, я и забыла совсем. Ну надо же... Знаете, Юлия Арсеньевна, мне все как-то не верится... И я не знаю, как там будет...

— Там будет хорошо! Там будет просто восхитительно, можешь мне поверить. Лето, Париж... Да я в твоём возрасте даже мечтать ни о чём подобном не могла, так что ничего не бойся, а просто наслаждайся жизнью.

— А на самолете небось страшно летать?

— Страшно? Не знаю. Я всегда любила летать. Это так прекрасно — села в самолет, и через два-три часа ты уже в другом городе или в другой стране. Выходишь из самолета — и сразу ощущение чуда. А когда на поезде тащишься, в тесном купе, иной раз такие попутчики попадутся, что не дай бог... Стеша, ты еще никогда не летала?

— Нет. Только на поезде...

— Вот видишь, сколько интересного тебе предстоит. И первый твой полет будет не куда-нибудь, а в Париж! Ты счастливая, Степанида! Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!

Они еще довольно долго беседовали, пока Степанида занималась хозяйством. Потом она понеслась домой. Встретила ее Матильда.

— Где ты была? — сурово спросила она.

— Мы с Алкой... — начала Степанида.

— Не ври! Я Алку встретила!

— И чего?

— Ничего! Степанида, колись!

— Да я...

— Покажи дневник! — неожиданно потребовала Матильда.

Степанида, облегченно вздохнув, полезла в сумку за дневником. Там все было в порядке. Пятерки и четверки. С точными науками она вполне справлялась сама, а с историей и литературой ей здорово помогала Юлия Арсеньевна, так что дневник она могла предъявить сестре вполне спокойно. Матильда пролистала дневник.

— Странно, — пробормотала она.

— Что странно, Мотя? Что я хорошо учусь? Я разве придурочная?

— Ты не придурочная, нет, но сейчас явно придуриваешься! Говори, где тебя носит? Мне тетя Тася сказала, что ты после школы где-то шляешься, домой поздно приходишь. Что это значит? Говори, Степанида, а не то вместо Парижа в Харьков отправишься. Со мной шутки плохи! Я не для того тебя к себе взяла, чтобы ты с дурной компанией спуталась.

Степанида молчала.

— Что молчишь? Придумываешь, как бы половчее соврать?

— Мотя, ты почему орешь?

— Я не ору!

— Ты попросила показать дневник, думала небось — там одни пары да колы?

— Знаешь, я не уверена, что это не поддельный дневник! Я, пожалуй, завтра в школу наведаюсь, с учителями поговорю! А то с тебя станется!

Степанида расхохоталась.

— Ты чего? — насторожилась Матильда.

— Иди, Мотя, иди в школу! Только потом будешь у меня прощения просить!

— Прощения просить? Интересно, за что?

— За ложные обвинения, вот! Потому что я и вправду хорошо учусь. Я, Мотя, способная, а ты и не заметила.

— Я заметила, еще как заметила! Способности у тебя и впрямь редкие, особенно если вспомнить историю с теми несчастными долларами...

— Сколько можно одно и то же вспоминать! И потом, все ведь хорошо кончилось.

— Ладно, пусть, но только ты мне зубы-то не заговаривай. Куда тебя после школы носит? Имей в виду, я ведь все равно узнаю, у меня тоже как-никак детективный опыт есть, поэтому лучше сама признайся.

Степанида смотрела на нее исподлобья и молчала.

— Не скажешь? Жаль. Я так хотела показать тебе Париж...

— Знаешь, как это называется? — разозлилась Степанида. — Шантаж!

— Ах вот что? Шантаж? А как твое поведение называется, вот что я хочу узнать! И, между прочим, если бы в твоём поведении ничего плохого не было, не стала бы ты так таиться!

— Хорошо, — решила вдруг Степанида. Париж есть Париж! — Так вот, пусть тебе будет стыдно! Если хочешь знать — после школы я работаю.

— Работаешь? — ахнула Матильда. — Кем?

— Ну, этой... помощницей.

— Помощницей? И кому ты, интересно знать, помогаешь?

— Одной пожилой тетеньке.

— Какой еще тетеньке?

— Я ж говорю — пожилой!

— Степка, ты правду говоришь?

— А то!

— И тебе за это платят?

— А как же! Вот! — Она подскочила к письменному столу, вытащила оттуда зеленую кожаную коробку от подаренных Матильде Олегом швейцарских часов и достала голубой конверт. — Вот, это я заработала!

Матильда пересчитала деньги и вздохнула с облегчением. Денег было немного.

— Степа, но зачем? Тебе что, денег не хватало?

— Хватало. Но я хотела иметь свои, заработанные... — Она чуть было не сказала про компьютер, но промолчала, а то Мотья могла ее не так понять.

— И что это за тетенька?

— Одна знакомая. Такая хорошая...

— Но как ты ее нашла?

Эх, говорить так говорить!

— Мне тетя Липа эту работу нашла!

— Тетя Липа? — ахнула Матильда.

— Да, я ее попросила, и она нашла мне эту работу. Между прочим, она меня поняла.

— И кто эта женщина?

— Ты ее дочку знаешь. Артистку Пивоварову.

— Пивочку? — воскликнула Мотья. — Так ты у ее мамы работаешь?

— Ну!

Мотья пребывала в растерянности.

— И что же ты там делаешь?

— Всего понемножку. Убираюсь, в магазин бегаю, в аптеку, в сбербанк за квартиру платить, на почту... А Юлия Арсеньевна меня всему учит, манерам там разным, говорить правильно, вилку и нож правильно держать. Она... Знаешь, Мотя, она такая хорошая, как родная... Если не веришь, можешь ей позвонить хоть сейчас. Она так за меня обрадовалась, что я в Париж еду...

Мотья улыбнулась.

— Еду?

— Едешь, едешь! — успокоила ее Матильда.

Время летело с бешеной скоростью. Оказалось, что до отъезда надо переделать кучу дел, но Матильда со Степанидой спокойно все обдумали, распределили обязанности и в результате все успели. Более того, Матильда познакомилась с Юлией Арсеньевной. И та наговорила ей столько хороших слов про Степаниду, что Матильда ощутила настоящую гордость за свою двоюродную сестренку.

— Ох, у меня просто камень с души свалился, — призналась она пожилой даме. — А то я уж невесть что думала...

— Нет-нет, Матильда, Стеша на редкость способная и хорошая девочка. Очень добрая... Но одинокая, с комплексами. И читает мало, к сожалению.

— Ничего, это мы поправим! — задорно сказала Матильда. — Она у меня начнет читать, никуда не денется. Я ее допеку за этот месяц. А потом... Вы согласитесь ее обратно взять? — не без робости осведомилась Матильда. — Когда она у вас, я спокойна, а то после Парижа у меня сумасшедшая жизнь начнется. Гастроли и еще... Меркулов хочет ставить со мной «Ромео и Джульетту».

— Матильда, поздравляю, это же чудо!

— Это правда чудо, — кивнула Матильда. — Но работа будет еще та... Я ведь пока еще ничего не умею, одно дело играть современную девчонку, хоть и американскую, и другое дело — Шекспир! Так что Степе я мало времени смогу уделять...

— Не волнуйся, я теперь уж не могу долго без Стеши обходиться, мы с ней привязались друг к другу.

— Спасибо, спасибо вам огромное!

Степанида этого разговора не слышала, она в это время бегала в магазин и на почту. А все ее мысли были только о предстоящем путешествии. Сердце сладко и в то же время испуганно замирало, когда она говорила себе: «Послезавтра я буду в Париже! Обалдеть можно!»

Накануне отъезда ей позвонил Валерка.

— Степка, как дела? Собираешься?

— Собралась уже.

— Волнуешься?

— Ни капельки, — соврала Степанида.

— Врешь. Я ж тебя знаю! Да, кстати, я хотел спросить, про куртку никаких новостей нет?

— Откуда?

— Так я и думал. Мне тут пришла в голову одна мысль...

— Какая?

— Да вот хочу на досуге разузнать, кто такой этот Холщевников.

— На каком досуге? Ты ж на дачу едешь!

- Отъезд на три дня откладывается, там трубу прорвало, пока отремонтируют... Как ты на это смотришь?
- Да никак. Охота тебе, узнавай!
- Как, ты сказала, его зовут? Тимофей...
- Михайлович! Валер, ты один, что ли, будешь этим заниматься?
- Пока один. А там посмотрим. Если дело окажется перспективное, может, Костю привлеку.
- Валер, прошу тебя, если привлечешь Костю, привлеки и Алку, ладно?
- Это еще зачем?
- Сам не понимаешь?
- Она в него влюблена, что ли? — догадался Валерка.
- Ну да. Ой, ее ж тоже на дачу увозят...
- Да погоди, Степа, может, этот Холщевников просто какой-нибудь престарелый актер. Скорее всего даже. Везет же тебе, Степка, в Париж едешь!
- Не говори!
- Вас Олег провожать будет?
- Олег, понятное дело.
- А Мотькина мама?
- Она не сможет. У нее Игорек приболел. А ты почему спрашиваешь?
- Просто так. Ну ладно, Степа, желаю тебе удачной поездки. Да, когда будешь гулять по Монмартру, вспомни про меня.
- По чему гулять?
- По Монмартру. Монмартр — это такой район Парижа, где живут художники. Оперетку знаешь «Фиалка Монмартра»?
- Слыхала вроде...
- Наверняка слыхала. Там еще поют: «Карамболина, Карамболетта, ты светлой юности мечта!»
- А, знаю! — обрадовалась Степанида. — «Карамболина, Карамболетта, у ног твоих лежит блистательный Париж!»
- Молодец, а говоришь, не знаешь. Вот все герои этой оперетки жили как раз на Монмартре. Да, Степка, я желаю, чтобы и у твоих ног лежал блистательный Париж!
- Скажешь тоже! — хмыкнула Степанида.

— Ну не у твоих, так у Мотькиных!

— Валер, ты чего так раздухарился?

— Свобода, Степка, со школой до сентября покончено, это ли не радость?

— Вообще-то да. Ну все, Валер, у меня еще дела всякие.

— До свиданья, друг мой, до свиданья, милый мой, ты у меня в груди, предназначенное расставанье означает встречу впереди!

— Ты больной?

— Почему? Наоборот, здоровый. Я тебе прочитал стихи, а ты, как хабалка, отвечаешь: «Ты больной!» Фу, Степанида, я думал, твоя душа уже распахнута для искусства! Ты что, этих стихов не знаешь? Это же Есенин. Сергей Есенин. Это его самое последнее стихотворение, он его кровью написал, вскрыл себе вены и кровью написал эти стихи, а потом повесился.

— Бреешь.

— Степанида, ты хотя бы слышала про такого поэта — Есенин?

— Конечно! Только я ничего такого не знала... про вены...

— Зато теперь узнала. Кстати, Маяковский про это написал: «Может, окажись чернила в „Англетере“, вены резать не было б причины». Ладно, Степка, вот ты вернешься из Парижа с распахнутой душой, и я научу тебя любить стихи.

— Да чего вы заладили: стихи, стихи? — проворчала Степанида.

— Кто это вы? — любопытствовал Валерка.

— Ты да Юлия Арсеньевна.

— Потому что мы оба чувствуем за тебя ответственность и не хотим, чтобы ты выросла недоразвитой.

— А по-твоему, кто стихи не читает, тот недоразвитый?

— В известном смысле.

— Валер, а ты давно стихами увлекаешься? — спросила Степанида, припомнив слова Юлии Арсеньевны о том, что стихи читают влюбленные.

— Да как тебе сказать... уже года три. А что?

— Да нет, так... — разочарованно протянула Степанида.

— Ладно, Степка, счастливо тебе!

— И тебе — счастливо оставаться!

Утром Матильда разбудила ее ни свет ни заря.

— Степка, вставай, а то в Париж опоздаем!

Матильда так и сияла.

— Моть, вон сколько времени еще, а у нас все готово! Могли б еще поспать.

— Ничего, в самолете поспишь!

— Нешто там уснешь?

— А почему бы и нет?

— Страшно.

— Да нет, Степа, можно привыкнуть.

— А ты когда первый раз летела — боялась?

— Боялась, да. Но Аська меня успокаивала. И потом, в самолете было так интересно! Ох, Степка, просто сил уж нет терпеть!

— Ты меня поэтому разбудила?

— Конечно! — счастливо засмеялась Матильда и в ночной рубашке закружилась по комнате.

— А нас кто встречать будет? Аська?

— Конечно! И еще, наверное, Ниночка. Помнишь Ниночку?

— Помню, еще бы не помнить! А у них там чего, дом свой?

— Нет, квартира, но большущая, на целый этаж! А красивая... Ох, как я по Аське соскучилась, мне столько надо ей рассказать...

— Да, так я и знала, вы там целыми днями секретничать будете, а мне что делать?

— Успокойся, все продумано! — засмеялась Мотька. — Днями мы секретничать не будем, только ночами. Когда ты будешь дрыхнуть без задних ног.

— А вы спать не будете?

— Будем, будем! Но немножко меньше.

Когда они позавтракали, Матильда заставила Степаниду одеться и критически ее оглядела.

— Годишься! — сказала она. — Вполне!

На Степаниде были новенькие джинсы и привезенный из Риги модный джемперок красивого золотисто-бежевого цвета, который очень шел к ее карим глазам.

Вскоре позвонил Олег и спросил, готовы ли они.

— Спускайтесь через двадцать минут, — распорядился он, — хотя нет, у вас же чемоданы, я сам зайду. Опять небось соленые огурчики прешь для Игоря Васильевича?

— Пру! — засмеялась Матильда. — С мамой спорить бесполезно!

Игорь Васильевич Потоцкий — Аськин дед, знаменитый оперный певец. В его честь Мотькина мама Александра Георгиевна назвала своего сынишку, которому не было еще и года.

Раздался звонок. Степанида открыла дверь и обомлела. Рядом с Олегом стоял смеющийся Валерка.

— Не ожидала? А я вот решил тебя проводить. А то, думаю, Матильду Олег провожает, а тебя — никто. Ты не против?

— Нет, что ты... — обрадовалась Степанида. — Это клево!

— Ты сегодня нарядная, тебе эта кофточка к лицу.

Степанида вспыхнула. День хорошо начинается, подумала она, и радость ее захлестнула.

— Все, девочки, пора! — напомнил Олег и подхватил их сумки и большой чемодан.

Глава III

ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Я проснулась и сразу вспомнила — сегодня прилетает Мотька! Мы не виделись почти полгода, и каких полгода! В ее жизни столько всего произошло за это время. Моя любимая подружка Мотька стала настоящей звездой! Но это там, в России, она звезда, а здесь, в Париже, она будет просто Мотькой, как раньше. Я уверена, что она не зазналась, не изменилась. И все в доме радуются ее приезду — и дед, и Ниночка. Однако с Мотькой приедет Степанида, та еще штучка. Мы с нею, правда, давно помирились, но все-таки неизвестно, чего от нее можно ожидать. Но все же я и ей очень рада.

Зазвонил телефон. Это Ален.

— Стася! Ты готова?

Встречать Матильду мы поедem с Аленом. Дед и Ниночка сейчас в Испании, там в Севилье у деда концерт и два спектакля. Он поет дона Базилио в «Севильском цирюльнике».

— Буду готова через полчаса! — ответила я Алену.

На восемнадцатилетие ему купили машину. И дед успокоился. Он почему-то просто сходил с ума, когда Ален возил меня на своем мотоцикле.

— А Поль поедет?

— А как же! Он Матильду никак забыть не может!

Поль — товарищ Алена: прошлым летом, когда Мотька гостила у меня в Париже, он ухаживал за нею. Она, правда, осталась к нему равнодушна, но, думаю, все-таки будет рада его видеть.

— Стася, через полчаса спускайся, мы будем внизу.

— Договорились!

Я быстренько привела себя в порядок и выбежала на кухню, где мадам Жюли готовила что-то для торжественного завтрака. Когда дед с Ниночкой в отъезде, мадам Жюли остается ночевать у нас. Раньше мне это доставляло массу неприятностей, поскольку я не умела говорить по-французски, но за полтора года в Париже я стала говорить совершенно свободно, но, как уверяет Ален, только с легким акцентом, и теперь мы с мадам Жюли живем душа в душу. Хотя, конечно, это вам не тетя Липа!

Я выпила стакан сока и съела тост с сыром.

— А кофе? — спросила мадам Жюли.

— Спасибо, не хочется. А чем это так вкусно пахнет? — любопытствовала я.

— Это будет соус с базиликом.

— Соус? А к чему?

— К телятине, — невозмутимо отозвалась мадам Жюли.

— Просто слюнки текут! Ну все, мадам Жюли, я побежала!

— Ася, а ты уверена, что хочешь жить в одной комнате с Матильдой?

— Еще бы!

— Но, может, лучше было бы кузин поселить вместе?

— Нет-нет! Они всегда вместе, а мы с Матильдой так редко видимся.

— Боишься, что днем вы не успеете наговориться?

— Вот именно!

Я выскочила на свою любимую авеню Виктора Гюго, и тут же к дому подкатил красный «Пежо» Алена. Я прыгнула на сиденье рядом с ним. Поль сидел сзади.

— Послушай, Стася, а что мы будем делать с этой девчонкой, Матильдиной кузиной? — спросил Поль. — Она же будет под ногами путаться. Например, вечером мы могли бы пойти потанцевать, а как быть с нею?

— Да, это задачка! — засмеялся Ален. — Я как-то об этом не думал.

Сказать по правде, я тоже не думала об этом. Но, зная характер Степаниды, я поняла — это может стать проблемой.

— Значит, мы пойдем сегодня в такое место, куда можно взять и ее.

— Интересно, что это за место? — хмыкнул Поль.

— К примеру, в театр!

— В театр? Но она же по-французски ни в зуб ногой! — напомнил Ален. — Бедняжка просто сохнет с тоски. Как, впрочем, и мы.

— Ничего, я все придумал! — засмеялся вдруг Поль. — Мы должны до вечера так ее умотать, чтобы часам к десяти она уже с ног валилась. Пусть детка сладко спит под присмотром мадам Жюли, а мы спокойно пойдем танцевать.

— Правильно! — обрадовался Ален. — Дешево и сердито!

— Не уверена, что из этого что-нибудь выйдет, — ответила я, — боюсь, что вы раньше с копыт слетите, чем Степанида!

— А что, такая мощная девица?

— Мощная? Да нет, но... От нее всего можно ждать. И вот еще... Прошу вас, не подшучивайте над ней.

— Почему, юмора не понимает?

— Понимает, но в Москве. А как поведет себя здесь, одному богу известно, — сказала я. — Очень прошу вас...

— Хорошо, — пожал плечами Ален. — Что мы, изверги?

— Вы не изверги, но...

— Все, Стася, можешь не продолжать!

В аэропорту меня охватило жуткое нетерпение. Скорей бы увидеть Матильду. Поль купил ей прелестный букет. Ален тоже подошел к цветочному киоску и выбрал маленький изящный букет.

— Это твоей Степаниде. Чтоб ей не обидно было.

Я взглянула на него с благодарностью.

Но вот объявили, что самолет из Москвы прибыл. Я замерла в ожидании.

— Аська! — раздался вдруг Мотькин вопль. — Аська!

Мы бросились друг другу в объятия. Потом отстранились — посмотреть, насколько мы переменились за это время. Меня поразила Мотькина бледность и худоба. Она была почти прозрачная. А глазищи теперь занимали пол-лица. У меня сжалось сердце.

— Мотька, ты так похудела! Ты здорова?

— Здорова, как корова! Только устала до чертиков. Ой, Аська, мне столько надо тебе рассказать.

И тут я взглядом наткнулась на Степаниду. Она стояла позади Мотьки с довольно-таки хмурым видом.

— Степанида, привет! Дай-ка я тебя поцелую. А ты выросла и похорошела!

Степанида позволила себя поцеловать. И тут к ней шагнул Ален.

— Добрый день, Степанида! Я — Ален! А это тебе, с приездом! — он протянул ей цветы.

Степанида залилась краской.

— Это мне? — пролепетала она. — Какие красивые... Спасибо.

И она взглянула на Алена с такой благодарностью, что я чуть не разревелась. А Матильда тем временем уже обнималась с Полем.

— Ну все, все, — сказал Ален, — нежности потом, сейчас надо ехать. Мадам Жюли ждет нас с завтраком. А ее завтраками пренебрегать не стоит.

— Я опять в Париже! — восторженно вскрикнула Мотька. — Кто бы мог подумать! Степка, ты хоть понимаешь — ты в Париже!

— Понимаю, чего ж тут не понять.

— Вот что значит разница темпераментов, — проворчал Ален.

В машине я с Мотькой и Степанидой села сзади, а Поль рядом с Аленом. Мотька то и дело что-то восклицала, а Степанида молча смотрела в окно.

— Аська, а какие планы на сегодня? — спросила негромко Мотька.

— Сейчас позавтракаем, а потом куда хотите, полная свобода!

— А Игорь Васильевич здесь?

— Нет ни его, ни Ниночки, они в Севилье, вернутся через несколько дней.

— Жаль...

— Ничего, успеешь еще пообщаться с дедом! У вас же целых три недели.

— Ох, не говори! Даже самой не верится. Три недели в Париже, с тобой! — прошептала Мотька.

— Матильда, — сказал Ален, — сегодня у меня свободный день, поэтому надо воспользоваться машиной.

— Что ты имеешь в виду?

— Может, махнем после завтрака в Версаль?

— Можно и в Версаль! В прошлый раз мы так недолго там были...

Я видела, что Степанида напряглась. Наверно, она не знает, что такое Версаль, а спросить стесняется, ну да ничего, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

— Степка, гляди, ты знаешь, что это такое вон там торчит? — закричала Мотька.

— Знаю! Эйфелева башня, — невозмутимо ответила Степанида.

— Точно! — обрадовалась Матильда.

Когда машина Алена свернула на нашу улицу, Матильда завопила:

— Степка, Степка! Это наша авеню! Авеню Виктора Гюго!

— Только не спрашивай меня, чего он написал, — тихо проговорила Степанида.

— А ты, что ли, знаешь?

— Конечно! «Собор Парижской Богоматери», «Отверженные» и еще много чего, — продемонстрировала свою эрудицию Степанида.

— Ну надо же! — поразила Мотька.

Мы подъехали к нашему дому. Навстречу нам выскочил Дидье.

— Бонжур, Дидье! — проговорила Матильда.

— О! Мадемуазель, бонжур! — захлопал глазами Дидье, узнав Матильду. — Рюски баришна!

— Это кто? — не выдержала Степанида.

— Консьерж.

— А почему негр?

— В Париже много негров, — не придумала я ничего лучше.

Степанида кивнула, приняв это к сведению.

Мы вошли в дом. При виде отделанного красным деревом лифта Степанида округлила глаза и покачала головой, но ничего не сказала. Она вообще почти все время помалкивала — то ли боялась сказать что-то невпопад, то ли была переполнена впечатлениями. Завтрак мадам Жюли накрыла в столовой, и я подумала, что Степаниду это смутит, но ничуть не бывало. Она вполне спокойно управлялась с приборами, и только незнакомая еда внушала, кажется, ей некоторые опасения — наслышалась, видно, что французы едят лягушек. А Мотька так и сияла! Поль смотрел на нее открыв рот, но я сразу поняла: ему ничего не светит. По всем признакам, Мотька была влюблена. Неужели по-прежнему в Олега? Что-то не верится!

После завтрака мы все погрузились в машину и поехали показывать Степаниде Париж и его окрестности. Надо же воспользоваться свободным днем Алена!

А Степаниде было как-то не по себе. Ее поразила роскошная квартира знаменитого певца, где предстояло прожить целых три недели. Там все было как-то не так, даже в уборной она далеко не сразу сообразила, как спустить воду. Она была в панике, даже взмокла с перепугу и уже от отчаяния дотронулась до какой-то металлической пластинки в стене. И вода сразу полилась. Придумают же... А сколько еще подобных ситуаций ее ждет? Хорошо еще, она не успела никого позвать на помощь... то-то позору было бы... Да и вообще... Эта пожилая мадам Жюли, которая подает к столу... Негр, который таскает чемоданы... И эти парни, Ален и Поль... Вроде ничего плохого в них нет, Ален вон даже цветочки ей подарил, а все-таки... Чужие они какие-то... «Ну да ничего... Я еще привыкну. Привыкла же я в Москве, — думала она, — а сначала тоже было страшновато и неловко. Кстати, надо будет попросить у Аси карту Парижа. Хорошо бы дня через три-четыре освоиться немного и начать одной гулять по городу». Она понимала, что Аське и Мотьке охота побыть наедине, а она, вообще-то, прекрасно ориентируется. В

Москве уже через три дня передвигалась самостоятельно. Правда, в Москве все говорят по-русски, но зато тут, в Париже, все улыбаются, а в Москве народ больше хмурый... Да, решила Степанида, одной гулять даже интереснее... Надо только, чтобы Аська научила ее пользоваться здешними уличными телефонами — на всякий случай... Хотя вряд ли ее отпустят одну, Матильда побоится... «Ну ничего, я что-нибудь придумаю, уговорю их, или... Или просто уйду потихесеньку, а потом приду как ни в чем не бывало, и они поймут, что меня можно отпускать одну. Завтра же с утра попробую! Встану пораньше и слиняю. Ненадолго, на полчаса всего, пойду прошвырнусь по нашей авеню, никуда даже сворачивать не буду, чтобы не заплутать». И, приняв такое решение, Степанида успокоилась.

Ален целый день возил их на машине, показывал достопримечательности. У Степаниды голова шла кругом от всяческих красот и от старания ничем не выдать своего невежества. Она приказала себе не задавать лишних вопросов и ничему не удивляться. Хотя это было трудно, потому что на самом деле она пребывала в непрерывном удивлении.

Правду люди говорят: Париж — настоящее чудо!

К вечеру я стала замечать, что Степанида уже едва держится на ногах от впечатлений. По дороге из Версаля она попросту задрыхла в машине.

— Степка, ты что! — попыталась ее разбудить Матильда.

— Мотька, пускай спит! — вступилась я за девчонку. — Она ж тут не на три дня, а на целых три недели, еще успеет все посмотреть.

— Твоя правда, — легко согласилась Матильда, — просто мне кажется, что в Париже грешно спать...

— А, между прочим, у тебя самой довольно сонный вид, — усмехнулся Ален, взглянув в зеркальце.

— Ну, вообще-то, я и вправду устала... — призналась Матильда.

— Так что, сегодня танцы отменяются? — поинтересовался Поль.

Мы с Мотькой переглянулись. Нам столько надо рассказать друг другу, а когда еще представится возможность...

— Да, мальчики, сегодня я уже ни на что не гожусь, — сказала я. — Тоже устала, как пес!

— Что это вы какие слабые? — засмеялся Ален. — В прошлый раз готовы были с утра до ночи таскаться, а сейчас еще только начало девятого...

— Ален, ты ничего не понимаешь в женщинах! — весело воскликнул Поль. — Подружки полгода не виделись, им посекретничать надо, а тут Степанида спит...

— Он прав? — спросил Ален.

— Только отчасти, — призналась я. — Но вы не обижайтесь...

— Постараемся!

Они довезли нас до дома, помогли довести до квартиры едва державшуюся на ногах Степаниду,

и Ален на всякий случай спросил:

— Ну как, не передумали? Может, отдохнете полчасика, а потом все-таки...

— Нет, — решительно заявила Матильда, — не могу! Просто сил нет!

— Ну, как хотите, — чуть сухо вато сказал Ален. Кажется, он все-таки обиделся. Глупо!

Мы с Мотькой отвели Степаниду в ванную, помогли умыться, потому что она не справлялась с кранами и душем, а потом уложили спать. Ужинать она отказалась. Нам тоже есть не хотелось. Мы уселись в гостиной в кресла. Мне казалось, стоит нам остаться вдвоем, как разговор польется сам собою, но нет... Мы молча смотрели друг на друга. Эти полгода столько вместили в себя, что мы обе не знали, с чего начать.

— Ну? — не выдержала я. — Чего молчишь?

— А ты? — улыбнулась Мотька.

— Нет, начинай ты...

— Аська, столько всего, что я... Аська, я не знаю, что мне делать...

— Что делать? В каком смысле?

— Понимаешь, Меркулов хочет ставить «Ромео и Джульетту»...

— И ты будешь играть Джульетту?

— Вроде бы...

— Но это же просто здорово! Мотька! Это же... это же...

— Аська, а если я провалюсь?

— Провалишься? Почему?

— Потому что это Шекспир! Мне иногда во сне снится, что меня освистывают! Понимаешь, тут все-таки нужна школа, а я ничего не умею... Это стихи...

— Матильда! Ты сумасшедшая, да?

— Почему? — растерялась она.

— Ты что, сомневаешься?

— Еще как!

— А Меркулову ты про это говорила?

— Говорила.

— А он что?

— А он велел мне выучить одну сцену с Ромео и показать ему.

- Ну и что? Ты выучила?
- Конечно!
- Показала?
- Да. И он сказал...
- Что? Что он сказал?
- Ты смеяться не будешь?
- Нет!
- Он сказал, что я... Джульетта его мечты!
- Как? Джульетта его мечты? — переспросила я.
- Аська, ты же обещала!
- Да я и не думаю смеяться! Это же просто здорово! Поздравляю, Мотья! И ты еще сомневаешься?
- Конечно, сомневаюсь...
- Ну, ты всегда сомневаешься... Хотя это правильно. Сомневаться надо, это полезно, дед тоже всегда так говорит. Подумать только, Мотья, год назад ты была в Париже, даже меньше года, и вовсе не думала, что скоро станешь звездой!
- Аська, прекрати, никакая я не звезда! Просто я везучая, тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!
- И она постучала по деревянному столику.
- Аська, а как ты считаешь... Вот когда Игорь Васильевич вернется, можно мне с ним будет посоветоваться?
- Насчет чего?
- Насчет Джульетты и вообще...
- Конечно, можно, ты же знаешь, как дед к тебе относится!
- Аська, все, давай сейчас больше про это не будем, ладно?
- Как хочешь.
- Ась, а почему ты пригласила со мной Степаниду?
- Как почему? — удивилась я. — Она же живет у тебя, и что же — ты бы ее одну оставила, а сама бы укатила в Париж?
- Ты настоящий друг, Аська!
- А ты сомневалась?

- Вообще-то нет.
- А тебе с ней трудно, со Степкой?
- Нет, она хорошая... Она даже работать устроилась...
- Работать? А школа?
- Она после школы подрабатывает, и знаешь где? У Пивочкиной матери.
- У Юлии Арсеньевны? — ахнула я.
- Да. И устроила ее туда тетя Липа.
- Обалдеть!
- Да, и она все от меня скрывала, я совсем недавно узнала...
- А, теперь понятно, откуда у нее такие хорошие манеры за столом, я даже удивилась...
- Почему? А у меня что, плохие манеры? — всполошилась Мотька.
- Нет, что ты... Просто я знаю, что тебе некогда было заниматься обучением Степаниды, — рассмеялась я.
- Аська, но ты, если что, говори мне, ладно?
- Насчет чего?
- Насчет манер! Я ж теперь артистка, мне надо...
- У тебя с этим все в порядке, успокойся!
- Степка очень с Валеркой подружилась...
- Это хорошо. Валерка — умница.
- Я тоже так думаю, мне за нее тревожно было, а теперь поспокойнее. Валерка, Юлия Арсеньевна — они плохому не научат.
- Это точно. Да она и сама не дура. У нее голова на плечах есть.
- А как ты думаешь, Аська, почему она сегодня все время молчала?
- Стесняется, наверное. Все незнакомое, новое, столько впечатлений...
- Другая бы на ее месте все время задавала бы вопросы, а она...
- Наверное, боится показаться дурой.
- Похоже, ты права. Это хорошо! — обрадовалась Мотька. — Ой, Аська, что мы с тобой все о Степаниде, что у тебя-то? С Аленом у вас, похоже, не столько любовь, сколько дружба, да?
- Да...

- И ты ни в кого не влюблена?
- Да как тебе сказать...
- Скажи, как есть!
- Мотька, только это между нами...
- Ты что тут, в Париже, сдурела? Я тебя когда-нибудь подводила?
- Нет, конечно, извини...
- Ну, так в кого ты втюрилась?
- Я не втюрилась, просто мне очень понравился один человек...
- Какой человек? Откуда?
- Из Швеции.
- Из Швеции? — удивилась Мотька.
- Да, дед не так давно брал меня с собой в Стокгольм, и я там познакомилась с сыном одной знаменитой певицы... которая пела вместе с дедом... А на другой день она и ее сын возили нас по всяким достопримечательностям...
- А сколько ему лет?
- Двадцать! Он учится в университете, хочет быть врачом...
- А как его звать?
- Олаф!
- Красивое имя! Аська, а он к тебе как?
- Он, Мотька, на меня, по-моему, и не смотрел. Я для него еще соплячка, наверное.
- Тогда на фиг он тебе нужен? — возмутилась Мотька.
- Понимаешь, он такой красивый! Настоящий викинг!
- Викинг?
- Ну, во всяком случае, я именно так себе представляю викингов! Высокий, широкоплечий, голубоглазый, волосы совсем светлые...
- И тупой!
- Тупой? С чего ты взяла?
- Ну если он на такую девчонку, как ты, не клюнул, значит, точно — тупой!
- Спасибо, подружка!

— И между вами ничегошеньки не было? Даже не целовались?

— Нет, какое там... Говорю же, он меня в упор не видел, хотя был очень вежливым и приветливым... Просто я для него еще мала... Ладно, хватит об этом, расскажи лучше, что у тебя.

— Ой, Аська, я как заведусь о своих делах, меня и не остановишь. Поэтому лучше сначала о тебе.

— А что обо мне? Живу, учусь, привыкла уже к Парижу, не так скучаю... Тебя, конечно, очень не хватает, а так... Ну все, Мотька, выкладывай, что у тебя! — потребовала я.

— Я ведь уже сказала — у меня Джульетта!

— А как с Олегом?

— С Олегом? Все по-старому. Только он теперь мной гордится.

Мы проговорили до глубокой ночи, вспоминали старое, мечтали, смеялись вместе над детскими глупостями, словом, нам опять было хорошо вместе.

Глава IV

МОЯ ВЗЯЛА!

Степанида проснулась рано, в начале восьмого. В первый момент она ничего не поняла — незнакомая комната, широкая кровать вместо привычного московского диванчика. Но тут же она все вспомнила. Париж! Она проснулась в Париже! Ну надо же, кто бы мог еще месяц назад сказать, что такое возможно? Тем не менее это факт! Вчера ей показывали Париж, свозили и в Версаль. Вот это красота так красота! А еще два раза они были в кафе. Интересно, что будет сегодня? Вчера Мотька с Аськой что-то говорили, но она забыла. «Ой, я же собиралась сегодня сама погулять по городу!» Степанида прислушалась. В квартире было очень тихо. Похоже, все спят еще. Она тихонько поднялась и подошла к окну. За окном был Париж! И это не сон!

Быстренько умывшись, Степанида оделась, причесалась и на цыпочках вышла из комнаты. Пробралась в прихожую и посмотрела на дверь. Ничего особенного, открыть ее будет несложно. Она очень тихо открыла один замок, потом второй. Порядок! Вышла, прикрыла дверь за собой. Один замок щелкнул. Отлично! Вызывать лифт она не стала, быстро сбегала вниз по шикарной, устланной ковром лестнице. Только бы ее не задержал этот негр-швейцар. Она незаметно прошмыгнула мимо его двери с окошечком и, к великой своей радости, обнаружила, что входная дверь приоткрыта. Она проскользнула в нее и очутилась на парижской улице, почти нос к носу столкнувшись с давешним негром.

— Бон матэн, мадемуазель! — широко улыбнулся он.

— Бон матэн! — храбро проговорила Степанида, радуясь, что Юлия Арсеньевна успела кое-чему ее научить. И тут же с независимым видом прибавила шагу, чтобы избежать возможных вопросов. Отойдя от дома на некоторое расстояние, она оглянулась и внимательно посмотрела на дом, откуда вышла. Он был очень красив. Она прекрасно его запомнила и двинулась дальше, чувствуя какое-то странное упоение. Идти одной по утренней парижской улице было необыкновенно, фантастически приятно. И до ужаса интересно. В этот ранний час народу на улице было уже довольно много, ходили автобусы, далеко не пустые. «До чего же скромно тут

все одеты, — давалась диву Степанида. — У нас в Москве куда шикарнее одеваются! А тут... Молодежь почти сплошь в черном. Короткие стрижки. На лицах у девушек практически никакой косметики. Тоже мне, столица мировой моды!» — не без пренебрежения подумала Степанида. Ей почему-то казалось, что по парижским улицам должны ходить сплошь топ-модели в шикарных туалетах. Но после минутного разочарования она обрадовалась. Она, Степанида, харьковская чуха, ничем не хуже этих парижанок. Ничем! Здорово как! А улица красивая, кафе в основном по углам. А вон цветочный магазин, возле него в ведрышках стоят обалденные букеты. Степанида даже остановилась, зачарованно разглядывая эту красоту. Потом медленно двинулась дальше. Из небольшой палатки чем-то очень вкусно пахло. Она подошла поближе и увидела, что там на какой-то особой плитке жарятся блинчики! Обычные тонкие блинчики. В этот момент к палатке подошел молодой парень в черных джинсах и черной футболке. Он что-то с улыбкой сказал женщине, которая пекла блинчики. Она тоже улыбнулась ему и положила на блинчик кусок сыра и ветчину, ловко свернула его в трубочку и в бумажной салфетке подала парню. Он стал есть, не отходя от прилавка, а женщина намазала второй блинчик вареньем и тоже свернула в трубочку. Парень между тем уже слопал блинчик с сыром, и она протянула ему блинчик с вареньем. Он расплатился и, держа блинчик в салфетке, медленно побрел по улице, на ходу поедая его.

У Степаниды потекли слюнки. Но она не взяла с собой денег и потому поспешила отойти от палатки. Надо будет попросить Мотьку купить ей такой блинчик! Она пошла дальше. Ей совсем ничуть не было страшно, ей было хорошо и весело, как никогда в жизни. Да, теперь уж она во что бы то ни стало вытребует себе право гулять одной по Парижу! Она взглянула на часы. Начало девятого. «Вернусь к девяти, — решила она. — Дойду вон до того сквера, посижу там пять минут и двинусь обратно». В скверике росло несколько деревьев и стояло четыре скамейки. На одной из них сидела девочка, по виду Степанидина ровесница, а у ее ног дремала жутко смешная собака. Длинная, в пятнах и с длинными ушами. Степанида однажды видела такую в Москве. Но что это за порода, не знала. Она подошла поближе, разглядывая диковинную псину. Та вдруг открыла большие, налитые кровью, но удивительно добрые глаза. Девочка с любопытством уставилась на Степаниду. Та смущенно улыбнулась. И сказала:

— Бон матэн!

Девочка в ответ тоже улыбнулась и на чистейшем русском языке ответила:

— Привет! Ты русская?

— Да! А ты откуда знаешь?

— По произношению догадалась. Ты откуда?

— Из Москвы. А что, у меня такое плохое произношение?

— Неважное, прямо скажем. А как тебя зовут? Ты садись! — радушно пригласила она.

— А собака?

— Она не тронет, что ты. Она добрая.

Степанида с удовольствием присела на край скамейки.

— Так как тебя зовут? — гнула свое девочка. — Я, например, Маша.

— А я Степанида.

- Как? — не поверила своим ушам Маша.
- Степанида!
- Ну и имя! Первый раз такое встречаю! Степанида! Красивое имя, между прочим, только непривычное. А как тебя сокращенно звать?
- Можно Степа, можно Стеша.
- Степа, Стеша... А ты давно из Москвы?
- Вчера.
- Надолго в Париж?
- На три недели.
- У тебя тут родня?
- Почти.
- «Почти» — это как? — весело поинтересовалась Маша.
- У моей сестры тут самая близкая подруга живет.
- А... Понятно.
- А ты? Ты тут всегда живешь?
- Уже два года. Мама замуж вышла.
- За француза, что ли?
- Да. Но потом развелась.
- Ну и как тебе тут?
- Да, в общем, неплохо. Хотя по Москве скучаю.
- Ты туда не ездила?
- Нет, мама не хочет, но я все же надеюсь. Сейчас к маме брат ее приехал, дядя мой, вот я и надеюсь, что он уговорит маму отпустить меня с ним хотя бы на две недели. А ты что, не первый раз в Париже?
- Почему? В первый!
- Вчера первый раз приехала и уже одна гуляешь? — искренне удивилась Маша.
- Ага! Понимаешь, я решила, что не хочу все время путаться под ногами у сестры и ее подружки. Вот и ушла сегодня, пока они спят, погулять, чтобы сразу приучить их к мысли, что я и одна тут не пропаду.

Маша взглянула на нее с интересом.

- Ну ты даешь! Они же там скорее всего уже с ума сходят!
- Нет, они небось вчера всю ночь трепались и сейчас еще спят.
- А подруга твоей сестры не работает?
- Работает? Нет, что ты, она еще в школе учится! А сейчас у нее каникулы.
- И твоя сестра в школе учится?
- Она в этом году кончила школу. Экстерном.
- И вы вдвоем сюда приехали?
- Да, конечно.
- И родители вас легко отпустили?

Степанида помрачнела.

- Я что-то не то спросила? — встрепелась Маша.
- Да нет... Понимаешь, мы двоюродные. У нее только мама, а у меня только папа, да и то в Канаде...
- Извини, я же не знала... Ладно, замнем. А ты, значит, жаждешь самостоятельности?
- Угу!
- А хочешь, я тебе покажу Париж?
- Ты?
- Да. Ну, по всяким там музеям тебя, наверное, и так будут таскать, а вот погулять по городу можно было бы и вместе. Мне тоже скучновато, так что... Как ты на это смотришь?
- Можно, — пожала плечами Степанида. — Почему бы и нет?
- Какой у тебя телефон?
- Телефон? Я не знаю, — растерялась Степанида.
- Тогда я тебе дам свой номер. Будет охота и время, звони. Ладно?
- Ладно! Я сегодня не знаю, какие у них планы, а вот завтра...
- Хорошо. Позвони мне вечером и договоримся. Ох, черт, записать-то нечем и не на чем. У тебя тоже нет ничего?
- Откуда?
- Хорошо, тогда постарайся запомнить!

Степанида несколько раз повторила номер телефона.

- Порядок. Запомнила.
- Ну, до свидания, Степанида! Мне пора.
- Ой, Маш, а какой породы твоя собака?
- Бассет!
- Понятно. А как ее звать?
- Лайза. Ты дорогу домой найдешь?
- Найду. Я просто пошла по улице направо. Так что вернусь, и все!
- Ну, пока!
- Пока! Лайза, пока!

И девочки разошлись в разные стороны.

Степанида глянула на часы и ахнула. Был уже десятый час. И она припустилась бегом, понимая, что ей сейчас здорово влетит. Но тем не менее ее переполняла радость. Еще бы! Первая же самостоятельная прогулка — и вот у нее уже появилась знакомая девочка, к тому же из Москвы. Эта новость должна очень обрадовать Мотьку с Аськой. Что там ни говори, а для них тоже баба с возу, лошади легче! Запыхавшись, она подбежала к дверям дома.

— Степанида, где тебя носило? — раздался над ухом Аськин голос. — Ты в своем уме? Идем скорее, а то Мотька с ума сходит!

Она схватила Степаниду за руку и поволокла в дом. Степанида только пристыженно сопела. На площадке у лифта металась Мотька.

— Нашлась, чертова кукла? — накинулась она на двоюродную сестру. — Аська, где ты ее отловила?

— Она сама вернулась.

— Куда ты ходила, отвечай! — потребовала Мотька, когда они вошли в квартиру.

— Гуляла!

— Ах, она гуляла! А ты о том не подумала, что мы волнуемся? А если бы ты заблудилась?

— Как, интересно, я могла бы заблудиться, если просто пошла по этой самой улице? А потом как пошла, так и вернулась. Вы дрыхнете, а мне жалко время терять!

— Ну нахалка! — всплеснула руками Матильда.

— И ничего я не нахалка! Я, если хочешь знать, вообще ради вас гулять пошла!

— Ради нас? — рассмеялась Аська. — Это как же ты ради нас гуляла?

— Я хотела вам доказать, что запросто могу и одна гулять по Парижу и не быть никому в тягость.

— Что за чепуха! — поморщилась Аська. — С чего ты взяла, что ты кому-то в тягость?

— Вот именно! — подхватила Мотька.

— Я ж не дура и все вижу! И вообще... Я уже нашла себе подружку!

— Подружку? Когда ты успела? — ахнула Матильда.

— Когда? Сейчас! Я с ней в сквере познакомилась. Она тоже русская, только живет тут, в Париже! Она мне свой телефон дала, обещала Париж показать! Вот! И вообще... Мне жутко понравилось одной гулять.

Аська и Матильда недоуменно переглянулись.

— И сколько лет твоей подружке? — растерянно осведомилась Матильда. Степанида частенько ставила ее в тупик.

— Тринадцать! Ее Машей звать. И у нее собака потрясная. Лайза. Порода бассет.

— Ладно, пошли завтракать, мадам Жюли сегодня выходная, — сказала Аська. — Главное, что ты нашлась, а остальное мы решим после завтрака.

Они втроем уселись за стол на кухне. Степаниде все здесь было интересно. И посуда, и еда, и кухонная техника.

— Это что? — с любопытством осведомилась она, указывая на открытый Аської шкафчик с какими-то странными приспособлениями из белого металла.

— Посудомойка.

— А... Ася, скажи, я вот видала на улице нынче, как блинчики продают. Они вкусные?

— Блинчики? Очень вкусные, особенно мне с ликером нравятся!

— Как это с ликером? — заинтересовалась Мотька.

— Очень просто! Наливают на обычный блинчик ложечку ликера, он быстро пропитывает блинчик, и это такая вкуснотища... Обязательно сегодня попробуйте! — пообещала она. — Кстати, эти блинчики здесь называются крэп.

— Крэп? — переспросила Степанида.

— Да, Мотька, а неужели в прошлый раз ты не пробовала крэп?

— Нет, не пробовала.

— Вот сегодня и попробуешь!

У Степаниды сложилось впечатление, что Аська нарочно уводит разговор от сегодняшней ее прогулки, чтобы у Матильды поскорее прошла злость. Наверное, ей понравилась Степанидина идея насчет самостоятельности.

— Аська, не пытайся ее выгораживать! — не поддалась Матильда. — И не вздумай соглашаться с ней! Она нам такое тут устроит!

— Что? Что я устрою? — завопила Степанида. — Я же хочу только...

— Мало ли что ты хочешь! А я...

— погоди, Мотья, не кипятись, — перебила ее Аська. — Ну что тут такого? Захотелось ей одной погулять по Парижу, вполне понятное желание!

— А если с ней что-нибудь случится? Если она заблудится?

— Почему это я должна заблудиться? Ася даст мне свой телефон, и если даже я заблужусь, просто позвоню вам...

— А мы, по-твоему, должны сидеть дома и караулить, да? — негодовала Матильда.

— Почему? Я просто скажу на автоответчик, где я, и буду ждать.

— До скончания века? — сердито сощурилась Матильда.

— Ася, ну скажи ей! — взмолилась Степанида. — Я же просто хочу вам не мешать, и потом... мне так понравилось идти одной по улице... и самой думать, а не слушать все время, что мне другие втолковывают!

— Ишь ты, думальщица выискалась! Да ты же ни фиги вообще не знаешь и не узнаешь тоже ни фиги, если будешь одна таскаться по улицам. Тогда твоим главным парижским впечатлением будет блинчик с ликером!

— Да прекратите вы! — прикрикнула на них Аська. — Я считаю, что надо сделать так...

Сестры уставились на нее.

— Мы каждый день будем осматривать какие-то достопримечательности, но не целый день, правда? Скажем, сегодня мы ходим в Лувр. Все равно больше трех часов мы там не пробудем, иначе ноги протянем. А потом пусть Степанида попробует погулять одна. Может, ей это и не понравится: в конце концов, одно дело пройтись полчаса по улице и совсем другое — таскаться одной полдня.

Степанида взглянула на нее с благодарностью, зато Мотья рассердилась:

— Аська, ну что ты несешь? Она вчера только прилетела из Москвы, по-французски ни в зуб ногой, и ты предлагаешь отпустить ее одну? А если с ней что-то случится?

— Что? Что со мной может случиться?

— Да все, что угодно!

— А в Москве со мной ничего не может случиться? Там же ты меня отпускаешь, правда? А в Москве, между прочим, преступлений, наверное, побольше, чем в Париже! — вопила Степанида. — Ася, ты же мне все объяснишь, правда? Я ведь не бестолочь какая-нибудь и по карте смогу запросто разобраться! Мотя, ты же сама мне рассказывала, что вы в Тель-Авиве все время одни были!

— Но нас же было двое!

— А Маша? Маша вообще тут живет, парижанка, можно сказать.

— Надо еще поглядеть, что это за Маша, — уже сдаваясь, проворчала Матильда.

— Пожалуйста, я могу ей завтра позвонить и познакомить с вами, — легко согласилась Степанида.

— Почему только завтра? — насторожилась Мотька.

— Сегодня она занята, — не моргнув глазом соврала Степанида, которой жутко хотелось побродить одной по Парижу.

— Черт с тобой, — кивнула Мотька. — Но первым делом мы пойдем в Лувр. Аська, ты с нами пойдешь?

— Пойду, хотя...

— Что?

— Нет, мы сегодня не пойдем в Лувр...

— Почему это?

— Потому что лучше мы для начала просто погуляем по городу, пускай Степка немножко освоится при нас, а потом уже мы ее отпустим одну. А в Лувр не поздно и завтра пойти.

— Правильно! — пришла в восторг Степанида.

— Понятно, — засмеялась Матильда, — ты, Аська, не любишь в музеи ходить, я знаю!

— Не люблю, — честно призналась Аська, — особенно летом, когда там толпы туристов. И, кстати, в Лувр лучше всего идти с Ниночкой, она как раз его обожает и знает там все...

— Отлично, подождем Ниночку! — решила Мотька. — А сегодня просто Париж!

«Кажется, моя взяла», — с удовольствием подумала Степанида.

Глава V

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

Втроем они отправились на метро на Елисейские Поля.

— Ну и метро, — негодовала Степанида, — разве это метро? Вот в Москве метро так метро, а здесь...

— А бог с ним, с метро, — блаженно улыбаясь, проговорила Матильда. — Главное, мы в Париже!

— А эту штуку я в кино видала! — заявила Степанида, глянув на Триумфальную арку.

— погоди, Степка, ты скоро поймешь, что очень многое видела в кино, — пообещала Матильда.

Они двинулись по Елисейским Полям. И Степанида ошалела.

— Боже ж мой, до чего красиво! — то и дело шептала она.

Аська и Мотька удовлетворенно переглядывались. Кажется, Степаниду пробрало! Они не спеша брели по Елисейским Полям, потом свернули вправо и по авеню Франклин вышли на набережную.

— Сена! — захлопала в ладоши Степанида, с благодарностью вспомнив Юлию Арсеньевну.

День был солнечный, но не жаркий. От реки тянуло прохладой.

— До чего же здорово! — подставляя лицо солнцу, воскликнула Матильда. — Аська, я такая счастливая! А знаешь, это ведь Париж мне удачу принес!

— Что? — не поняла Аська. — Как это?

— Очень просто! После того как я побывала в Париже, я вдруг осознала, что мечты сбываются, и почти тут же мне предложили роль в настоящем театре...

— А может, это не Париж, а Рим тебе удачу принес? — улыбнулась Аська.

— Нет, это не Рим и не Париж, это ты, Аська, твоя семья... — уже серьезно заметила Матильда. — Твой дедушка организовал нашу поездку, а твоя мама порекомендовала меня на эту роль...

— Ладно тебе, Мотька, — перебила ее излишня Аська, — пошли, лучше я вас блинчиками угощу! Степанида, хочешь блинчик?

— Хочу!

— Ну и отлично. Мотька, будешь?

— А что я, рыжая? Конечно, буду!

Они подошли к палатке.

— Ну как, кто с чем хочет блинчик?

— Я хочу с ликером! — заявила Степанида.

— Аська, — испугалась Матильда, — а она не окосеет?

— От ложечки ликера? — засмеялась Аська. — Не окосеет, это точно.

Она что-то сказала продавцу, молоденькому арабу, по-французски. Тот улыбнулся и кивнул. Потом налил из бутылки в малюсенькую мерку ликер и полил им блинчик, ловко его свернул и в салфетке подал Аське, та передала его Степаниде.

— Спасибо!

Блинчик был очень горячий, и от него потрясающе пахло абрикосом.

— Ликер называется «Гран Марнье», — сообщила для сведения Аська. — Степка, ты почему не ешь?

— Вас жду!

Аська засмеялась. Она поняла Степанидину мысль. Девчонка боялась, что съест блинчик первой и потом будет мучиться завистью к ним, еще недоевшим.

— Ешь, ешь, понравится, я тебе еще куплю!

Степанида откусила блинчик. И ей показалось, что она в жизни не ела ничего вкуснее. А тем временем уже и Мотька взялась за новое лакомство.

— Вкусотища! — простонала она. — Аська, это потрясон!

— Да, я тоже их люблю.

Потом они съели еще по одному блинчику и пошли дальше по набережной. Аська что-то рассказывала про Париж, но Степанида почти не слушала ее. Она думала, что, может быть, и ей тоже Париж принесет удачу, хотя и сама толком не знала, чего она хочет в этой жизни. А потом пришла к выводу, что вот так вот идти по залитой солнцем парижской набережной — это и есть огромная, невероятная удача в ее такой раньше тусклой жизни. Собственно говоря, главной удачей было то, что Мотька взяла ее жить к себе. Сколько всего нового и интересного она узнала, с какими людьми познакомилась, а теперь вот гуляет по Парижу. Да она же счастливица, невероятно везучая! И почему это она считала себя несчастной? Но теперь с этим покончено! И вовсе она не сирота казанская, папа хоть и далеко, в Канаде, но не забывает про дочку, присылает иногда письма и деньги, а Мотька... Она заботится о ней, любит, наверное... Вот взяла ее с собой в Париж! И Аська не держит на нее обиды за старое... Одним словом, жизнь прекрасна и удивительна! Аська все сыпала какими-то французскими названиями, но Степанида даже не пыталась их запомнить. Еще успеется! Она впервые за почти тринадцать лет просто бездумно наслаждалась жизнью и новым ощущением себя в этой жизни. Жить, сознавая, что ты везучая и счастливая, оказывается, очень здорово!

Они шли вдоль Сены, потом по мосту перешли на другой берег. Немного погодя Аська остановилась.

— Вы есть хотите? — спросила она.

— Есть? Да ты что? Мы же блинчики ели! — воскликнула Матильда.

— Степа, а ты не голодна?

— Нет, спасибо.

— В таком случае я сейчас поведу вас в одно местечко, где Матильда тоже не была. Называется «Фруктовый рай».

— «Фруктовый рай»? — переспросила Степанида. — А что это?

— Это кафе! Там мы слопаем потрясающую штуку из фруктов, а потом, думаю, отпустим Степаниду на волю, но не больше чем на три часа. Для начала. Согласна?

— Согласна! — обрадовалась Степанида.

— Ась, а что там едят, во «Фруктовом раю»? — любопытствовала Мотька.

— Фрукты, естественно. Но приготовленные особым образом.

— Только уговор — плачу я!

— Матильда, не сходи с ума! Мне дед специально оставил денег, чтобы я вас всюду водила, и, если я их не потрачу, он меня со свету сживет. Так что сиди тихо и не рыпайся.

— Аська, у нас есть деньги!

— Конечно, есть. Они вам еще пригодятся, а я не хочу неприятностей с дедом! — гнула свое Аська.

— Нет, Аська...

— Матильда, я деду пожалуюсь!

— Ладно, — махнула рукой Матильда. — Но Степке я сама дам денег! Когда она гулять отправится! И не возражай!

— Я и не возражаю, но у тебя ведь, наверное, доллары, а их еще надо поменять...

— Ох, да... А разве это сложно?

— Нет, несложно, но это еще надо сделать.

— Вот после кафе и сделаем.

— Ладно.

Они вошли в кафе и сели за столик у окна. Аська что-то сказала официантке, и вскоре им подали три громадных бокала, полных разных фруктов, политых соком, и еще там было немного мороженого. Выглядело все это просто потрясающе.

— Налетайте! — сказала Аська.

— А это что? — осторожно спросила Степанида, вытащив длинной ложечкой какой-то полупрозрачный белый шарик.

— Это личи!

— Личи? Надо же! — пришла в восторг Степанида и отправила шарик в рот. — Вкусно. А я один раз купила йогурт, и там было написано, что он с личи. Я и понятия не имела, что это такое? А это манго, да?

— Да!

— Степанида! — позвал вдруг кто-то.

Она подняла глаза и расплылась в улыбке:

— Маша! Ой, девчонки, познакомьтесь, это Маша, мы сегодня утром познакомились! Вот здорово!

— Маша, садись с нами, — радушно пригласила Ася.

— Нет, спасибо, я тут с дядей, вон он сидит! Степанида, может, мы завтра погуляем вместе, сегодня я с дядей, а завтра буду свободна. Ты уже знаешь свой телефон?

— Я — нет, но Ася... Ася, ты дашь Маше телефон?

— Конечно. — Ася быстренько черкнула номер в своей записной книжке, вырвала листок и протянула Маше. — Вот.

— Спасибо! Степанида, созвонимся вечером, хорошо?

— Хорошо!

Маша смущенно улыбнулась и пошла к столику, за которым ее ждал дядя, мужчина лет тридцати пяти с приятным интеллигентным лицом.

— Степанида, эта Маша очень симпатичная, — сказала Ася, — тебе повезло!

— А я вообще везучая, — вырвалось у Степаниды.

— Тьфу, тьфу, тьфу, чтобы не сглазить! — прошептала Матильда и постучала по столику.

— А поплевать через левое плечо? — засмеялась Степанида.

— Считай, что поплевала!

Они все расхохотались.

«Хорошо-то как», — подумала Степанида в который уж раз и занялась фруктами.

Краем глаза она видела, что Маша тоже уплетает фрукты с мороженым, а ее дядя пьет что-то из высокого стакана. «Подумать только, еще вчера я была в Москве, а сегодня у меня уже есть подружка в Париже!» Но вот Маша и ее дядя поднялись из-за столика и направились к выходу. Маша на прощание помахала Степаниде, и та помахала в ответ. Вскоре и они покончили с фруктами. Ася расплатилась, дала Степаниде телефонную карточку, карту Парижа, немного денег и кучу наставлений.

— Сейчас полчетвертого. К половине седьмого постарайся быть дома. Дорогу от метро найдешь?

— Найду, — кивнула Степанида.

— Нет, в метро ты непременно запутаешься, это вам не Москва, ты лучше сядь на автобус...

Она объяснила, где и на какой автобус ей следует сесть.

— Степка, только я тебя прошу... — умоляющим голосом проговорила Матильда. — Будь осторожна. Мы к шести вернемся. Если заблудишься, то позвони...

— Нет, если не найдешь автобуса, то просто сядь в такси и скажи: «Авеню Виктор Гюго». Возьми еще денег.

— Да не заблужусь я. Ты же мне все по карте показала. Ладно, я пошла!

И Степанида вскочила из-за стола.

— Хорошо, иди, а мы, пожалуй, еще посидим чуть-чуть, — улыбнулась Аська.

Степанида выбежала из кафе и остановилась в раздумье, куда пойти. И решила: «Пойду в собор Парижской Богоматери. Столько я уж про него слыхала, а он тут под боком. — Она заглянула в карту. — Ага, я сейчас на набережной Августинов, хорошо, что карта на русском языке, а то бы хана... Ага, надо пройти вперед и потом по мосту перейти на остров Ситэ, где и расположен собор». Она сложила карту и тут заметила, что у нее развязался шнурок. Степанида нагнулась, чтобы завязать его, и вдруг взгляд ее упал на валяющуюся визитную карточку с золотым обрезом. На карточке изящными буквами было выведено: «Тимофей Михайлович Холщевников». У Степаниды глаза полезли на лоб. Ну ни фиги себе! Холщевников! Она осторожно, сама не зная зачем, подняла карточку и сунула в карман. «Ничего, в Москве пригодится, там есть какие-то телефоны-телефаксы, вот пусть Валерка и займется... А я... Мне сейчас не до Холщевникова, я иду одна гулять по Парижу, и какое мне дело до всяких московских преступлений и преступников. Сейчас я в Париже и не желаю ни о чем таком думать». Но это легко сказать, а карточка все-таки не давала ей покоя. Пройдя по набережной в сторону собора какое-то расстояние, она остановилась и вытащила из кармана визитку. Да, действительно, Тимофей Михайлович Холщевников, телефон, факс... Но ведь это значит, что он сейчас в Париже! И, более того, он, наверное, был в том самом кафе, во «Фруктовом раю»! Карточка была чистая, незатоптанная, следовательно, потерял он ее совсем недавно. Может, они были в кафе одновременно? И вдруг она похолодела. А что, если Машин дядя и есть Холщевников? Что-то больше она там русских не заметила. Но если это так, то... Опять удача, невероятная удача! Она сможет очень многое о нем узнать, не вызывая ни малейших подозрений. Просто расспросит о нем племянницу. Они же с Машей едва знакомы, общих тем не так много, и та скорее всего с удовольствием расскажет о своем дяде, которого, похоже, очень любит. Здорово! Просто отлично! Степанида спрятала карточку и побрела дальше. Но все мысли были уже о Холщевникове, собор Парижской Богоматери отступил на второй план. «И что я за дурища такая, — сама на себя негодовала Степанида, — даже в Париже думаю черт знает о чем. И судьба, видно, такая — преступников ловить. Вообще-то, этот Машин дядя совсем на преступника не похож, однако это еще ни о чем не говорит. Не все же преступники похожи на преступников. Стоп, почему я решила, что это обязательно Машин дядя? Может, вовсе другой человек? Но если другой, вряд ли я сумею его найти в Париже, и тогда придется все отложить до Москвы. Хорошо бы... Маша такая милая, и не хотелось бы начинать дружбу с ней с подозрений в адрес ее любимого дяди. И потом, с чего я взяла, что карточку потерял сам Холщевников? Ее запросто мог потерять и кто-то другой, кто-то, кому Холщевников ее дал. Логично? Вполне! Кстати, Машин дядя тоже запросто может оказаться этим человеком. Ох, черт! Что же делать? Может быть, стоит рассказать эту историю Мотьке с Аськой? Вдруг им захочется трянуть стариной? Нет, пока лучше молчать... Для начала я сама все выясню насчет карточки и Холщевникова, а там посмотрим... Одна в Париже я могу и не справиться...» Ей вдруг стало как-то неуютно и одиноко. Не слишком ли много она на себя взяла? Но, вспомнив утреннее состояние восторга, решила: «Нет, не позволю никому сломать мне этот кайф!» И, сверившись с картой, она решительно повернула на мост, ведущий к собору Парижской Богоматери.

— Слушай, Аська, а может, пока не поздно, пойдём за Степкой следом, как ты думаешь?

— Зачем это? — удивилась я.

— Ну, подстрахуем ее... — неуверенно произнесла Матильда.

— А если она нас заметит? Что мы тогда скажем?

— Почему это она должна нас заметить? У нас, слава богу, опыт какой!

- Нет, Матильда, нехорошо это... Да я уверена, то она прекрасно со всем справится.
- А если нет?
- Слушай, Мотька, я понимаю, у тебя нервы шалят. Успокойся, расслабься! Представь себе, что ты уехала куда-то, а ее одну в Москве оставила...
- Ну и что?
- Думаешь, ей там меньше опасностей грозило бы, чем здесь и сейчас?
- Наверное, не меньше, но все-таки в Москве столько знакомых...
- Да она обзаведется ими, если нужно, в течение получаса! Ты же видела эту Машу! Вполне нормальная девчонка, не монстр, не бандитка... Не волнуйся, Степанида и в людях разбирается, и вообще в высшей степени самостоятельная особа.
- Аська, ты и вправду за нее не волнуешься?
- Ничуть. И тебе не советую. Не пропадет Степанида, не такая она... И потом, тут все-таки не джунгли...
- Это да. А знаешь, — улыбнулась вдруг Матильда, — наверное, джунгли — единственное место на земле, куда мне не хотелось бы попасть.
- Почему?
- А что там хорошего? Жарко, душно, под каждым кустом, под каждым листом какая-нибудь ядовитая тварь, фу!
- Я об этом не думала, но... Ты права, Мотька, я тоже не хочу в джунгли, — засмеялась я. До чего же хорошо опять сидеть со старой подружкой, с которой мы понимаем друг друга не только с полуслова, но и с полувзгляда. И она опять словно угадала мою мысль:
- Ох, Аська, до чего ж я рада тебя видеть. Мне тебя так не хватает. Такой подружки у меня больше не будет.
- Мотька, что ты меня хоронишь? Я, между прочим, через год вернусь в Москву! Буду поступать в МГУ!
- Ты еще передумашь, — вздохнула Мотька.
- Не передумаю! А ты сама-то в Голливуд не укачишь?
- Я? В Голливуд? Ты спятила, да? Я на будущий год тоже буду поступать, в театральный.
- В какой именно?
- В Щукинский, наверное. Как твоя мама.
- А почему только через год? Ты же школу окончила уже?
- А Джульетта? Я с твоей мамой и с Меркуловым советовалась. Они оба говорят, что сыграть в неполные шестнадцать Джульетту — уникальный шанс. Сейчас есть такая возможность, и ее

нельзя упустить. Неизвестно ведь, что будет через год, правда?

— Правда. Только, Мотька, ты обязательно сообщи, когда будет премьера, я постараюсь приехать.

— Скажешь тоже, премьера! Мы еще и репетировать не начинали.

— Все равно!

— Сообщу, конечно, куда ж я денусь.

Мы еще посидели в кафе, а потом пошли бродить по городу. В начале седьмого мы уже были дома, и ровно в половине седьмого явилась Степанида, усталая, но довольная.

— Ну ты даешь! — воскликнула Мотька при виде сестры. — Точность — вежливость королей, в тебе, Степка, может, королевская кровь течет?

— Может, и течет, — спокойно согласилась Степанида.

— Ты что-нибудь ела? — спросила я.

— Нет.

— Отлично, сейчас пойдем обедать, а то мадам Жюли сегодня выходная.

— Куда пойдем? — полюбопытствовала усталая Степанида. — Далеко?

— Да нет, тут на соседней улице симпатичный ресторанчик есть, мы туда часто ходим с Ниночкой и с дедом.

— Да ну его, ресторанчик, — заявила вдруг Мотька, — давай лучше я сама чего-нибудь приготовлю. Честно говоря, уже сил нет куда-то идти...

Но тут я увидела, как разочарованно вытянулось лицо у Степаниды. Ей явно хотелось в ресторан.

— Нет, Мотька, мадам Жюли будет недовольна, что кто-то без нее тут готовил, и вообще это рядышком и там очень вкусно кормят. — Говоря это, я кивнула ей на Степаниду, и она все поняла.

— Ладно уж, пойдем.

Ресторанчик назывался «У Анриетты». Его хозяйка, мадам Женевьева, внучка той самой Анриетты, встретила нас весьма радушно, усадила за наш обычный столик, спросила меня про Ниночку, про деда. Степанида с большим интересом озиралась вокруг. Тем временем мадам Женевьева подала нам каждой по меню.

Мотька даже раскрывать его не стала.

— Аська, закажи на свое усмотрение.

Степанида же, наоборот, раскрыла меню.

— Степка, не придуривайся, ты же все равно ни фиги не понимаешь, — засмеялась Мотька. —

Пускай Аська закажет, она знает, что тут надо есть.

— Ладно, — буркнула Степанида.

— Здесь очень вкусно готовят рыбу, — сказала я.

— Что ж, рыбу так рыбу, — согласилась Мотья.

— Только я хочу с жареной картошкой! — заявила Степанида.

Мадам Женестьева приняла заказ и удалилась, ласково улыгнувшись.

— Ася, а где тут туалет? — шепотом спросила Степка.

— Вон туда иди, — показала я в глубь зала, — поднимись по лесенке, вторая дверь налево.

Она ушла.

— Ну, Мотья, что я тебе говорила? Она ужас какая самостоятельная. И вполне можно отпускать ее одну.

— Кажется, да, — кивнула Мотья. — Я просто удивляюсь, честно говоря. Ой, Ась, гляди, по моему, вон тот мужчина в синей рубашке...

Я посмотрела в направлении ее взгляда и увидела дядю Степкиной новой подружки.

— Надо же, второй раз за день встречаемся, — засмеялась Мотья.

— Ничего удивительного, они, кажется, живут где-то близко, — припомнила я.

В самом деле это был он. За столиком рядом с ним сидел еще какой-то мужчина, и между ними явно шел серьезный разговор. Машин дядя с нахмуренным лицом слушал своего знакомого, а тот что-то как будто втолковывал ему.

— Знаешь, Аська, я вот гляжу на этих людей, — шепотом проговорила Матильда, — и что-то мне не нравится...

— Мотья! Что тебе может не нравиться?

— Почему-то мне кажется, что этот незнакомый мужик угрожает Машинному дяде.

— Печенкой чуешь? — вспомнила я любимое Мотькино выражение.

— Вот именно, печенкой!

— И какие будут предложения? — засмеялась я.

— Да какие там предложения... — разочарованно протянула Мотья. — Может, раньше я предложила бы проследить за ними или еще что-нибудь, но сейчас...

— А что сейчас? Старая стала, да?

— Не то чтобы старая, но теперь у меня Степка и я за нее отвечаю. У нее и так излишняя склонность ко всяким расследованиям.

— А ты против?

— Ну не за же! Это ведь опасно!

— Да, Матильда, ты впрямь постарела! Скоро тебе шестнадцать...

— Хорошо тебе смеяться, а я за нее отвечаю.

Но тут вернулась Степанида. Села на свое место и с любопытством огляделась вокруг. И вдруг она побледнела, да так, что у нее проступили все ее веснушки. Я поняла, что побледнела она, увидев Машиного дядю. Очень интересно!

Нам пока подали салат, маслины, разные маринованные овощи, масло и хлеб.

— Это уже можно есть? — шепотом спросила Степанида.

— Можно, можно. Проголодалась?

— Угу.

Но тут Мотька вдруг поднялась из-за стола.

— Говоришь, вторая дверь налево? — спросила она.

— Да.

Едва она отошла от стола, как я спросила:

— Степка, ты почему так побледнела, когда Машиного дядю заметила, а?

— Я? Побледнела? — прожевав, переспросила Степанида, явно пытаюсь выиграть время.

— Ты, ты! Еще как побледнела! Ты о нем что-то знаешь?

— Да ты что? Что я могу о нем знать?

— Тогда, может, ты знаешь его спутника?

— Вообще первый раз вижу!

— Степка, мне врать бесполезно, могла бы уже на собственном опыте убедиться.

Она подняла голову и посмотрела мне в глаза. Взгляд был испытующим.

— Ася, я ничего не знаю, но...

— Какое «но»?

— Это долгая история, я сейчас не успею...

— Ты хочешь это скрыть от Матильды?

— Хочу!

— Но почему?

— Ей нельзя волноваться, нервы надо беречь...

— Это что-то страшное?

— Не знаю, может, и вовсе розыгрыш...

Но тут мы заметили, что возвращается Мотька.

— Я тебе потом расскажу, ладно?

— Ладно...

Между тем Машин дядя и его спутник расплатились и ушли. А нам подали рыбу. Мотька и Степанида пришли в восторг. Ужин вполне удался.

— Все, — выдохнула Мотька, когда с едой было покончено. — Я сдохла. Спать хочу смертельно. А ты? — спросила она меня.

— Хочу, но не безумно.

— А я как раз безумно. Просто умираю!

У нее и в самом деле слипались глаза. Все-таки прошлую ночь мы почти не спали.

— Степанида, а ты жива? — любопытствовала я по дороге к дому.

— Вполне, — ответила она и вопросительно на меня взглянула. Мол, мы сегодня поговорим?

Я кивнула.

Матильда и впрямь сразу пошла спать.

— Аська, а ты? — спросила она напоследок.

— Я тоже скоро лягу.

Мы со Степанидой устроились в гостиной.

— Ну, что там у тебя?

— Ой, Ася, я забыла! Мне же надо позвонить Маше... Договориться на завтра.

— Звони!

Но у Маши никто не подошел к телефону.

— Ничего, утром созвонитесь, в конце концов, у нее теперь есть твой телефон, может, она еще позвонит, время-то детское. Так в чем дело?

— Понимаешь... Тебе Мотька небось говорила, что я подрабатываю у Юлии Арсеньевны?

— Говорила, да.

— Ты меня осуждаешь?

- Осуждаю? Да ты что? С какой стати! Наоборот, я просто восхищаюсь тобой!
- Ты шутишь?
- Почему шучу? Правда, ты молодчина! Но это все лирика, давай ближе к делу!
- Ладно. Так вот, дочка Юлии Арсеньевны собрала по знакомым всякое шмотье для благотворительности... Ну, там, юбки, кофты и все такое, привезла их к матери и попросила разобрать. Вот я и занялась. И в кармане одной куртки нашла записку: «Если со мной что-нибудь случится, прошу винить Тимофея Михайловича Холщевникова».
- Без подписи записка?
- Без.
- Тогда скорее всего это ерунда.
- Почему?
- Потому что без подписи. А что за куртка была и чья?
- Куртка была дорогущая, мне так Алка Кошелева сказала, фирма известная, как ее... «Хьюго Босс». А вот чья, неизвестно. Елена Александровна не знала, она просто собрала эти вещи по знакомым... А сегодня, Ася, я вот чего нашла...
- И она показала мне визитную карточку на имя... Холщевникова Тимофея Михайловича.
- Ты это нашла? Где?
- На тротуаре у того самого кафе, где мы фрукты ели... Как вышла, сразу увидела. Представляешь?
- Возле кафе «Фруктовый рай»?
- Ну да. Кафе-то небольшое, и других русских, кроме Машиного дяди, там вроде не было.
- Так ты думаешь, что Машин дядя и есть Холщевников?
- Может, он, а может, и нет... Он ведь мог потерять не свою карточку, правда же?
- Правда.
- И еще, Ася, мне показалось, что в этом ресторане второй мужик ему чем-то угрожал.
- Знаешь, мне тоже так показалось.
- Вот видишь...
- Ну и что ты собираешься делать? Расследовать это дело в Париже?
- Не знаю... Но все ж таки надо узнать, как зовут Машиного дядьку. И если Холщевников — это он, то, может, стоит попытаться выяснить, что он за человек.
- Степка, а может, не стоит, а? Зачем портить себе такую поездку? А история с запиской — это скорее всего розыгрыш, актеры обожают всякие розыгрыши!

— И Валерка, и Елена Александровна тоже про розыгрыш говорили. Я с ними согласна. Но уж если подворачивается такая возможность, то хоть узнать, кто такой этот Холщевников, все ж таки надо. Я так считаю. Ася, обещаю тебе, что просто встречу завтра с Машей и как бы между прочим спрошу у нее фамилию ее дяди. И все.

— А если он не Холщевников, тогда что?

— Тогда... — задумалась Степанида. — Ну тогда... тогда я вроде бы случайно покажу Маше визитку, вдруг она знает, кто это такой?

— А если она спросит, откуда у тебя визитка?

— Скажу — нашла.

— А она спросит — ты что, всякий мусор собираешь?

Глаза у Степаниды вдруг блеснули.

— Точно! Я скажу, что собираю визитные карточки! И у меня дома целая коллекция. А эту я нашла в Париже, и притом — русскую!

— Ну, Степанида, у тебя и голова! — поразилась я. — По-моему, это очень неплохая мысль!

В этот момент зазвонил телефон. Девичий голос попросил Степаниду.

— Тебя!

— Маша?

— Да.

— Алло! Маш, ты? Привет! Здорово! Да, конечно! Отлично, встретимся. Да, думаю, позволят. Ась, ты мне позволишь утром, в полдесятого, встретиться с Машей?

— Позволю! — улыбнулась я. Ишь, прикидывается добродетельной, позволения спрашивает!

Степанида с довольным видом положила трубку.

— Порядок! Она мне назначила встречу в сквере, где мы познакомились. Мы с ней пойдем гулять, она поведет меня на какой-то Парнас!

— На Парнас? — засмеялась я. — Ах, на Монпарнас, наверное!

— Может, и так...

— Пойдешь?

— Еще бы!

— Только, Степа, пожалуйста, будь осторожна, не лезь на рожон, не спрашивай с места в карьер, как фамилия ее дяди и все такое...

— Ась, ты меня совсем за дуру держишь, а я, между прочим, такое дело распутала, хоть и не одна, но все ж таки...

- Ты о чем? О салоне красоты?
- Ну да! И потом еще с картиной одного французского художника, как его... Сислея!
- С картиной Сислея? Первый раз слышу! Мотька ничего не говорила!
- А она не знает, она тогда на гастролях была. Тебе интересно?
- Очень!
- Рассказать?
- Конечно!

И она поведала мне поистине удивительную историю о подлиннике Сислея, принадлежавшем родителям ее одноклассницы Наташи Истоминой.

Глава VI

ДЯДЯ ЛЕША

Степанида проснулась и сразу все вспомнила. И что у них с Мотькой за судьба? Не успела Мотька прошлым летом попасть в Париж, как сразу наткнулась на преступление, которое они с Аськой расследовали не только в Париже, но потом и в Риме. А теперь вот и Степанида нащупала что-то. И хотя все в один голос твердят, что та записка не что иное, как розыгрыш, но она уверена — это не так. Конечно, вовсе не обязательно, что Холщевников — преступник. Может, его кто-то хотел подставить? Возможно, вполне возможно! Кстати, поэтому-то хозяин куртки и не подписался... Да, она правильно сделала, что рассказала все Аське, у той голова варит будь здоров, да и опыт какой! Она, конечно, все Мотьке расскажет про это, но ничего не попишешь... Степанида окинула взглядом комнату. Хорошо, красиво, просторно... Вот, оказывается, как живут знаменитые оперные певцы! Интересно, а какая квартира у Маши? И тут она отчетливо поняла, что ужасно не хочет, чтобы Машин дядя оказался Холщевниковым. Ну, хватит рассуждать, надо подниматься — решила она и вскочила с постели. По квартире уже кто-то ходил, наверное, мадам Жюли. Почему-то Степанида ее немного побаивалась. Но тут в комнату заглянула Матильда.

- Степка, проснулась?
- Привет! Выспалась?
- Не говори! Спала как убитая. А ты?
- И я!
- Мне Аська сказала, что ты с утра к Маше собираешься?
- Ага! А у вас какие планы?
- Ничего определенного! Наверное, будем просто гулять по Парижу...

Похоже, Аська ей ничего про Холщевникова не сказала, сообразила Степанида, а не то Мотька уже обрушилась бы на нее...

— Ладно, Степа, ты прими душ, оденься и приходи завтракать.

После завтрака Степанида собралась на встречу с Машей. Матильда протянула ей деньги.

— Вот возьми, пригодятся.

— Спасибо, — ответила Степанида и взяла деньги. Они и впрямь могут пригодиться.

И тут вдруг ее позвали к телефону.

— Алло! — удивленно сказала она в трубку.

— Степанида, это Маша! Слушай, у меня тут планы изменились, я не смогу в сквер прийти, мне надо пока дома побыть... Может, ты придешь ко мне, а? Посидим, потреплемся, а когда я освобожусь, пойдем гулять, ладно?

— Ладно, — растерялась Степанида, — только я не знаю, где ты живешь.

— Я тебе объясню! Дойдешь до сквера, свернешь вправо, и четвертый дом по левой стороне. Я буду ждать тебя на балконе. Договорились?

— Хорошо.

— Ты скоро выйдешь?

— Прямо сейчас.

— Чудесно, я жду!

— В чем дело? — спросила Ася, пристально глядя на Степаниду.

Та только пожала плечами:

— Ничего не случилось, просто она зовет меня к себе домой. Ей сейчас нельзя из дому уйти.

— А почему ей нельзя уйти?

— Почем я знаю? Мало ли, может, надо дождаться какого-нибудь звонка или кто-то должен прийти... Да какая разница? Подумаешь, пойдем гулять на час позже, большое дело!

— Степка, держи себя в руках, — прикрикнула на нее Матильда.

— А чего вы... Я ж не маленькая!

— Ладно, не кипятись, — засмеялась Ася. — Иди себе. В конце концов, мы знаем телефон этой Маши... А, кстати, где она живет?

— От сквера направо и четвертый дом слева, — спокойно ответила Степанида. — Ну все, я пошла.

— Когда вернешься?

— Почем я знаю? Но не скоро, это точно. А вообще, я позвоню!

— Хорошо. Договорились.

И Степанида выбежала из квартиры.

Она заметила Машу еще издали. Та стояла на балконе и ждала ее. Степанида хотела окликнуть, но постеснялась кричать во всю глотку. Ага, вот и Маша ее заметила! Помахала рукой и исчезла с балкона, а вскоре выскочила ей навстречу.

— Привет! Легко нашла?

— А чего тут искать?

— Тоже верно! Пошли!

Они поднялись на третий этаж четырехэтажного дома. Без лифта.

— Вот тут мы и живем! — сообщила Маша, отпирая дверь.

Квартира была небольшая, три комнаты и совсем маленькая кухня. С Аськиной квартирой не сравнишь, подумала Степанида. Однако тут было все-таки очень симпатично и уютно. И если честно, Степаниде такая квартира казалась куда более привычной, чем хоромы знаменитого певца.

— Маш, а чего мы ждем?

— Да так, мама просила подождать... — неопределенно махнула рукой Маша. — Она на работе сейчас...

— А кем она работает?

— Редактором в русской газете.

— А...

— Степанида, а ты завтракала?

— Конечно!

— Может, пить хочешь?

— Нет, спасибо, не хочу! Слушай, Маш, а почему у тебя вид такой?..

— Какой?

— Расстроенный! У тебя что-то случилось, да?

— Я не знаю, — нерешительно проговорила Маша, — может, и не случилось ничего, а может...

— Что?

— Понимаешь, вчера мой дядя вечером пошел ужинать и... и не вернулся!

— Как?

— Вот так! Ушел и не вернулся...

— Да? Мы вчера видели его в ресторане, мы тоже там ужинали!

- Правда?
- Зачем же мне врать? Он там был еще с каким-то дядькой...
- Да? Ты уверена, что это был он?
- Ну я же не слепая! И, кстати, Аська, подруга моей сестры, тоже его сразу узнала!
- И что?
- Понимаешь, тот, с кем он сидел, мне не понравился, мне, если хочешь знать, даже показалось, что он твоему дяде угрожал...
- Угрожал? — ахнула Маша.
- Мне показалось.
- Ты что-то слышала?
- Нет, только видела... По выражению лица...
- А какое у дяди было выражение? Испуганное?
- Я бы не сказала, скорее... усталое и раздраженное, как будто ему это здорово надоело...
- А дальше что было?
- Дальше они встали и ушли.
- Вместе?
- Вместе!
- Знаешь, я сейчас позвоню маме на работу! Подожди меня, ладно?

Она скрылась в другой комнате. Так, подумала Степанида, начинается! Прежде всего надо выяснить фамилию дяди. Или хотя бы имя. Тимофей — имя довольно редкое. Но вот вернулась Маша.

- Ну что? — спросила Степанида.
- Мама почему-то испугалась...
- Она только сейчас испугалась?
- Понимаешь, честно говоря, она думала, что он приударил за какой-нибудь девушкой... Она на него сердилась, но...
- Понимаю, — кивнула Степанида. — Девушка — это было бы лучше... Слушай, Маш, мы с тобой второй день знакомы, я вот у тебя в гостях, а фамилии твоей не знаю. Моя фамилия — Корбут.
- А моя — Лескова.
- Это по отцу фамилия?

— Да.

— А у дяди твоего какая фамилия? — не выдержала Степанида.

— У дяди? Муратов! А какое это имеет значение?

— Большое! Ты даже не представляешь какое...

— Что? Что ты говоришь? — удивилась Маша.

— Маша, я, кажется, знаю, кто мог причинить вред твоему дяде...

Маша вытаращила глаза.

— Скажи, ты когда-нибудь слыхала от дяди такую фамилию — Холщевников?

— Холщевников? Да вроде нет. Почему ты спрашиваешь? Кто этот Холщевников?

— Подожди, а имя-отчество Тимофей Михайлович тебе о чем-нибудь говорит?

— Тимофей Михайлович? А кто это?

— Это Холщевников!

— Слушай, Степанида, ты меня совсем заколебала с этим Холщевниковым! — рассердилась Маша. — Можешь толком объяснить, в чем дело?

— Могу, конечно, только придется начинать издалека...

— Начинай издалека, интересно будет послушать.

Степанида во всех подробностях поведала Маше все, что знала о таинственном Холщевникове и о найденной у кафе «Фруктовый рай» визитной карточке.

— Ерунда! — фыркнула Маша. — Какое отношение эта карточка имеет к моему дяде? Мало ли кто мог ее там обронить!

— Вполне возможно, что никакого отношения не имеет, — кивнула Степанида, — только вот исключать такое мы не можем. И потом, визитка была чистенькая, а значит, валялась она там совсем недолго. А перед этим ты с дядей вышла из кафе. Других русских там, кажется, не было.

— Тогда получается, что тот второй мужик, который был с дядей, и есть Холщевников?

— Необязательно, но, судя по всему, Холщевников сейчас в Париже!

— Степанида, почему ты прицепилась к этому Холщевникову? Сама же говоришь, что все твердят про розыгрыш? Может, он хороший, порядочный человек и никакого отношения к дяде Леше не имеет. А карточка... Ее ведь кто угодно мог потерять! Во «Фруктовый рай» много туристов ходит, а визитка Холщевникова могла оказаться тоже у кого угодно.

— Согласна. Но почему же все так совпадает?

— Ничего не совпадает! Только то, что ты нашла записку и тебе же попала на глаза визитка.

А все остальное ни с чем не совпадает. Да ты сама подумай, обратила бы ты внимание на визитную карточку, если бы не та записка?

— Конечно, нет! Извини, но ты глупости спрашиваешь.

— Да, ты права, — согласилась Маша. — Но все равно я не вижу тут связи с моим дядей. Не вижу!

— Ну и не надо! Мне же лучше — просто наслаждаться жизнью и ничего не расследовать.

— Расследовать? — поразились Маша. — А что ты можешь расследовать?

— Да так, — загадочно улыбнулась Степанида, — кое-что...

— Нет, ты скажи!

— Что?

— Ты уже что-то расследовала, да?

— Было дело!

— В Москве?

— В Москве.

— Расскажи!

— Да ну...

— Степанида, пожалуйста, расскажи, очень тебя прошу! — взмолилась Маша. — Мне же интересно!

Степанида задумалась, что лучше рассказать, но потом подумала: лучше начать с самого начала, с истории странных покушений на Матильду и Аську. Однако только она открыла рот, как в дверь позвонили. Маша кинулась открывать.

— Дядя Леша! Господи, что с тобой? Степанида, скорее!

Степанида бросилась на зов. В дверях, едва держась на ногах, стоял Машин дядя. Но в каком виде! Одежда разорвана и в крови, под глазом здоровенный синяк, в уголках рта тоже запеклась кровь.

— Матерь божья! — воскликнула Степанида и подскочила к нему.

Опираясь на обеих девочек, он сказал:

— Проводите меня в ванную!

— Может, врача вызвать? — испуганно проговорила Маша.

— Не нужно, это пустяки!

— А полицию? Полицию вызвать?

— Ни в коем случае. Я сам виноват... Жаловаться не на кого! Спасибо, девочки, дальше я сам!

Он закрыл за собою дверь, и почти тотчас они услышали шум льющейся воды.

— Живой, и слава богу! — заметила Степанида. — Ты давай позвони маме, успокой ее.

— Да, да, сейчас... А как ты думаешь, сказать ей, в каком он виде?

— Скажи, конечно, а то до вечера у него синяки не пройдут... Хотя нет, лучше не говори, а то она будет волноваться, что да как... Скажи просто, пришел весь грязный, сейчас в ванной, и все...

Маша позвонила матери и сообщила, что дядя Леша вернулся. Та обрадовалась, но задавать вопросов не стала, так как была очень занята.

Прошло минут двадцать, прежде чем открылась дверь ванной и на пороге появился дядя Леша в купальном халате.

— Машка, я есть хочу! — заявил он.

— Сейчас, сейчас, — засуетилась Маша.

Когда он поел, выпил большую кружку кофе, она робко спросила:

— Дядя Леша, кто тебя так?

— Да ерунда, Машуня, подрался немножко.

— С кем?

— Не знаю, пристали какие-то парни...

Брешет, подумала Степанида. Но, разумеется, промолчала.

— Тебе надо примочки сделать, — с жалостью глядя на него, проговорила Маша.

— Ничего не надо, мне бы поспать... — Дядя Леша поднялся из-за стола, халат распахнулся на груди, и Степанида успела заметить, что и грудь у него в синяках и кровоподтеках.

— Дядя Леша, а что, если мы уйдем? — спросила Маша.

— Да, конечно, идите спокойно. Мне ничего не нужно.

И он ушел к себе.

— Здорово его отделали, — тихо произнесла Степанида.

— Ничего, главное — живой! — весело отозвалась Маша. — У меня просто камень с души свалился.

— У меня тоже, — призналась Степанида. — Я боялась, что...

— Ладно, все хорошо, что хорошо кончается. Идем гулять!

— Идем!

Но в этот момент зазвонил телефон. Маша взяла трубку и быстро заговорила по-французски, потом, прикрыв ладошкой трубку, шепнула:

— Степочка, подожди меня немножко, ладно?

И она густо покраснела. Ясно, ее парень звонит, сообразила Степанида и, кивнув, вышла на кухню. Хотя по-французски она не понимала, но пусть Маша щебечет на свободе. Зачем ее смущать? На кухне Степанида села за стол и налила себе минеральной воды. И вдруг взгляд ее упал на лежащую на полу потрепанную записную книжку. Она нагнулась и подняла ее. Судя по всему, книжка принадлежала дяде Леше. Степанида положила книжку на подоконник. Ей смертельно хотелось заглянуть в нее, но она знала — этого нельзя делать! Юлия Арсеньевна внушала ей, что читать чужие письма, заглядывать в чужие записи — последнее дело. Но книжка неодолима влекла ее. Степанида старалась даже не смотреть на нее и только молила бога, чтобы Маша поскорее закончила разговор. Борьба с собой вконец измотала Степаниду, но вот в дверях появилась Маша, румяная и веселая.

— Ну все, можем идти! — объявила она.

— Маш, у меня к тебе просьба, — нерешительно начала Степанида.

— Просьба? Валяй, говори!

— Я вот подняла с полу записную книжку, — Степанида глазами указала на нее, — это, наверное, твоего дяди книжка...

— Эта? Ну конечно!

— Ты не могла бы заглянуть в нее на букву Х.

— Опять тень Холщевникова? — засмеялась Маша и без всяких сомнений взяла в руки книжку. — Так, У, Ф, ага, вот Х... Нет тут никакого Холщевникова! Успокоилась?

— Вроде. Но ты... ты посмотри еще на Т.

— На Т? Ладно... Вот Турищев, Теплицкий, Тамара... А вот смотри — Т.Х. Может, это то, что мы ищем?

— Т.Х.? — взволновалась Степанида. — Тимофей Холщевников!

— Или Таня Храмова! Толя Харитонов! Тарас Харченко!

— Погоди с шутками! — перебила ее Степанида. — Там московский телефон?

— Нет. Тут какие-то буквы... сокращения... И потом... Понимаешь, это все записано наверняка уже тут, в Париже...

— Почему ты так решила?

— Потому что записано новой ручкой, ему мама подарила, тут совсем другие чернила. Вот смотри!

Степанида взяла книжку в руки. Действительно, чернила в последней записи были с лиловатым оттенком. А напротив букв Т.Х. значилось:

3. 13. 23. у. Б. с 12 до 15.

— Очень интересно, просто очень...

— Что? Что интересно? — заволновалась Маша.

— Маша, Холщевников, наверное, все-таки в Париже! Ты же сама говоришь — запись сделана новой ручкой! И твой дядя его знает! Наверняка!

— Ну почему обязательно Холщевников? — неуверенно спросила Маша.

— Потому что «потому» оканчивается на «у»!

— Степанида!

— Ничего не Степанида! Это Холщевников, я уверена на сто процентов! Только вот что значат эти цифры и буквы? Знаешь что? Давай-ка перепишем это все на бумажку и попробуем расшифровать, только не здесь, а на улице. Чего зря время терять?

Маша быстро переписала все на листок бумаги и сунула в карман.

Девочки в некотором смятении покинули квартиру.

— Значит, мы гулять не будем, да? Будем думать над этими писульками? — недовольным тоном осведомилась Маша. — Тогда пошли хоть посидим где-нибудь, в сквере например.

— А что, если поехать в какой-то там сад, а?

— В какой сад? В Люксембургский?

— Вот-вот, и в саду погуляем, и подумаем заодно. Чем плохо?

— Ты права, Степанида! Только Люксембургский сад далеко, мы с тобой лучше в Булонский лес подадимся, согласна?

— А он... он знаменитый?

— Кто? — не поняла Маша.

— Ну лес этот?

— Ага! Он жутко знаменитый! — рассмеялась Маша.

— Точно?

— Точно! Скажешь в Москве — гуляла в Булонском лесу, все тебе завидовать будут.

— Тогда согласна. А это настоящий лес?

— Как тебе сказать? Не очень, не дремучий. Скорее это парк, просто так называется.

Нагулявшись в Булонском лесу по аллеям и дорожкам, они наконец нашли укромное местечко и сели прямо на траву. Маша достала из кармана бумажку с цифрами и буквами.

— Дай-ка мне, — попросила Степанида, в задумчивости глядя на странную запись. — Ну вот

тут понятно: с двенадцати до трех. Это похоже на адрес, какая-то улица...

— А что же тогда значат первые три цифры?

Степанида задумалась.

— Черт его знает... Хотя... Слушай, Машка, а что, если это значит, что на этой улице по вот этим числам, по третьим, тринадцатым и двадцать третьим, с двенадцати до трех что-то происходит, а?

— Что происходит? — испуганно спросила Маша.

— Может, там в это время бывает Холщевников, а? И к нему можно прийти по этим числам?

— Ты думаешь?

— Думаю, хотя не знаю... Выяснить бы, что это за улица... Кстати, завтра как раз тринадцатое! Ой, Машка, подумай!

— Ну, я не знаю, в Париже куча улиц на букву Б... Запросто можем попасть не на ту.

— А попасть нам туда надо позарез!

— Зачем?

— Как зачем? Как зачем? Тут же явно какое-то преступление, и Холщевников этот преступник!

— И ты надеешься его разоблачить?

— Надежда умирает последней! Знаешь, у Газманова такая песня есть?

— Не знаю.

— Ну и фиг с ней, с песней.

— Ой, Степа, я совсем забыла! Ты же собиралась мне что-то интересное рассказать, как раз когда вернулся дядя Леша.

— А... Да, собиралась.

— Так расскажи!

И Степанида, развалившись на травке в Булонском лесу, рассказала новой подружке историю странных подарков, которые кто-то посылал с Мотькой новым соседям.

— И это все правда? — пораженно спросила Маша.

— Чистая правда.

— Но разве так бывает?

— Еще и не так бывает.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего особенного, — загадочно улыбнулась Степанида.

— Ты мне не все рассказала, да?

— Почему? Про это дело — все!

— Про это дело? Значит, были еще и другие дела?

— Ну, в общем...

— Степанида! — взмолилась Маша. — Расскажи!

— Ну, у меня-то не так много дел, а вот у Мотьки с Аськой... [1]

— У твоей кузины и ее подружки, да?

— Да! У них знаешь сколько было дел! И каких!

— Ну расскажи!

— Ладно, так и быть, расскажу еще одну историю, но свою, а про Мотькины и Аськины дела пускай они сами рассказывают, а то выйдет, что я чужими успехами хвастаюсь. Вот слушай...

И она рассказала о странной истории с картиной импрессиониста Сислея.

— Невероятно! — время от времени восклицала Маша. — Просто не верится... Ой, нет, ты не обижайся, Степанида, но согласишься...

— Я знаю, в это трудно поверить, — кивнула Степанида, — но, если ты приедешь в Москву, я тебя со всеми нашими познакомлю...

— Ой, теперь мне еще сильнее в Москву захотелось...

Девочки какое-то время сидели молча.

— Слушай, Маш, я вот что подумала... — нарушила молчание Степанида. — А что, если завтра твой дядя пойдет на ту самую улицу, а?

— И что?

— Проследить бы за ним...

— Зачем?

— Ну, выяснить все...

— Степа, ты считаешь, что дядя Леша — преступник?

— Нет, ничего такого я не считаю! Наоборот, он скорее всего жертва преступления. А в таком случае надо попробовать его спасти.

— Спасти? — ахнула Маша. — Ты думаешь, ему что-то угрожает?

— Не исключено. Ты же видела, какой он вернулся...

- Но, может, он и вправду подрался, он такой, он может, он вообще драчун.
- Может, и так...
- Но ты в это не веришь?
- Не верю!
- А что же ты думаешь?
- Я думаю, его для начала припугнули. Избили, но не смертельно.
- Зачем? Чего от него хотят?
- Кабы знать... Маш, могла бы ты как-нибудь исхитриться и спросить у своего дяди, кто такой Холщевников?
- Спросить-то я могу, но он... Он же спросит, откуда я про этого Холщевникова знаю. И что я ему скажу?
- Знаешь, можно попробовать... Ты покажи ему визитку, которую я нашла. Скажи, что это ты ее нашла...
- Он спросит — где?
- Скажи, что... что она выпала из его кармана. И погляди, какая будет реакция. Если он забеспокоится, станет тебя расспрашивать, значит, Т.Х. точно Тимофей Холщевников. А если скажет, что понятия не имеет, плечами пожмет и все такое...
- Тогда что? Думаешь, это будет означать, что он и вправду не знает про Холща этого? Но он же может притвориться.
- Но ты же должна знать своего дядю.
- Знать-то я его знаю, но...
- Машка, попробовать надо.
- Ладно, попытка не пытка.
- Только смотри не проболтайся.
- О чем?
- Обо всем! Обо мне, о наших подозрениях и даже о том, что я вчера его видела в ресторане. Ты просто-напросто нашла визитную карточку. И все!
- Поняла, — кивнула Маша. — А дальше что?
- Дальше ты поглядишь, как он будет реагировать, и потом скажешь мне. Постарайся все запомнить — и выражение лица, и голос, и интонацию...
- Ну и ну! Степка, а что, если...
- Что?

— Что, если окажется, что мой дядя замешан в чем-то... Как тогда быть? Что ж мне, на родного дядю в полицию заявлять?

— Глупости! Пока что в полицию никто ни на кого заявлять не собирается. Мы обычно сами с преступниками разбираемся!

— И как ты собираешься разбираться с дядей Лешей? — испуганно пролепетала Маша.

— Ты почему это своего дядю сразу в преступники записываешь, а? — насторожилась вдруг Степанида.

— Я не записываю, что ты! — замахала на нее руками Маша. — Я просто так спросила, на всякий случай.

— Это другое дело. И вообще, Машка, все-таки может оказаться, что твой дядя даже и слыхом не слыхал про Холщевникова. Или давай его для удобства Холщом звать, а то Холщевников так длинно... Эх, жалко, что Валерка сейчас на даче...

— А при чем тут Валерка?

— Понимаешь, он хотел в Москве поразведать насчет Холща. Вдруг он что-то узнал?

— А если бы он был в Москве, тогда что?

— Тогда бы я ему позвонила.

— В Москву? — ужаснулась Маша. — Но это же так дорого!

— Да я понимаю, и потом, по междугородному про это говорить нельзя. Но... мечтать не вредно.

— Степа, — тихо и таинственно проговорила Маша, — признайся лучше, что ты к этому Валерке равнодушна? Да?

— Еще чего! — буркнула Степанида и залилась краской.

вернуться

1

Подробно об этом читайте в книгах Е. Вильмонт «Сыскное бюро „Квартет“», «Опасное соседство», «Криминальные каникулы», «Фальшивый папа», «Отчаянная девчонка», «Секрет синей папки», «По следу четырех», «Секрет коричневых ампул», «Дурацкая история», «Операция „Медный кувшин“», «Секрет маленького отеля», «Секрет зеленой обезьянки», «Секрет салона красоты», «Секрет исчезающей картины», вышедших в серии «Первая любовь + детектив». (Прим. ред.)

Глава VII

УЛИЦА БАТИНЬОЛЬ

Мы с Матильдой провели чудесный день. Гуляли по городу, сидели в кафе, катались по Сене на

пароходике и говорили, говорили...

— Интересно, как там Степка? — спохватилась вдруг Мотька. — Дура она, что не пошла с нами.

— Ничего она не дура! Она очень деликатная.

— Деликатная?

— А ты не поняла? Она не хочет нам с тобой мешать. А кстати, Мотька, у нее ведь скоро день рождения, да?

— Точно. Я совсем забыла. Ты молодчина, Аська, что вспомнила! Надо будет ей подарок какой-нибудь купить.

— Вот-вот, я хотела с тобой посоветоваться, что ей подарить. Лучше что-то нужное, правда?

— Конечно, — вздохнула Мотька. — Нам сейчас не до безделушек, сама понимаешь. Ты меня сведи в какой-нибудь недорогой магазин, я ей там что-нибудь присмотрю, может, платье какое-нибудь...

— Ладно, а что же мне ей подарить?

— Ну, если у нее будет два новых платья, думаю, она не расстроится, — улыбнулась Мотька.

— Ладно, время еще есть, придумаем что-нибудь. А как ты думаешь, как лучше этот день отметить?

— Понятия не имею, — растерялась Мотька. — Да что там отмечать? И так уж она в Париже, подарки получит, что еще надо?

— Нет, Мотька, ты не права! Надо придумать что-то, чтобы ей этот день навсегда запомнился. Хотя я лучше с дедом посоветуюсь, он наверняка что-то придумает!

— Ась, а может, не надо, а?

— Почему это? — удивилась я.

— А вдруг у нее никогда больше такого дня не будет? Если все хорошо, удачно получится, она тогда всю жизнь будет свои дни рождения с этим сравнивать и тосковать?

— Мотька, ты спятила, да?

— Почему это?

— Как же можно жить с такими мыслями? На тебя вовсе не похоже! Да если так рассуждать, всякая радость может всю жизнь человеку отравить! Так, да?

— Ну почему?

— По твоей логике! Тогда нам с тобой следовало отказаться от поездки в Тель-Авив, потому что больше нам такая поездка могла всю жизнь не обломиться. И в Италию в прошлом году не надо было ездить...

— Аська, не передергивай! Признаю, я глупость сморозила. Просто у меня за Степку душа

болит... Вот я и боюсь как-нибудь испортить ей жизнь...

— Дура ты!

— Правда, дура набитая! — засмеялась Мотька. — Я и сама иногда думаю, что у меня уже крыша едет от всего, что за этот год со мной стряслось. Хорошо, что ты мне дала по кумполу!

— Я еще не дала, только собиралась!

— Я имею в виду — морально.

— А я — физически!

И мы расхохотались так, что на нас стали оглядываться, хотя, вообще-то, парижан ничем не проймешь.

Домой мы, едва живые, приплелись в семь часов. Степанида была уже дома, тоже очень довольная.

— Ну, как провела день? — спросила Матильда, плюхаясь в кресло.

— Клево!

— Где были?

— По улицам гуляли и еще в Булонском лесу.

— То-то, я гляжу, ты вроде посвежела, — сказала я и вопросительно глянула на Степаниду.

Та незаметно для Мотьки кивнула мне: мол, есть новости.

Но тут мадам Жюли позвала нас обедать и сказала:

— Ася, ты забыла, что завтра девочка едет на экскурсию?

— На какую экскурсию? — ахнула я.

— Как на какую экскурсию? — в свою очередь, ахнула она. — Но ведь мадам (имелась в виду Ниночка) купила для нее русские экскурсии, и завтра первая, кажется, в Шартр.

— Ах, я дура! — взвыла я. — Мадам Жюли, огромное вам спасибо, у меня это совсем из головы вылетело!

Мотька со Степанидой с интересом наблюдали за нами, не понимая ни слова. Пришлось все объяснить. У Степаниды вытянулось лицо.

— Я должна ехать на экскурсию? — упавшим голосом спросила она.

— Должна! — не терпящим возражений тоном заявила Матильда. — Чем бессмысленно гонять по улицам...

Мадам Жюли вручила мне большой конверт, который оставила Ниночка. Я заглянула в него. Там лежали три небольших конверта. На одном Ниночкиной рукой было написано: «Шартр». На втором: «Замки Луары (Блуа и Шенонсо)» и на третьем: «Фонтенбло».

— Но почему я одна? Ведь Матильда там тоже не была!

Я сразу смекнула, в чем дело. Ниночка таким образом давала нам с Мотькой возможность побыть вдвоем, не могла же она знать, насколько самостоятельной девицей окажется Степанида.

— Я поняла... — заявила вдруг она, — это чтобы вы могли от меня отдохнуть.

Матильда засмеялась.

— Но ведь вам теперь не надо от меня отдыхать, правда?

— Правда, конечно правда, но только экскурсия-то уже куплена! — напомнила Матильда. — И если ты не поедешь, это будет обыкновенное хамство!

Степанида подавленно молчала.

После обеда Мотька вдруг как-то странно глянула на меня и на Степаниду. Потом заявила:

— Ну вот что, если вы обе думаете, что я слепоглухонемая дебилка, то вы очень ошибаетесь!

— Моть, ты чего? — удивилась Степанида.

— Живо выкладывайте, что у вас там за тайны такие завелись? Думаете, я не вижу, как вы переглядываетесь? Нашли идиотку!

— Матильда, не кипятись! — попыталась я вывернуться.

— Как же, не кипятись! Лучшая подруга и сестра что-то от меня скрывают, а я не кипятись, да?

— Ладно, ты права, — быстро сдалась я. Мне и самой противно было таиться от Мотьки. — Есть у нас со Степанидой одна тайна...

— Ася! — возмущенно закричала Степанида.

— Я не могу ничего скрывать от Мотьки, не могу, и все! Надо ей рассказать...

— Печенкой чую, вы опять в какое-то преступление вляпались! — воскликнула Мотька.

— Это еще неизвестно... Может, и нет ничего... Кстати, Степа, ты сегодня узнала что-то новое?

— Узнала кое-что, — нехотя отозвалась она.

— Выкладывай! — потребовала я.

— Ну нет! — вмешалась Матильда. — Сначала вы мне все расскажете, а уж потом Степка тебе все доложит. Конспираторши, тоже мне...

— Ладно, Степанида, давай расскажи Мотьке все с самого начала!

Степанида быстро ввела двоюродную сестру в курс дела. Та только головой качала. Затем Степка сообщила обо всем, что произошло сегодня. И показала записку с цифрами и буквами.

— Да, похоже, с числами вы правильно разобрались, а вот с улицей будет посложнее, —

заметила я.

— Мы с Машкой собрались завтра последить за ее дядей, не пойдет ли он на эту самую улицу... А теперь...

И тут зазвонил телефон. Я взяла трубку. Знакомый голос поздоровался и попросил Степаниду.

— Тебя! Маша!

Степанида почему-то зарделась и басом произнесла:

— Слушаю!

И тут же выражение ее лица изменилось, на нем читалась крайняя заинтересованность.

— Да? Здорово! Как ты сказала, Батиньоль? Да? Класс! Ой, Маш, ты знаешь, оказывается, я завтра занята. Меня на экскурсию отправляют, нет, не могу отказаться, за меня уж деньги заплатили... Вот и не знаю...

— Степанида, дай мне трубку! — решительно потребовала я.

Та удивленно на меня взглянула, но трубку отдала.

— Маша? Это Ася говорит. Не волнуйся, Степанида все нам рассказала! Насколько я поняла, это на улице Батиньоль?

— Да...

— Как ты узнала?

— Дядя спросил меня, как ему добраться до улицы Батиньоль, вот я и подумала...

— Он туда собирается сегодня?

— Нет, завтра!

— Это интересно! Вот что, Маша, ты не сердись, не обижайся, но на улицу Батиньоль тебе идти не стоит.

— Почему это?

— Потому что у тебя нет опыта слежки и дядя запросто тебя обнаружит. А это лишнее. Туда пойдем мы, я и Матильда. У нас есть опыт... И мы знаем в лицо твоего дядю, а он нас вряд ли узнает. А даже если увидит, то ни в чем не заподозрит. С какой стати?

— Да, наверное, — проямлила Маша. — Но вообще-то... это нечестно!

— Что нечестно? — удивилась я.

— Это же мой дядя, почему вы пойдете за ним следить?

— Чудачка ты, Маша! Нас не дядя твой интересуется, а тот тип, Холщевников... Мы... вернее, Степанида узнала о нем еще в Москве, так что...

— Да, я понимаю...

- Обещаю тебе, что, как только мы что-то узнаем, обязательно расскажем тебе. Хорошо?
- Хорошо... — неуверенно ответила Маша. — А куда едет Степанида?
- В Шартр.
- Да, там красиво... Даже очень... — не без горечи проговорила она.
- Маша, не расстраивайся, все будет отлично! — попыталась я ее успокоить.
- А может, вы возьмете меня с собой, я вам мешать не буду, — едва слышно попросила она. — Ой, извините, я не могу больше говорить...
- И она положила трубку.
- Ну что? — спросила Степанида.
- Она просилась с нами, но тут кто-то пришел...
- Машка сказала, что это нечестно, да? — довольно ехидно осведомилась Степанида.
- Да, и я с ней согласна даже, но что делать? Придется, Мотька, нам с тобой вспомнить старое! Ты не против?
- На улице Батиньоль? Нисколечко не против! Это очень красивая улица, я помню... Там еще церковь такая... Ниночка рассказывала, что ее построила в память казненных родителей дочка Марии-Антуанетты, герцогиня Ангулемская, да?
- Да, Мотька, у тебя и память! Церковь Святой Марии Батиньольской.
- Вот-вот. Степка, ты хоть слыхала про Марию-Антуанетту? Кто она была?
- Королева, — неуверенно ответила Степанида.
- А кто был ее муж?
- Король. И их казнили.
- А как его звали? — продолжала экзамен Мотька.
- Людовик Шестнадцатый! — к великому нашему изумлению, без запинки ответила Степанида.
- Ну ты даешь! Откуда ты знаешь?
- Какая разница? Знаю, и все! — отрезала Степанида, торжествуя.
- Матильда, кончай допрос! — вступилась я за нее. — Не мучай ребенка.
- Я не ребенок!
- Ну еще бы, тебе ведь на днях тринадцать стукнет! — заметила я.
- Откуда ты знаешь?

— Разве это секрет?

— Почему? Просто я удивилась...

— У тебя есть по этому поводу какие-нибудь мысли?

— Какие мысли? — растерялась Степанида.

— Как отпраздновать день рождения?

— У меня? Нет у меня никаких мыслей. Да и праздновать ничего не нужно.

— Ладно, там видно будет, — сказала я. — А вообще, нам лучше сегодня лечь пораньше, выспаться по-человечески, а то завтра рано вставать нужно, проводить Степаниду.

Ни Мотька, ни Степанида со мной спорить не стали. Видно, они тоже порядком вымотались.

Утром мы проводили Степаниду до туристического бюро, куда должны были подать автобус, убедились, что экскурсия состоится, и уже хотели уйти, как вдруг Степанида сказала:

— Все ж таки это свинство с вашей стороны!

— Что?

— Отправлять меня одну!

— Во-первых, путевку купила Ниночка, — напомнила ей Матильда, — а потом, ты же требовала самостоятельности, а теперь ноешь!

— Я не ною! Еще чего!

— Тогда помалкивай!

Степанида ничего не ответила и молча полезла в автобус. Все-таки она обиделась.

— Ничего, переживет! — словно подслушала мои мысли Мотька.

Мы дождались, пока автобус отойдет, и не спеша побрели по улице.

— Ась, а мы туда, на улицу Батиньоль, заранее поедем или же прямо к двенадцати?

— Нет, надо пораньше туда заявиться, разведать, что там и как.

— Мне тоже так кажется. А ты не думаешь, что все-таки надо позвонить Маше, а?

— Зачем? Она только привяжется опять...

— Степка говорила, что советовала ей показать дяде визитку Холщевникова...

— Да нет, это ж было до того, как он спросил у нее дорогу на улицу Батиньоль. Так что...

— Мне почему-то кажется, что она может сама туда отправиться. А это ни к чему.

— И что ты предлагаешь?

— Может, звякнуть ей и предупредить еще раз, чтобы не совалась?

— Давай попробуем!

Мы вернулись домой, и я позвонила Маше.

— Здравствуй, Маша, это Ася говорит.

— Здравствуй, Ася. Ты звонишь, чтобы я не ездила на улицу Батиньоль, да? — догадалась она.

— Вообще-то да, — засмеялась я. — А ты туда собираешься?

— Ну...

— Маша, не делай этого, пожалуйста. Ты можешь все испортить просто по неопытности...

— Но я так никогда не наберусь опыта, правда?

— А зачем тебе такой опыт?

— Интересно!

— Это я понимаю, — мягко сказала я, — даже очень хорошо понимаю, но пойми и ты, Маша! Нельзя, чтобы твой дядя тебя заметил!

— А если я вызовусь его проводить туда?

— Что тебе это даст? И к тому же я не уверена, что он согласится. Он сейчас дома?

— Да. Он еще спит. Просил разбудить его в десять часов. И тогда я его спрошу.

— Дело твое, — сухо ответила я. — Поступай, как знаешь. Единственное, о чем я тебя прошу, — при виде нас притворись, что никогда в жизни нас не видела. Можем мы хотя бы на это рассчитывать?

— А почему ты злишься?

— Я не злюсь, просто когда имеешь дела с неразумными малолетками...

— Это я неразумная малолетка? — возмущенно запыхтела Маша.

— Конечно! Вон Степанида, ей тоже хотелось пойти с нами, но она понимает, что такое «надо».

— А я, значит, не понимаю?

— Судя по всему, не понимаешь.

Она помолчала.

— Ну хорошо, — выдавила она из себя, — я никуда не пойду. Буду торчать дома! Но вы обещаете мне все рассказать потом?

— Конечно! Вот теперь я вижу, что ты уже большая и умная.

— Дешево ты меня покупаешь!

— Я тебя не покупаю, я просто говорю то, что думаю. Ну все, с этим покончили. Больше ничего интересного не происходило?

— Нет. Он вчера весь день лежал, примочки себе делал, отсыпался. Даже не звонил никуда.

— И ему никто не звонил?

— Нет, не звонил.

— Понятно. Ну хорошо, Маша, спасибо тебе за помощь.

— За какую помощь? — растерялась она.

— Ну, за то, что ты остаешься дома. Ты этим здорово нам поможешь.

— Ты хитрая, ужас просто!

В ответ мне осталось только рассмеяться. На этом мы с нею простились.

— Фу, — сказала я, положив трубку. — С меня семь потов сошло, пока я ее отговорила переться на улицу Батиньоль.

— А может, не стоило так стараться? Ну пошла бы она туда...

— Ладно, проехали! Ты мне лучше вот что скажи, Матильда, что твоя печенка тебе подсказывает? Нароем мы там что-нибудь интересное?

— Нароем, Аська, — вздохнула Мотька.

— А ты чего так тяжело вздыхаешь?

— Я уж думала, мы с тобой никогда больше ничего не будем вместе расследовать, и вот пожалуйста!

— Ты этим недовольна, что ли?

— Да как тебе сказать...

— Скажи, как есть!

— Сама не знаю... Да нет, глупости, это просто здорово! Такая, видно, наша с тобой судьба, а от судьбы куда деваться, правда?

— Правда!

Глава VIII

ПОВЕЗЛО ИЛИ НЕ ПОВЕЗЛО?

В половине двенадцатого мы уже были на улице Батиньоль.

— И что теперь? — спросила Мотька.

— Как будто я знаю, — проворчала я. Почему-то мне казалось, достаточно попасть сюда — и

все станет ясно само собой. Но увы...

— Аська, а ведь мы сглупили, да еще как! Где ж мы тут этого дядю сыщем? Только если уж очень повезет...

Я помолчала. Да, растренировалась я... Какого маху дала! Надо было следить за дядей Лешей от дома, тогда все было бы в порядке, а так...

— Слушай, Аська, позвони-ка ты Маше!

— Это зачем?

— А вдруг он перед уходом что-то ей сказал или спросил? Ну мало ли, риск-то небольшой! Вернее, вообще никакого риска!

— Риска-то нет, а вот стыд какой...

— Да в чем стыд?

— А ты сама не понимаешь?

— Никакого стыда! Наоборот! Ты велела Машке оставаться на связи и сейчас этой связью воспользуешься, только и всего.

— Ты так считаешь? — искренне удивилась я.

— Не считала бы, не говорила! Давай, давай, звони!

Я набрала Машин номер.

— Алло!

— Маша? Это Ася! Маша, никаких новостей?

— Откуда?

— Я имею в виду, он ничего тебе не говорил больше, ни о чем не спрашивал?

— Спрашивал!

— О чем?

— Легко ли на улице Батиньоль найти один ресторан.

— Какой? — сердце у меня екнуло в предчувствии удачи.

— «Форель-бродяга». Знаешь такой?

— Знаю! Спасибо, Маша, ты молодчина! Все, пока!

— Ну что? — в нетерпении спросила Мотька.

— Порядок, Матильда! Он интересовался одним рестораном под названием «Форель-бродяга».

— Бродяга? Форель? — рассмеялась Мотька.

— Именно! Черт, надо поглядеть, сколько у меня денег...

— Зачем тебе деньги?

— А если придется пойти в ресторан? — ответила я, роясь в сумочке. — Ага, есть, может, и хватит, это недешевый ресторан. Мы там были с Ниночкой.

— Успокойся, у меня тоже есть деньги, — гордо заявила Мотька. — Так что не пропадем.

— Отлично! Пошли скорее!

Столики ресторана «Форель-бродяга» располагались в помещении и на улице. Мы с Матильдой остановились неподалеку у витрины антикварного магазинчика, делая вид, что с восторгом разглядываем громадную китайскую вазу с драконами. Я глянула на часы. Было без десяти двенадцать.

— Ась, что же получается, что у этого Холщевникова приемные часы в ресторане три раза в месяц, да?

— Выходит, что так.

— Странно, правда?

— Почему? Здесь такое бывает. Это куда дешевле, чем снимать офис. Мне Алэн говорил, что один его родственник, начинающий адвокат, несколько месяцев вел прием в каком-то кафе.

— Но ведь это значит, что Холщевников этот ничего не боится, действует в открытую?

— Не исключено. В конце концов, мы еще ничего плохого о нем не узнали, если не считать той записки, которую нашла Степанида. А вообще, Мотька, самое главное, по-моему, проследить за Холщевниковым, когда он уйдет из ресторана. Выяснить, где он живет в Париже.

— Но тогда придется как минимум три часа торчать в ресторане.

— Нет, мы уйдем оттуда минут на двадцать раньше, чем он. И как-нибудь попробуем изменить внешность.

— А как? Когда мы успеем? И потом... Надо бы постараться подслушать, о чем они будут говорить... Как думаешь, Машкин дядя нас узнает?

— Это вряд ли! Он на нас и не глядел. И вот еще, Мотька, говорить будем только по-французски.

— Здравсьте, я ваша тетя! Я же по-французски еле-еле...

— Ладно, сориентируемся на месте! Неизвестно еще, где мы сядем.

— Да, может, вовсе в другом конце... А это плохо...

Ровно в двенадцать к ресторану подъехало такси, и оттуда вылез мужчина лет сорока, хорошо одетый, довольно приятной наружности, и быстро прошел внутрь.

— Это он! — шепотом воскликнула Мотька. — Печенкой чую, это он!

— Идем!

Мы перешли улицу и направились ко входу в ресторан. В этот час народу было совсем мало. Мы уже собрались войти внутрь, как вдруг меня кто-то окликнул:

— Ася!

Я обернулась. И поняла, что все пропало. Ко мне подбегала Оксана Семеновна, мамина приятельница, чудная тетка, милая, добродушная, но страшная болтушка и приставучка.

— Мы погибли! — прошептала Мотька.

— Ася! Асенька! Боже мой, и Матильда тут! Матильда! Девочки, милые, здравствуйте! Как же я рада вас видеть! Вы и тут неразлучны. Какая прелесть. Дайте-ка я вас поцелую. Юрий Петрович, Юрий Петрович, смотри, кого я встретила! Это же Ася, Таткина дочка, внучка Игоря Потоцкого! А это та самая Матильда, которую мы зимой видели в театре, ты помнишь, помнишь?

Краем глаза я успела увидеть, как в ресторан вошел Машин дядя. А эта чертова Оксана вопит по-русски на всю улицу. Вот не повезло так не повезло!

— Девчонки, а вы что в ресторане делаете?

— Да вот, собирались перекусить, но тут дорого! — сказала я в надежде, что дороговизна ресторана отпугнет ее. Но не тут-то было!

— Дорого? Ничего страшного! Юрий Петрович, надеюсь, мы угостим девочек обедом в этом заведении? Обожаю этот ресторан! Здесь потрясающая кухня! Давайте-ка сядем тут, на воздухе, обожаю эту улицу, обожаю Париж! Кстати, Ася, а почему это вы с Матильдой решили зайти в ресторан?

— Да так... — проямлила я, не чувствуя в себе сил к сопротивлению. Буйный темперамент Оксаны Семеновны подавлял всех. К тому же остаться здесь было все-таки в наших интересах. Авось удастся, несмотря на помехи, хоть что-нибудь выведать. Оксана Семеновна между тем на хорошем французском языке втолковывала что-то официанту. Я не стала прислушиваться. Мы сели за столик.

— Оксана Семеновна, а вы маму перед отъездом видели? — поинтересовалась я.

— Маму? В том-то и дело, что нет. Она же на гастролях. Да и потом, у меня была уйма дел, я ничего не успевала, боялась даже, что не сумею вырваться... Ты же знаешь, какая у нас сейчас суматошная жизнь — одно, другое, третье...

Юрий Петрович ласково глядел на жену. Это был, кажется, уже четвертый ее муж. Во всяком случае, я его раньше не видела.

— Ксюша, — мягко сказал он, — командуй! Ты тут все знаешь, поэтому заказывай на свое усмотрение... Как, девочки, доверим выбор Оксане Семеновне?

— Доверим, — хором ответили мы с Мотькой.

— Девочки, вы, надеюсь, не откажетесь выпить немного белого вина? Форель без белого вина — это просто... просто нонсенс! Абсурд! — воскликнула Оксана Семеновна. — Я вам закажу. Вы

уже большие. И не вздумайте спорить.

Мы и не собирались спорить. Во Франции сухое вино пьют даже маленькие дети. Покончив с заказом, Оксана Семеновна впиявилась в Матильду, желая узнать о ее «творческих планах», а я, не говоря ни слова, поднялась из-за стола и направилась в глубь ресторана, где помещался туалет.

Машин дядя и незнакомый мужчина, кстати, тот самый, что приехал на такси, сидели вдвоем за столиком, перед ними стояли тарелки с едой и бутылка вина. В зале было темновато, и разглядеть выражения их лиц было затруднительно. Зайдя для вида в туалет, я вскоре вернулась за стол. Настроение у меня было испорчено. Если бы не Оксана Семеновна, мы вполне могли бы сесть в зале, неподалеку от этих людей, может, удалось бы что-нибудь узнать, а теперь... Вскоре Оксана Семеновна тоже встала из-за стола и скрылась в зале. И вдруг оттуда послышался громкий возглас:

— Боже мой! Тимоша! Что за день сегодня такой счастливый! Сколько лет, сколько зим!

Юрий Петрович поморщился. Опять какие-то знакомые на его голову. Зато мы с Мотькой радостно переглянулись. Неужто это и впрямь Холщевников оказался знакомым Оксаны Семеновны? Невероятная удача! Хотя что-то мы о нем да узнаем! Но вот появилась сияющая Оксана Семеновна, ведя за руку старого знакомого.

— Юра! Девочки! Познакомьтесь! Это мой старинный друг, мы с ним в одном классе учились. Тимофей Михайлович Холщевников. Юрий Петрович Аникин, мой муж! А это... Это Ася Монахова, внучка Игоря Потоцкого, а это наша восходящая звезда Матильда Корбут. Ну вот, познакомились!

— Весьма рад! — отвесил Холщевников общий поклон. — Весьма рад! Только, Ксюша, я должен закончить деловой разговор, а потом с удовольствием присоединюсь к столь изысканному обществу. Прошу прощения!

И он вернулся в зал.

— Кто это, Оксана Семеновна? — тихо спросила я.

— Я же говорю — мой бывший одноклассник! Замечательный парень! То есть сейчас это уже не парень. Он удачливый бизнесмен, меценат! Кстати, Матильда, это знакомство может тебе пригодиться!

— Мне? Зачем? — удивилась Мотька.

— Он очень богатый человек и при необходимости, вероятно, мог бы спонсировать какую-нибудь театральную постановку, с твоим участием, например.

— Ксюша, побойся бога! — воскликнул Юрий Петрович. — Это не для девочки разговор!

— Ах да, ты прав, Юрочка, совершенно прав! Просто мне так всегда хочется всем помочь, что...

— Что у тебя уже ум за разум заходит, — продолжал сердиться Юрий Петрович.

— Ну прости, прости, я не подумала! Но Тимоша и вправду меценат...

— И бог с ним!

— А какой у него бизнес? — полюбопытствовала Мотька.

— Бизнес? Да я толком не знаю... Начинал он с торговли недвижимостью, а сейчас... Вот он придет, мы у него спросим!

Но тут нам подали форель и вино, и Оксана Семеновна умолкла. И вовремя, потому что такая вкуснота требовала благоговейной тишины. Я ела и думала: с одной стороны, мы хоть что-то узнали и еще узнаем о Холщевникове, а с другой — следить за ним будет теперь куда сложнее. Он наверняка запомнил нас в лицо, черт бы все побрал! Невезуха!

Похоже, Мотька мучилась теми же мыслями, что, однако, не мешало ей наслаждаться едой.

— Ну что, Юрочка, я была права, когда обещала тебе фантастическую форель?

— Права, Ксюшенька, права! — благодушно пробасил Юрий Петрович.

Он мне очень понравился: большой, добрый и, похоже, очень порядочный. Как он рассердился на свою благоверную из-за того, что ему почудилось что-то неприличное в предложении свести Мотьку с меценатом Холщевниковым. Этой чуткостью и деликатностью он напомнил мне деда.

Когда мы уже ели десерт, из зала торопливо вышел Машин дядя. Вид у него был хмурый, и он быстро ушел. Следом за ним появился Тимофей Михайлович. Он приблизился к нашему столику, пододвинул себе стул и сел. Тотчас же подскочил официант и, ничего не спрашивая, поставил перед ним бокал вина. Видно, Холщевников был тут завсегдатаем, и его привычки хорошо знали. Неожиданно он обратился ко мне:

— Знаете, я давний и горячий поклонник вашего деда, но в Москве он так редко поет... Последний раз я слышал его в Лондоне, он пел Бориса Годунова. Это был незабываемый спектакль!

Я молчала — что на это ответишь?

— А здесь, в Париже, ваш дед давал концерт в зале Плейель, но я в тот день никак не мог пойти и страшно жалел... А где Игорь Васильевич сейчас?

— В Севилье, поет дона Базилио, — ответила я.

Он на мгновение задумался, словно просчитывал что-то в уме, а потом сказал:

— Ксюша, Юрий Петрович, девочки, я страшно рад нашей встрече и в доказательство этого хочу пригласить вас всех к себе в гости. Это будет суббота...

— Поймай, Тима, это же день твоего рождения! — воскликнула Оксана Семеновна. — Как же я могла забыть!

— Это неважно, — обаятельно улыбнулся Холщевников. — Просто приезжайте в гости. Поскольку я живу за городом, я пришлю за вами машину. Не поздно, в половине четвертого. И эта же машина потом доставит вас обратно. Ну как, согласны?

— Согласны, разумеется, согласны! Девочки, вы ведь согласны, да? Это так интересно — побывать в вашем родовом поместье! — восторженно говорила Оксана Семеновна.

Родовое поместье? Очень любопытно. Я глянула на Мотьку. Нельзя упустить такой случай. В ее глазах промелькнула растерянность. Я сразу поняла, в чем дело.

— Тимофей Михайлович, — обратилась я к нему, — дело в том, что вместе с Матильдой у нас гостит и ее двоюродная сестра...

— Ну, разумеется, берите сестру. Какие могут быть вопросы! Буду весьма рад и польщен! Я созвонюсь с Ксюшей и пришлю машину. А сейчас я должен вас покинуть, — сказал он, поднимаясь из-за стола. Я оглянулась и заметила топтавшегося у входа человека, который с тоской поглядывал на Тимофея Михайловича. Тот кивнул ему и прошел в зал. Мужчина последовал за ним.

— Потрясающе! Девочки, вы знаете, нам повезло. Невероятно повезло! Тимофей умеет устраивать праздники. И всегда умел, даже в молодости, когда у него и денег ни гроша не было, всегда что-нибудь да придумает эдакое... А уж сейчас, да в своем поместье...

— Ксюша, ты что-то говорила о родовом поместье, — напомнил Юрий Петрович. — Ты ничего не спутала?

— Ни-че-го! — отчеканила оскорбленная в лучших чувствах Оксана Семеновна. — Он получил его в наследство! Я точно не помню, кажется, от дядюшки. Дело в том, что его прабабка была француженкой. Так что я ничего не спутала!

— И что, большое поместье?

— Чего не знаю, того не знаю, но мне говорили, что большое. Впрочем, послезавтра мы все увидим своими глазами. Мне это безумно интересно. Я еще никогда не была в поместье!

— А мы с Аськой были! — выступила Матильда.

— Вы? Где?

— В Риме! В прошлом году!

Но Оксану Семеновну это ничуть не заинтересовало.

— Я надеюсь, вы поедете с нами, Ася?

— Поедем, наверное, — ответила я и тут же получила под столом пинок от Мотьки. Мол, какие могут быть сомнения! — Я вот только не знаю, это же день рождения, значит, нужно что-то дарить. А что?

— Ну, тебе-то проще всех! — засмеялась Оксана Семеновна. — Подари ему последний диск деда или альбом...

— Правильно! Оксана Семеновна, вы гений!

Она удовлетворенно улыбнулась. Мы еще посидели, поболтали, время близилось к трем.

— Ну что ж, может быть, пойдём отсюда? — не выдержал Юрий Петрович.

— Да-да, пора. Нам еще сегодня с тобой надо много успеть! — спохватилась Оксана Семеновна.

Мы сердечно ее поблагодарили, обменялись телефонами и условились созвониться завтра вечером. Но пока мы прощались, из ресторана вышел Холщевников. Помахал нам рукой и очень торопливо ушел. Бежать за ним не было никакой возможности. Наконец Оксана Семеновна и Юрий Петрович тоже ушли.

- Ну и дела! — вздохнула Матильда. — Даже не поймешь, повезло нам или нет.
- Не повезло, это точно!
- Почему?
- Потому что на дне рождения в родовом поместье мы скорее всего ничегошеньки не выясним. Сегодняшний день, считай, пропал, и вообще... Он же теперь нас знает как облупленных.
- Твоя правда. Ой, Аська, я чего подумала...
- Ну?
- Как же мы в гости-то к нему поедем?
- На машине, ты же слышала.
- Да я не про то! — отмахнулась Мотька.
- А про что?
- Неудобно же идти в гости и ничего там не есть и не пить.
- Это почему?
- Ты помнишь, как Митька Костю ругал...
- За то, что пил чай в доме подозреваемого? — вспомнила я. — Он еще тогда приводил в пример графа Монте-Кристо, который не ел и не пил в доме своего врага. Но, Мотька, во-первых, мы можем и не есть, а во-вторых, ведь еще не факт, что этот человек — наш враг. Может, он вполне порядочный бизнесмен, а мы с тобой просто уже помешались на всяких там преступлениях.
- А как же записка из куртки?
- Тоже еще ничего не значит. Кстати, если вспомнить то наше дело, все улики были против Гриши, а он оказался вовсе ни при чем. Так что...
- Значит, поедем в родовое поместье?
- Обязательно поедем. Чем черт не шутит. Может, убедимся в его невиновности.
- Щас! На блюдечке с голубой каемочкой нам принесут эту самую невиновность! Вот, девочки, смотрите и радуйтесь.
- Мотька, ты чего злишься?
- А как не злиться, когда... Когда все так усложняется. Пошли, надо позвонить Маше, узнать, как там дела.
- Верно.

Но у Маши никто трубку не взял. Наверное, она не выдержала, пошла гулять. А дядя

занимается своими делами. Ничего, вечером созвонимся.

И мы с Матильдой отправились гулять. Вышли на бульвар Батиньоль, добрались до площади Клиши и оттуда уже рванули на Монмартр. Не сговариваясь, мы даже словом не упоминали о Холщевникове и всей этой истории, мы просто наслаждались дивным городом, а потом вдруг вспомнили, что нам же надо встретить Степаниду, и сломя голову понеслись к метро.

Степанида пребывала в состоянии телячьего восторга. Ее восхищало все — и знаменитый Шартрский собор, и сам городок, и группа, и экскурсовод, и обед в Шартре, и...

— Ой, девчонки, как здорово! Мне так понравилось! Спасибо, Ася, а я, дура, еще не хотела ехать. И одной тоже клево! Все обо мне так заботились! — захлебывалась она.

Я ее такой еще не видела.

— Ой, а у вас как дела? — спохватилась она уже на подходе к дому.

— У нас? Думаю, ты удивишься, если скажу, что послезавтра мы втроем приглашены в гости на день рождения. Угадай, к кому?

— К Маше?

— Нет, не к Маше! — таинственно ответила Матильда.

— Ну не к Холщу же!

— Вот именно, к Холщу! — воскликнула Мотька.

— Матерь божья! Ты не врешь, Мотя?

— Зачем мне врать?

— Может, ты меня разыгрываешь?

— Глупости! Это истинная правда!

— Ася?

— Правда, Степа, правда!

И мы рассказали ей все, что случилось с нами.

— Ну и ну! — давалась диву Степанида. — А вообще-то интересно. Даже очень.

— Ну, интересно или нет, там видно будет. Значит, теперь ты не против экскурсий? — перевела я разговор.

— Нет, что ты! Так здорово было! А когда следующая?

— Кажется, в воскресенье.

— Отлично!

— А ты вроде даже и не устала, — удивленно проговорила Мотька. — Смотри, как она сегодня загорела, Аська!

Степанида и впрямь загорела, и ей это шло. Она вообще стала хорошенькой, наша Степка. И оттаяла. Молодец, Ниночка, что купила эти экскурсии!

Вечером позвонил Ален и пригласил нас завтра погулять по ночному Парижу.

— И Степаниду возьмите с собой, мы не очень поздно пойдем, пусть полюбуется, а то так и уедет, не увидев этой красоты. А Поль возьмет с собой братишку, ему тоже тринадцать лет, вполне годится ей в кавалеры.

— Отлично придумано, — обрадовалась я. В самом деле, мы днем так выматываемся, что вечером хватает сил только поесть и завалиться спать, а это, согласитесь, бездарно!

Матильда тоже пришла в восторг. А Степке мы пока про кавалера решили ничего не говорить. А то кто ее знает, вдруг она будет недовольна?

Степанида позвонила Маше, но наткнулась на автоответчик. Потом звонила еще несколько раз. То же самое. Она попросила Машу позвонить ей, но та так и не позвонила. Вероятно, обиделась все-таки. И лишь утром Степанида наконец застала ее. Они поговорили о том о сем, а потом я взяла трубку.

— Маша, здравствуй! Ты что, обиделась на меня?

— Нет, почему? — неуверенно отозвалась она.

— Маша, я обещала все тебе рассказать, только не хотелось бы по телефону, — вдруг сообразила я. Что, если их телефон прослушивается? Теперь все бывает. Она, кажется, поняла меня. — Маша, хочешь, приходи к нам!

— Спасибо, с удовольствием.

Я объяснила ей, как нас найти. Она пришла, несколько ошарашенная роскошью дома. И в квартире озиралась с удивлением и любопытством. Но ничего не спросила.

— Маша, я сейчас расскажу тебе все, а потом вы со Степкой свободны как ветер часов до пяти. — И я выложила ей то, что с нами вчера произошло. — А как вел себя твой дядя? — поинтересовалась я, закончив рассказ.

— Он вчера поздно вернулся, то есть не поздно, в девять часов, но... В общем, оттуда он пошел не домой, а куда, я не знаю. Только вернулся он хмурый и сказал, что ему придется уехать раньше, чем он планировал. И все. Больше я ничего не знаю. Жалко, что у вас так вышло и вы про дядю ничего не узнали. А может, и не жалко, может, так лучше... — задумчиво проговорила она.

— Не исключено, — отозвалась Матильда. — Иногда лучше знать поменьше...

Маша тяжело вздохнула. Видимо, она очень боялась за дядю.

Мы провели чудесный вечер! Младший брат Поля, Пьер, а попросту Петька, оказался довольно занудным и молчаливым парнем, но это нисколько не испортило нам настроения. Да и Степанида была страшно довольна. Она слегка посмеивалась над Петькой-Пьером, не чувствовала себя обузой для нас и просто-напросто наслаждалась прогулкой, Парижем, вкусной едой, суматохой мировой столицы, толпами туристов, ей было легко и весело, я это

видела. Ну и мы с Мотькой тоже наслаждались. Домой мы вернулись во втором часу ночи и сразу завалились спать. Решено было с утра никуда не таскаться, а подготовиться к поездке в «родовое поместье». Мотька, конечно, дергалась, что подарить такому человеку, но я сказала, что мы едем вместе и вполне достаточно будет, если мы вместе и подарим ему последний дедушкин диск с песнями Шуберта и запись «Дона Карлоса».

— А дед тебя не заругает? — спросила Степанида.

— Нет, я ему свои подарю, а потом попрошу деда возместить мне утрату! — засмеялась я.

На том и порешили.

Глава IX

РОДОВОЕ ПОМЕСТЬЕ

«Родовое поместье» находилось примерно в часе езды от Парижа, но мне эта дорога показалась вдвое длиннее из-за непрерывной восторженной болтовни Оксаны Семеновны. Сначала я еще прислушивалась из вежливости, а потом перестала. Куда интереснее было наблюдать за Степанидой, которая не отлипала от окна, время от времени изумленно оглядываясь на Оксану Семеновну. «И что она, помолчать не может?» — было написано на выразительной Степанидиной мордашке.

Но вот машина остановилась у красивых ворот, за которыми находился весьма обширный сад, вернее, даже небольшой парк. Мы вошли, и нашим глазам представилось поистине очаровательное зрелище. Двухэтажный дом, сложенный из серого камня, с белыми окнами (на первом этаже это были сплошь окна-двери), и весь увитый плющом. А перед домом на просторной лужайке расставлены столики под пестрыми зонтиками и белые кресла. Между ними ходили люди, нарядно одетые, я насчитала человек двадцать пять.

— Мамыньки, я такое только в кино видела, — прошептала Степанида. — Обалдеть!

— Да, не слабо, — согласилась с нею Матильда.

— О боже! С ума сойти! Вот уж поистине французское жилище! Юрий Петрович, ты видел что-нибудь подобное? Везет же людям! — восклицала Оксана Семеновна.

И тут откуда ни возьмись появился виновник торжества.

— А, гости дорогие, прошу, прошу! Располагайтесь, почувствуйте себя как дома! Я ни за кем не ухаживаю, никого не угощаю, все на столах! Ксюша, проследи, будь так добра, чтобы девочки не остались голодными!

— Тимофей Михайлович, — сказала я, — мы не знали, что вам подарить, и вот решили... Раз вы поклонник деда...

Я протянула ему наши дары. Он обрадовался, и даже, кажется, искренне.

— О! Я еще не видел этого диска! Спасибо! Большое спасибо! Весьма тронут! А это и есть ваша кузина? — обратился он к Матильде.

— Да. Ее зовут Степанида.

— Степанида? Очаровательно! Ну что ж, очень рад... И, повторяю, будьте как дома.

— Ася, я есть хочу! — заявила Степанида, когда хозяин дома отошел. — Только ты мне скажи, как тут полагается...

Я взяла ее за руку, и мы втроем подошли к столу, уставленному всякими яствами. Я сунула ей в руки большую тарелку.

— Ну, Степка, что тебе положить?

— А я знаю? Тут столько всего... — растерялась она.

— Запросто можешь перепробовать все, но постепенно... С чего начнем?

— А вот это что?

— Это лангусты, что-то вроде крабов, но вкуснее. Положить?

— Угу.

Я навалила ей на тарелку много всякой всячины, налила в высокий стакан апельсинового сока и усадила за маленький столик.

— Питайся, Степка!

— А вы?

Мы с Матильдой переглянулись и поняли, что дали маху. Чтобы продержаться до позднего вечера, не взяв в рот ни крошки хозяйских яств, надо было поесть дома, а мы, дурищи, не сообразили. При виде всей этой вкусноты у нас потекли слюнки. А в довершение всего к нам подошел хозяин дома и сказал:

— Девочки, что ж вы ничего не едите? Нехорошо! Очень рекомендую вот эти вафли с сыром! Попробуйте, попробуйте!

Ничего не попишешь, пришлось пробовать вафельные трубочки с острым сыром. Они и впрямь оказались восхитительными. Но уже съев по вафле и тем самым нарушив запрет, не имело смысла поститься, и мы воздали должное кулинарным изыскам.

— Вкуснотища! — с полным ртом проговорила Степанида. — И вообще, мне тут нравится! И этот Холщ... он тоже ничего, симпатичный!

К счастью, Оксана Семеновна от нас отвязалась. Она сейчас терзала какого-то пожилого человека, который слушал ее с рассеянной улыбкой, время от времени кивал, но, по-моему, думал о чем-то своем. А Юрий Петрович с тарелкой расхаживал по саду.

Насытившись, Степанида спросила:

— А теперь чего?

— А теперь, — засмеялась Мотька, — веди светскую жизнь!

— Как это? — растерялась Степанида.

Мы с Мотькой расхохотались.

— Издеваетесь? Да?

— Что ты, Степка! Просто мы и сами не очень знаем, что тут делать, — призналась Мотька. — Гости почти сплошь французы, и не поговоришь... Но до чего дом красивый, мечта просто...

— Да.

— И сад... Вот будешь подружкам в Москве рассказывать, не поверят.

— Ой, остолопка! — хлопнула себя по лбу Степанида и полезла в сумочку. Оттуда она достала маленький фотоаппарат.

— Гениально! — воскликнула Мотька. — Это надо сфотографировать!

Теперь Степанида была при деле!

— Степка, а у тебя на пленке еще много кадров? — спросила Матильда.

— Ага!

Она нащелкала немало кадров, запечатлевших дом, сад, гостей.

— Аська, — ахнула вдруг Матильда, — ты посмотри, какое чудо!

Я глянула туда, куда указывала Мотька. Под кустом на траве сидела кошка такой красоты, что захватывало дух. Светло-палевая, с темным хвостом и лапками, пушистая, мордочка у нее тоже была темная, а глаза темно-голубые, прозрачные. И еще она была до ужаса обаятельная, эта пушистая красавица.

— Матерь божья! — вздохнула Степанида. — Бывает же... Я должна ее снять.

Кошка, видимо, нисколько не боялась людей и позволила себя сфотографировать. Она сидела и словно бы наблюдала за людьми.

— Боже мой! Юрочка, посмотри, что за восторг! Какая кисонька! — донесся до нас голос Оксаны Семеновны. — Эта порода называется колорпойнт! Изумительно! Погляди, сколько в ней загадочности. Какая таинственность! И какое совершенство!

И она двинулась к кошке, протягивая руки. Но кошка, похоже, не жаждала более близкого знакомства с восторженной дамой и скрылась в кустах.

— Какая жалость! Мне так хотелось ее погладить, — расстроилась Оксана Семеновна.

И вдруг я заметила на дорожке, ведущей от ворот к дому, новых гостей. Их было двое. Потрепанного вида мужчина и красивая нарядная женщина. Они остановились, обводя глазами собравшихся. И тут же к ним устремился хозяин дома. Поцеловав руку женщине, он поздоровался с мужчиной. Женщина вручила ему какую-то коробку и, улыбувшись, направилась к группе гостей. А Холщевников остался на дорожке с мужчиной, лицо которого показалось мне смутно знакомым. Почему-то я решила, что ему неприятен этот визит. По-видимому, гости были незваные. Интересно! Я не сводила с них глаз. Эх, послушать бы, о чем они говорят. Но это было исключено!

Степанида тем временем пыталась догнать кошку. Она влюбилась в нее с первого взгляда и больше всего на свете хотела взять ее на руки. Но кошка, видимо, вовсе не стремилась к этому, она юркнула в кусты и исчезла. Степанида полезла за нею, но напрасно. Поплутав по кустам, девочка решила, что с нее хватит, и так уже локоть ободрала о какую-то колючку. И не только локоть ободрала, как выяснилось, но и зацепилась за нее рукавом. Она попробовала отцепиться, но это удалось ей далеко не сразу. Она боялась напороться еще на что-нибудь, и потому приходилось действовать осторожно. Не хватало только разорвать красивую блузку! И тут до нее донеслись голоса. Мужские. Говорили по-русски! Она невольно прислушалась.

— ...и нечего было сюда являться!

Степанида узнала голос Холщевникова. И нутром поняла, что разговор будет непростой. Она замерла.

— Это тебе, Тимоша, так кажется, у меня на этот счет совсем другое мнение! А день рождения, согласишься, отличный предлог!

— Что тебе нужно? Говори!

— Как будто ты не знаешь, что нужно бедному эмигранту от богатого наследника и удачливого предпринимателя. Ты ведь у нас богатый и удачливый, верно?

— Ты хочешь сказать, что тебе нужны деньги?

— Ты не только богатый и удачливый, ты еще и догадливый!

— Но с какой это стати я должен давать тебе деньги? Если ты просишь милостыню, изволь...

— О нет, я не нищий! Я бедный, но не нищий, и у меня хватило средств и ума, чтобы иметь возможность предложить тебе некий товар...

— Товар? Надеюсь, ты не связался с наркотиками?

— Я? С наркотиками? Боже упаси!

— Тогда что это за товар?

— Видишь ли, Тимоша, я человек творческий, и меня немного смущает то обстоятельство, что... как бы это поизящнее выразиться... Боюсь, ты можешь обвинить меня в плагиате...

— Послушай, Борис, мне это начинает надоедать! Будь проще! В чем дело?

— Дело, друг Тимоша, в том, что я, подобно незабвенному Остапу Бендеру, собрал на тебя досье...

— Что?

— Досье, пухленькое такое, подробненькое досье, где говорится если не обо всех, то об очень многих твоих художествах. И, как Остап Бендер, хочу получить за него свой миллион. Всего один миллион. Но, разумеется, не долларов, не рублей, а евро! Миленьких таких бумажек. Это ведь недорого, верно?

«Ну ни фиги себе, — подумала Степанида. — Только бы меня не заметили!»

Холщевников молчал.

— Тимоша, что же ты молчишь, дорогой? Ты подавлен? Тебе жалко миллиона? Да что для тебя миллион, так, пустячок. А для меня это новая жизнь. Подумай, подумай, пораскинь мозгами, всего какой-то жалкий миллион — и живи себе спокойно! А я уеду далеко-далеко! Я куплю себе домик на каком-нибудь экзотическом острове, положу миллион в банк и буду жить на проценты. Клятвенно заверяю тебя, что ты обо мне никогда больше не услышишь.

— Шантаж, между прочим, — дело уголовно наказуемое! — не слишком уверенно произнес Холщевников.

— Тимоша, брось, ты же сам не веришь в то, что говоришь! Ты, что же, заявишь на меня в полицию? Но это же курам на смех! Если я передам полиции свое, вернее твое, досье, то в благодарность за разоблачение такого матерого преступника, организатора стольких убийств меня не только не осудят, а еще и наградят. И не пытайся меня убить! Досье в надежном месте, и, если со мной что-то случится, его немедленно передадут в полицию. А посему ты должен сдуть с меня пылинки, пока сделка не состоялась. Даю тебе на размышление... Впрочем, нет, ответ ты должен дать мне сейчас.

— Но я должен взглянуть на это досье, что, если это липа?

— Ну нет, это не липа!

— А как ты докажешь?

— Давай завтра где-нибудь в общественном месте встретимся, и я покажу тебе одну, только одну страничку. Думаю, этого будет довольно, чтобы ты раскошелился. Всего одна страничка может потянуть на миллион, так что цени мою скромность!

— А при себе у тебя ничего нет? Что это ты? Показал бы прямо сейчас, может, сразу обо всем и договорились бы.

— Ну нет, тебе сперва надо свыкнуться с мыслью о потерянном «лимоне», а то ты стгоряча можешь предпринять что-нибудь нежелательное. Например, напустить на меня твою охрану. Или отравить...

— Осторожный ты.

— А как же! И не думай, что при завтрашней встрече я не приму мер...

— Хорошо. Где и когда?

— Знаешь улицу Пти-Шан, это недалеко от Национальной библиотеки?

— Знаю.

— Кафе называется «Констанс». Жду тебя в два часа. И советую: возьми с собой денежки. Все будет более чем убедительно!

— Ты хочешь наличные?

— Естественно!

— Но это невысказано! Собрать наличными миллион евро к завтрашнему дню я просто никак не

смогу. Это исключено! В воскресенье все банки закрыты.

— Хорошо, я подожду! Но завтра мы все-таки встретимся, чтобы ты убедился, что я не блефую!

— Хорошо, но, если сделка состоится, какие у меня могут быть гарантии, что тот, кому ты оставил копию, не воспользуется ею?

— Предусмотрено! Когда деньги будут у меня и надежно помещены, я отдам тебе ключ от сейфа, и ты сам заберешь досье. Годится?

— Более или менее. А теперь проваливай! Не желаю видеть тебя весь вечер.

— С удовольствием исчезну. Твое общество не так уж меня привлекает! Только помни — если с моей головы хоть волос упадет...

— Не упадет, не волнуйся!

— Ты понимаешь, Тимоша, а вдруг я попаду в аварию? В обычную, а не подстроенную тобой? Вдруг на голову мне упадет кирпич?

— Что ты от меня хочешь? — уже с истерикой в голосе спросил Холщевников. — Чтобы я приставил к тебе телохранителя?

— Да не волнуйся, я просто так... В порядке шутки. Прощай до завтра, Тимоша! Очаровательную Бланш оставляю тебе.

И он прошел мимо Степаниды. Она узнала его сразу. Это был тот самый человек, которого они видели с Машиним дядей в ресторанчике «У Анриетты».

Холщевников стоял на том же месте, глубоко задумавшись. Степаниде не терпелось вылезти из кустов, побежать к девочкам, рассказать им обо всем, но она не могла даже пошевелиться. Но вот наконец кто-то по-французски окликнул Холщевникова, и он очнулся. Поднял голову и с улыбкой пошел к гостям. Степанида, забыв о колючке, рванулась и выдрала клоч из рукава. Но сейчас ей было не до того. Аська с Мотькой как назло разговаривали с какой-то дамой. Степанида остановилась чуть поодаль, стараясь привлечь внимание Аси. Она так сверлила ее глазами, что та, почувствовав взгляд, стала озираться и тут заметила Степаниду. Извинившись, она бросилась к ней:

— Степка, что с тобой? Где ты рукав порвала?

— Там, в кустах! Ой, Ася, я чего узнала...

— Где, в кустах?

— Вот именно, — зашептала Степанида. — Ася, я их подслушала, нечаянно...

— Кого их? — не поняла Ася.

— Холща и того типа, который был с Машкиным дядей в тот вечер...

— Точно, а я гляжу, лицо вроде бы знакомое! И что ты узнала?

— Такое! Такое! Он преступник, жуткий преступник, убийца!

— Кто?

— Холщ! А тот его это... шантажирует! Миллион требует!

— Тсс! Молчи, Степка! Расскажешь все дома!

— Ася, давай отсюда уедем! Ну пожалуйста, я не хочу тут больше...

— Как же мы уедем? Хотя... Ты сумеешь притвориться, будто тебе плохо?

— Попробую.

— Только не переиграй! Не надо падать в обморок и все такое, ты слегка...

— Ладно. Постараюсь.

— Я сама все сделаю, ты мне только подыграй!

Ася взяла Степаниду под руку, подвела к свободному креслу и усадила. Потом бросилась к столу и налила ей воды со льдом. И стала махать на нее платком. Ее манипуляции заметила Матильда и подбежала к ним.

— В чем дело? Степка, тебе плохо? Объелась, что ли?

— Нет, — слабым голосом проговорила Степанида, — просто мне... мне нехорошо.

— Живот болит? — допытывалась Мотька. Дело в том, что Степанида, вообще-то, отличалась завидным здоровьем.

Тут к девочкам подплыла Оксана Семеновна.

— Что случилось, дорогие мои? Степанида, ты захворала?

— Не знаю, мне дурно, — пролепетала Степанида.

— Оксана Семеновна, пожалуйста, спросите у Тимофея Михайловича, нельзя ли нам уехать? — попросила Ася.

— Уехать? Уже?

— Да. Боюсь, что до позднего вечера ей будет тяжело...

— Конечно, я сейчас узнаю.

И она без лишних слов пошла искать Холщевникова.

— Мотька, не волнуйся, это спектакль, — шепнула Ася подруге.

— Зачем?

— Потом узнаешь!

Матильда пожала плечами, и тут же к ним подошел хозяин дома.

— Может быть, вызвать врача? К сожалению, среди гостей ни одного медика...

— Спасибо, не стоит, — обворожительно улыбнулась ему Матильда. — С ней это бывает, вот если бы мы могли вернуться домой...

— Никаких проблем, сейчас подадут машину.

И он быстро пошел в дом. Буквально через пять минут к ним подбежал тот самый шофер, который привез их сюда. Он подхватил Степаниду на руки и понес к воротам. Ася и Матильда простились с Оксаной Семеновной и с хозяином дома и тоже побежали к машине.

В дороге Степанида лежала на заднем сиденье и изредка стонала. Матильда недоуменно поглядывала на Асю, но та была непроницаема. И лишь войдя в дом и убедившись, что машина отъехала, Ася сказала:

— Сейчас, Матильда, мы узнаем много интересного!

Когда Степанида закончила свой рассказ, Мотья всплеснула руками.

— Степка, ты ничего не привираешь?

— Вот те крест! — завопила ожившая Степанида. — Разве ж я такое придумую?

— Да, пожалуй, не придумаешь... Ну и что нам теперь со всем этим делать? Кошмар какой-то.

— А что же тогда этот шантажист хотел от Машкиного дяди, а? — спросила Степанида.

— Может быть, он хотел у него что-то выведать о Холщевникове? — предположила Ася.

— Да, скорее всего. Но тогда получается, что этот самый дядя побежал докладывать об этом Холщевникову в первый же его приемный день. И решил пораньше убраться из Парижа, так?

— Выходит, что да, хотя черт его знает... тут так все запутано.

— Ася, а ты знаешь это кафе? — поинтересовалась Степанида.

— Не знаю, но, думаю, найти будет нетрудно. Только зачем? Ведь Холщевников нас прекрасно всех теперь знает. Да и что толку?

— Но как же... — растерянно проговорила Степанида. — Мы же убедились, что он преступник!

— Убедиться-то мы убедились, а доказать не сможем, — пожала плечами Матильда. — А ты, кажется, уже забыла, что завтра едешь на экскурсию! Замки Луары — это же мечта!

— Я помню, но...

— Степка, никаких но! — прикрикнула на нее Матильда.

— Между прочим, если бы не я, вы бы ничегошеньки про Холща не узнали, так бы и думали, что он славный дядька.

— Может, оно и лучше было бы, — вздохнула Матильда. — Потому что теперь мы знаем, кто он такой, а сделать ничего не можем.

— Но тогда... Эх, вот достать бы это самое досье... — мечтательно произнесла Степанида.

- Вот бы на Луну слетать! — горько усмехнулась Матильда.
- Что же, выходит, это безнадега?
- Выходит, так. Аська, а ты чего молчишь?
- А что тут скажешь? И так все ясно.
- Аська, Мотька, но мы же не можем просто сидеть сложа руки! Его надо разоблачить!
- Как?
- Может, просто заявить в полицию?
- Бесполезно! Насколько я понимаю, — мягко ответила Ася, — преступления он совершал в России, а перед здешней полицией скорее всего чист как стеклышко, иначе он вряд ли мог бы вступить в права наследства и все такое...
- А разве тутошняя полиция не может связаться с российской? — гнула свое Степанида.
- Может быть, и может, но... Не примут нас всерьез, пойми, Степка! У нас же нет ничего, только рассказы о том, что ты слышала. Этого мало.
- Значит, надо раздобыть доказательства!
- Легко сказать, — засмеялась Матильда. — Раздобыть доказательства.
- Ну, вообще-то, можно, наверное...
- Ты спятила, да? — закричала Ася.
- Ничего я не спятила, просто у меня идея появилась...
- Какая еще идея?
- Понимаете, девчонки, этот дядька, ну, который Холща шантажирует, он чего-то добивался от Машкиного дяди. Надо бы его найти...
- Зачем это?
- А вдруг мы сможем хоть одну страничку из досье раздобыть... Ту самую страничку, которую он хочет показать Холщу...
- Степанида, это же не научная фантастика! — воскликнула Ася.
- А может, стоит поговорить с Машкиным дядей, а?
- Час от часу не легче! Он же сразу помчался доносить Холщу!
- Я не уверена!
- Почему это?
- А потому! Если бы он предупредил Холща, тот вряд ли бы так реагировал на шантаж! Он был бы подготовлен!

- Степка, а ведь ты соображаешь! — одобрила кузину Матильда.
- А ты думала, я debilка? Может, у Машкиного дяди совсем другие дела с Холщом, а про того типа он мог ничего не сказать... Если он знал, что тот собирает на Холща досье, и ничего ему не сказал, значит, он вовсе не против... Может, ему это даже выгодно...
- Выгодно? Думаешь, ему от этого миллиона что-то тоже обломится? — спросила Матильда.
- Нет, я другое имела в виду. Я хотела сказать, может, он хочет, чтобы Холща разоблачили...
- Шантаж вовсе еще не означает разоблачение, — вмешалась Ася. — Наоборот, если Холщевников заплатит шантажисту, то досье будет уничтожено. И у него сейчас только два выхода. Либо заплатить, либо убрать шантажиста.
- Но ведь тогда его уж точно разоблачат, — удивленно подняла брови Степанида.
- Да, если он его просто подстрелит или отравит. А если он подошлет к нему людей, которые будут... будут его пытаться, предположим? Вряд ли он выдержит. И тогда...
- Ой, Аська, что ты такое говоришь! — сжала пальцами виски Матильда. — Ужас какой!
- Но это ведь возможно, правда?
- Возможно, да. Но ведь и шантажист мог такое предусмотреть, тем более если он хорошо знает Холща... И до завтра он где-нибудь надежно спрятался.
- Но почему, почему вы не хотите поговорить с Машкиным дядей? — вопила Степанида.
- Потому что это опасно! Мы ничегошеньки про дядю не знаем! Только то, что он связан с Холщевниковым, а вот чем связан, как, не знаем. И не имеем права так рисковать.
- Но мы же поняли уже, что он не донес Холщу на того типа!
- Это еще ничего не значит, а вдруг он в доле с ним? Запросто может быть, — заметила Матильда. — Скажешь, нет?
- Может, — понурилась Степанида.
- К тому же дядю избили, — напомнила Матильда, — избили в тот вечер, когда мы видели его вместе с шантажистом. Кстати, мы даже не знаем, как его зовут.
- Борис! Его зовут Борис! — закричала Степанида. — Его Холщ так называл!
- Борис! Мало ли в Париже Борисов! Да нет, Степанида, нам надо просто забыть об этом деле, и все.
- Мотя! Но как же забыть?
- Степка, это уже сказка про белого бычка! Забыть, и все дела! Аська, ты согласна?
- В общем, да. Не вижу, что тут можно предпринять без риска для жизни. И потом, вы что, приехали сюда преступников ловить?
- Твоя правда, Аська! — подхватила Матильда. — А ты, Степка, ответь, что тебе больше

нравится — выслеживать каких-то мерзавцев или же осматривать Париж, Шартр и другие места?

Степанида задумалась.

— Мне и то и другое нравится, — тихо призналась она. — Но я все понимаю. Дело и вправду тухлое...

— Ну, в таком случае давайте-ка ляжем спать, а то завтра вставать рано!

Глава X

ВОСТОЧНЫЕ КРАСАВИЦЫ

Ночь я спала ужасно. Крутилась, вертелась, вставала, пила воду и заснула, когда уже начало светать. Мне не давала покоя мысль о том, что матерый преступник может остаться безнаказанным. Но ничего путного в голову не приходило. Вскочила я от звонка будильника. Надо было проводить Степаниду на автобус. К счастью, мы успели вовремя. В группе у нее нашлись знакомые по прошлой экскурсии, чему она обрадовалась. Ну и слава богу!

Когда автобус отошел, Мотька сказала:

— А мне тоже хочется посмотреть замки Луары!

— Посмотришь, Ниночка приедет и отвезет нас. Думаю, Степка не откажется побывать там еще разок!

— Отлично! — обрадовалась Матильда. — Аська, ты чего всю ночь колобродила?

— А ты слышала, что ли? Ты же вроде спала?

— Сквозь сон слышала, конечно. Про Холща небось думала?

— Про него, проклятого! Все прикидывала, как бы к нему подобраться, но ничего в голову не пришло.

— Я, вообще-то, тоже думала...

— Ну и что надумала?

— Да так, кое-что...

— Мотька, колись!

— Ничего умного, Аська, просто кое-какие соображения!

— Ну, выкладывай!

— Надо бы нам с тобой в ту кафешку податься!

— Зачем?

— Чтобы быть в курсе дела! Знать, как у них беседа пройдет. Мало ли как все может обернуться...

— Но он же нас знает!

— Ну и что? Если мы заявимся в кафе намного раньше его, то какие у него могут быть подозрения? Можем же мы любить пирожные именно из этой кафешки, правда?

— Так-то оно так, но если он нас узнает, то может запросто увести этого Бориса в другое место для разговора, и тогда уж пиши пропало.

— То есть ты предлагаешь изменить внешность?

— Просто не вижу другого выхода. В конце концов, мы столько раз это делали и почти всегда успешно.

— Значит, ты согласна туда пойти? — обрадовалась Мотька.

— Естественно!

— Аська, ты молодчина!

— А ты думала!

И мы понеслись домой, чтобы спокойно обдумать, как нам получше загримироваться. Но сколько мы ни пробовали вариантов, нас ничто не удовлетворяло.

— Это все не то, Аська, — сказала Мотька. — Нужна какая-то идея, а ее нет... Понимаешь, что бы мы ни намалевали себе на рожках, он может нас опознать по фигурам, если он наблюдательный, по манере сидеть за столом, он же нас в этой «Бродячей форели» видел!

— Не «Бродячая форель», а «Форель-бродяга», — со смехом поправила я подружку.

— Да какая разница! — отмахнулась от меня Мотька. — Стоп, я, кажется, придумала! Надо нам с тобой во что-то замотаться!

— Как замотаться?

— Ну, соорудить что-то вроде индийского сари, да еще и голову прикрыть. В Париже каких только людей не бывает, и поэтому девушки в экзотических нарядах никого удивить не могут! А уж если мы там будем сидеть, когда они придут, то...

— Гениально, Матильда! Им не до того будет, чтобы каких-то заморских пташек разглядывать! А вот знакомые морды могли бы навести на размышления! Вот только во что бы нам замотаться?

— Неужели ничего нет? — расстроилась Мотька.

— Пойдем поглядим. Может, у Ниночки что-нибудь найдем.

— А она не рассердится?

— Постараемся, чтобы она ничего не заметила!

И действительно, мы довольно быстро отыскали в Ниночкиных шкафах все необходимое. Кусок дивного шелка, расписанный от руки Ниночкиной подругой-художницей. По бледно-сиреневому полю были разбросаны редкой красоты бабочки. Ниночка восхищалась рисунком,

но говорила, что никогда не решится это носить. На Мотьку как раз хватало этого батика, а для меня нашелся Ниночкин вечерний туалет, который она уже не носит. Красные шифоновые шаровары, такой же блузон и большой красный шарф с золотом. Правда, Ниночка несколько ниже меня, а потому мне пришлось спустить шаровары на бедра, а блузон затянуть узлом на животе.

— Аська, — хохотала Матильда, — у тебя пупок наружу!

— Ну и что?

— В пупок надо кольцо продеть, тогда будет классно!

— Можно еще и в нос!

Я накинула на голову шарф, почти прикрыв лицо, и элегантно задрапировала его на плече.

— Ой, Аська, какая ты в этом красивая! Просто ужас! Тебе так идет! И так стильно выглядит! Только что ты на ноги наденешь? Сюда каблуки нужны!

— Ерунда, у меня ведь это не вечерний туалет, а самый обычный прикид для моей маленькой, но жутко экзотической страны, а потому... потому...

Я побежала к себе. Ниночкины туфли были на три номера меньше моих. Но у себя я обнаружила еще ни разу не надеванные красные кожаные вьетнамки с позолоченными ремешками.

— Вот это то, что нужно!

А еще я нацепила на щиколотку браслет из позолоченных шариков, в прошлом году такие были в большой моде.

— Ну и как?

— Отпадно! Только, Аська, очень привлекаешь внимание. От тебя глаз не оторвать! А если ты им понравишься и Холщ тебя узнает?

— Глупости! Ему будет не до меня!

Матильду мы обмотали батиком с бабочками так, чтобы один конец закрывал голову. Одно плечо оставалось голым.

— Да, Мотька, класс! До того изысканный вид... Я рядом с тобой, как кухарка рядом с принцессой!

— Ерунда! Просто у тебя восточный вид, а у меня... западный какой-то. Надо что-то другое придумать... Бабочки эти просто восторг, но это не то... Да и, честно говоря, жалко такую красоту в метро трепать.

И Мотька решительно сняла с себя батик. А я подумала — надо, чтобы Ниночка подарила этих бабочек Мотьке, все равно она их не носит, а Мотьке теперь всякие платья будут нужны... И бабочки ей в самый раз.

В результате мы отыскали для нее белый балахон из тончайшей шерсти, а на голову нацепили зеленую шелковую скатерть с кистями. Получилось очень необычно и красиво.

— Вот, совсем другое дело! — с торжеством заявила Мотька, крутясь перед зеркалом. — Теперь мы — два сапога пара! Только вот откуда мы, Ася? Как называется наша маленькая экзотическая страна?

— Маскарадия!

— Это точно! Маскарадия! А где она находится?

— Где-то на Аравийском полуострове!

Мы покатались со смеху. Как будто к нам вернулось наше детство!

— Слушай, а как же мы по улицам пойдём, а?

— Вот так и пойдём! Что за проблема? В Париже можно хоть с голым задом ходить, никто внимания не обратит!

— Да я не про то! Боюсь, испачкаю балахон, все-таки он белый!

— Постираем!

— А как мы мимо Дидье проскочим?

— А ему какое дело, во что мы одеты? Кончай свои московские заморочки, Матильда! Ты в Париже! И, между прочим, нам пора выходить. Пока доедем, пока найдем кафе...

Мы собрались, еще раз с удовольствием посмотрели на себя в зеркало и решительно вышли из квартиры.

Не успели мы ступить на тротуар, как к дому подкатила машина. Оттуда выскочили Ален и Поль.

— Это что за маскарад? — воскликнул Ален. — Куда это вы собрались?

Мы с Матильдой в отчаянии переглянулись.

— А ты почему без звонка приехал? — попробовала я перейти в наступление.

— Так получилось, — вмешался Поль, — мы наудачу решили заскочить к вам...

— Стася, в чем дело? — отвел меня в сторонку Ален.

— Да понимаешь...

— Опять детективные дела, да?

— Нет, что ты...

— Не пытайся меня обманывать, ты этого не умеешь!

И вдруг я подумала, а почему бы, черт возьми, не взять их с собой? Они нам не мешают, а, наоборот, еще могут пригодиться. С машиной мы могли бы проследить за шантажистом, например.

— Ален, это сложная история. Но я все расскажу! Мы сейчас едем в кафе на улицу Пти-Шан,

называется «Констанс», знаешь такое?

— Конечно, знаю, кстати, там чудные пирожные. Но к чему эти наряды? Кого вы изображаете?

— Никого мы не изображаем, нам просто нужно, чтобы нас не узнали, вот и все. Если бы вы могли поехать с нами, было бы здорово!

Я увидела, что Мотька как-то неуверенно поглядывает на меня — очевидно, не знает, как вести себя с Полем. Я решительно шагнула к ним.

— Поль, я просила Алена поехать сейчас с нами в кафе «Констанс».

— Сладенького захотелось? — улыбнулся Поль.

— Если бы! — закатил глаза Ален. — Эти девчонки предпочитают очень уж острые блюда.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивился Поль.

— А вот сейчас они в машине нам все и расскажут!

Мотька вопросительно взглянула на меня. Я ей кивнула. Мол, все нормально.

По дороге мы посвятили ребят в нашу историю.

— Нет, это поразительно, как вы умудряетесь все время во что-то ввязываться! Стоит вам встретиться — и сразу можно сказать, что где-то рядом вьются преступники.

— А ведь дело-то нешуточное, — заметил Поль. — Правда, я не понимаю, что вы тут можете сделать... Хотя...

— Что? — в один голос крикнули мы с Мотькой. — Ты что-то придумал?

— Да нет, что я могу придумать... Так, мелькнула одна мыслишка...

— Какая?

— Да нет, глупости.

И он замолчал, но мне все же показалось, что он что-то обдумывает.

Кафе «Констанс» на улице Пти-Шан оказалось небольшим, уютным и приятным. Мы вошли. Из семи столиков был занят только один, мы сели в глубине кафе, где потемнее. Заказали кофе с пирожными и лимонад.

— Стася, — шепнул мне Ален, — тебе все это невероятно идет! Ты сейчас такая загадочная!

Я не успела ему ответить, как вдруг Поль заявил:

— Вот что, Ален, дай-ка мне ключи от машины.

— Зачем? — удивился Ален.

— Я посижу там — не надо, чтобы они меня видели.

— Почему это? — воскликнула Мотька. — Ты что задумал?

— Да так...

— Слушай, Поль, это никуда не годится! Откуда мы знаем, что ты не наделаешь глупостей, не испортишь нам всю обедню? — рассердилась я.

— Не волнуйся, не испорчу! Я вам даже очень помогу!

— Помоги, если можешь, но хотелось бы все же знать, чем ты собираешься нам помочь.

— Для начала тем, что ваши подопечные не увидят меня с вами.

— Слушай, Поль, кончай дурить! — нахмурился Ален. — Стася права, так не поступают! Мы пришли вместе и должны действовать заодно.

— Просто если я изложу вам свой план, вы будете меня отговаривать! Все, я уйду! Пока!

И он выбежал из кафе.

— Спятил! — заметила Мотья. — Точно, спятил!

— На него это не похоже, — задумчиво проговорил Ален. — Очень странно.

Но тут в кафе быстрым шагом вошел Борис. Оглядевшись, он занял столик ближе к окну, где посветлее. Закурил, нервно поглядывая на часы. В руках у него была тонкая кожаная папка.

— Это шантажист, — прошептала я на ухо Алену.

Он кивнул. Мне было тревожно, я боялась, что Поль выкинет какую-нибудь глупость.

Но вот в кафе заглянул Холщевников. Увидел Бориса и подошел к его столику. Сел, закинул ногу на ногу.

— Ну? — негромко сказал он. — Чем порадуешь?

Мы сидели достаточно близко, чтобы кое-что слышать. Борис ничего не ответил, молча раскрыл папку и вытащил оттуда лист бумаги. Подал Холщевникову. И тут произошло нечто невообразимое. В кафе на бешеной скорости ворвался Поль. Он подскочил к Холщевникову, вырвал у него листок и тут же скрылся. Мы не успели и рта раскрыть. Все заняло считанные секунды. Холщевников вскочил и бросился вдогонку за Полем, а Борис в крайней растерянности остался сидеть. Ну и ну!

— Вот чудовой! — прошептала Мотья, восторженно сверкая глазами.

— Только бы он его не догнал, — тихо по-французски сказала я.

— Никогда! — засмеялся Ален. — Поль потрясающе бегают!

Действительно, вскоре появился запыхавшийся Холщевников.

— Что это значит? — накинулся он на Бориса.

— Понятия не имею! Просто бред! Скорее всего псих какой-то...

— Псих? А зачем психу этот листок?

— Тимоша, так он же псих!

— Мне это не нравится! Черт бы тебя побрал! Чует мое сердце, это все твои игры! Ты думаешь взять меня на пушку? Не на того напал! У тебя ничего нет, вот ты и подстроил это! Тебе нечего мне предъявить! Хочешь надуть меня? Даром получить деньги?

— Тимофей, прекрати истерику! — произнес Борис. — Не сомневаюсь, что ты вполне успел оценить важность даже одного этого листочка!

Холщевников тяжело опустился на стул.

— Я ничего не понимаю! Ничего!

— Я тоже! Но уверен, что это просто псих, мало ли их бегают по Парижу!

Да, подумала я, а ведь Поль сделал гениальный ход! У нас в руках листок бумаги, который тянет на миллион явро, — следовательно, материал для разоблачения опасного преступника. Только бы теперь Поль все не испортил!

— А если не псих?

— Но кто же? Кто?

— Если бы знать.

— Ты кому-нибудь говорил о нашей встрече?

— Еще чего! Я-то не псих!

— Не огорчайся, Тимоша, мне ничего не стоит восстановить... Это же была всего лишь копия.

— Это я и сам понимаю, но ведь листок у кого-то в руках...

— Ну и кто там что поймет? По-русски?

— Да сейчас в Париже русских как собак нерезанных! Тоже мне проблема!

— Послушай, Тимофей, а нас вчера никто не мог подслушать?

— Подслушать? Вряд ли... Хотя...

Я похолодела. Но ведь он не видел Степаниду, тут же одернула я сама себя.

— Что? — настороженно спросил Борис.

— Да так... Ерунда.

— Ты полагаешь, нас кто-то засек?

— Маловероятно. Да нет, чепуха!

— Ладно, что было, то было. Однако все остается в силе! Ты же видел, материал-то нешуточный!

Но Холщевников ему не ответил. Он вдруг повернулся в нашу сторону. Мы едва успели

спрятать лица. Я чувствовала на себе внимательный взгляд. Неужели он нас раскусил?

— Я не хочу больше здесь разговаривать. Мне здесь не нравится!

— Тимофей...

— Я сказал!

И он поднялся из-за стола.

— Идем, поговорим в другом месте!

И они вышли из кафе. Вид у Бориса был недоуменный.

— Аська, по-моему, он нас узнал, — в отчаянии прошептала Матильда.

— Мне на минутку тоже так показалось.

— Ерунда, вас невозможно узнать, — сказал Ален. — Немыслимо. Лиц ваших он видеть не мог.

— Но он мог нас вычислить!

— Что за чушь, — поморщился Ален. — Как и почему он мог вас вычислить?

— Очень просто. Он мог вспомнить, что после его разговора с этим типом Степаниде вдруг стало плохо, и мы поспешили уехать. Он вполне мог догадаться, что кто-то из нас слышал его разговор и не пожелал оставаться в доме преступника, — соображала я.

— Ты думаешь? — испуганно спросил Ален.

— Боюсь, что да.

— Матильда, а ты что скажешь?

— Я не знаю, но, может быть, Аська права...

— Я задушу его своими руками...

— Холщевникова?

— Поля! Если бы не этот болван...

— Но он хотел как лучше... И потом, эта бумажка нам еще может пригодиться, — заметила Мотька.

— Спокойно, девочки! Предположим, он мог связать внезапное недомогание Степаниды с этим разговором, но как он мог предположить, что вы вздумаете что-то против него предпринять? С какой стати? Как такой матерый бандит может опасаться каких-то девчонок? Он же не знает, что вы прирожденные Холмсы и Ватсоны?

— И не заподозрил бы даже, если бы не Поль...

— Его мало убить!

— Аська, но если это все так, что же теперь будет? — прошептала Мотька. — Я за Степку

боюсь...

— Ну уж Степку-то он ни в чем не заподозрит, — уверенно ответила я. — Ей ничего не грозит. А вот нам с тобой...

— Стася, надо что-то делать! — воскликнул Ален.

— Что именно?

— Ну, я не знаю... Заявить в полицию!

— Нет, надо сейчас ехать домой, переодеться, встретить Степаниду и, главное, дожждаться Поля. Посмотреть, что мы можем сделать с этой бумажкой. Я, вообще-то, не думаю, что Холщ сразу будет нас убивать.

— Аська!

— Нет, правда, подозрения еще ничего не значат! Он все-таки не решится... В конце концов, он не может быть уверен, что это мы...

— И какой вывод? Только один! — заявила Мотька. — Если он заподозрил, что это мы, он попытается за нами проследить. И наша задача — сбить его с панталыку. Я уверена, он где-нибудь неподалеку затаился и ждет, когда мы выйдем из кафе.

— А что, в этом что-то есть, — согласилась я. — Мотька, я всегда говорила, что у тебя золотая голова!

— Так, — сказал Ален, нервно постукивая пальцами по столу, — узнать вас в таком виде он может разве что по соотношению роста. Ни лиц, ни фигур ваших он опознать не сможет. Значит, надо сделать так, чтобы по росту тоже не опознал!

— Что ты предлагаешь? — спросила я.

— Я возьму тебя на руки!

— Что? — рассмеялась я.

— А что особенного? Говорят, женщины любят, чтобы их на руках носили! — подмигнул он мне.

— Молодец, Ален! — подхватила Мотька. — Только я предлагаю не спешить, а посидеть тут еще полчаса. Пусть не думает, что мы за ним устремились! Я лично съела бы еще одно пирожное!

— Девчонки, до чего же вы умные! — обрадовался Ален. — Так просто, а мне и в голову не пришло, действительно!

— А через полчаса ты уже не возьмешь меня на руки? — полюбопытствовала я.

— Стася, я готов всю жизнь носить тебя на руках!

Мы заказали еще по куску клубничного торта и просидели добрых полчаса. Потом расплатились, и Мотька вышла на улицу первой.

Все-таки что значит прирожденная актриса! Она шла семенящей походкой, абсолютно не

похожей на ее собственную. А Ален у двери подхватил меня на руки и понес вслед за Мотькой к своей машине, оставленной неподалеку. Мы с Матильдой сели на заднее сиденье.

— Хорошо, что сегодня воскресенье, — заметил он, выруливая со стоянки, — если кто-то поедет за нами, мы обязательно заметим, движение не такое сильное.

Действительно, вскоре мы заметили, что за нами едет синий «Ситроен».

— Погоня! — засмеялся Ален. — Ну ничего, мы тоже не лыком шиты!

— Ты уже придумал, как от него уйти? — спросила Мотька.

— Нет, мы от него уходить не будем!

— Но как же?

— Поймите, если мы явно будем от него отрываться, он решит, что его подозрения не так уж глупы. Поэтому мы очень спокойно, непринужденно, неспешно доедем до одного хитрого местечка...

— До какого местечка, Ален?

— До одного небольшого, но вполне respectable отеля.

— Что нам там делать?

— Ничего. Вход в отель находится в очень симпатичной галерее, из нее есть выход с другой стороны. Вы войдете, я вас прикрою, и выйдете на другую улицу. А там просто возьмете такси. Я его задержу под любым предлогом. Надеюсь, он просто решит, что вы живете в этом отеле, и успокоится.

— А что, если он знает про второй выход? — спросила Матильда.

— Не думаю, он все-таки не парижанин. Да и потом, мы разыграем какую-нибудь сцену, например, вы выйдете из машины, а я вам вдогонку крикну: «Фатима! Я завтра за вами заеду!»

— Нет, Ален, тебе уж придется опять Аську на руках переть! А то соотношение роста может нас подвести, — усмехнулась Матильда.

— Да уж, взялся за гуж — не говори, что не дюж!

— Ох уж эти русские поговорки! — проворчал Ален. — Тогда я понесу Стасю, а ты уйдешь вперед, и я тебя окликну: «Фатима, стой!»

— Я тоже, что ли, Фатима? — расхохоталась Мотька.

— Хорошо, Сорейя! Сорейя тебя устроит?

— Вполне.

«Ситроен» не отставал от нас. Ален, видимо, почувствовал себя героем боевика. Он вдруг затормозил на довольно пустынной улице, вылез из машины и открыл капот. «Ситроен» проехал чуть вперед и тоже остановился.

Ален покопался в моторе, потом захлопнул капот и сел за руль.

— Это что за фокусы? — прошипела Мотька.

— А пусть видит, что мы не спешим, не удираем! Поймите, он же не знает, какие вы прожженные и опытные, он полагает, что, будь у меня в машине не Сорейя и Фатима, а Стася и Матильда, мы бы сейчас мчались на бешеной скорости, пытаюсь оторваться от преследования. А нам на него плевать с высокого дерева. Разве я не прав?

— Прав, пожалуй. Только мы не можем опоздать на встречу со Степкой! — напомнила Матильда. — В шесть мы как штык должны быть у агентства.

— Через десять минут мы будем у галереи, и вы поедете за Степанидой на такси.

Но тут произошло нечто странное. «Ситроен» уехал. И сколько Ален ни крутился, его не было.

— Слава богу, — перекрестилась Мотька, — сообразил, что это не мы.

— Похоже на то, — согласилась я. — Надоело ему. Понял, что только зря теряет время.

— В таком случае куда едем? — поинтересовался Ален.

— Домой! Надо быстренько переодеться и встретить Степку, а то в таком виде она нас может не понять.

— Аська, как думаешь, надо ей рассказывать про сегодняшнее? — спросила Матильда.

— Даже не знаю. Наверное, все-таки надо. Чтобы соблюдала осторожность.

— А ты считаешь, что... что это еще не кончилось?

— Черт его знает. Береженого все-таки бог бережет. Интересно, когда появится Польша?

— Идиот! — в сердцах высказался Ален. — Полный, законченный идиот.

— Неправда! — вступилась за приятеля Матильда. — Он хотел как лучше и, кстати, все-таки добыл компромат на Холца!

— Надо еще взглянуть, что за компромат и что мы с ним сможем сделать!

Когда мы подъехали к дому, Ален распорядился:

— Живо переодеваться! Я жду вас здесь!

Мы сломя голову бросились наверх и через десять минут вернулись к машине уже в своем обычном виде.

— Стася, в красных шароварах ты мне больше нравишься! — со смехом заявил Ален.

Глава XI

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ

Степанида вылезла из автобуса, слегка пошатываясь от переполнявших ее впечатлений.

Старинные замки на Луаре потрясли ее воображение. Это было так красиво, так романтично, так не похоже на все виденное раньше. Там так легко вообразить себя принцессой, или какой-нибудь маркизой, или, к примеру, Анжеликой... Она даже плохо слушала экскурсовода, погруженная в какие-то смутные мечтания. Чудо, да и только! Но она понимала, что обязательно попадет туда еще раз, ведь нельзя же, чтобы Матильда этого не увидела, а значит, и ее тоже с собой возьмут, а если сами не сообразят, она попросит. Надо завтра же проявить пленку и показать фотографии Мотьке.

— Степанида, ты что, спишь на ходу? — окликнула ее Аська.

— А? Привет! — очнулась она.

— Ну как?

Степанида только беспомощно улыбнулась.

— Что, слов нет? — засмеялась Мотька.

— Вот именно. Мотя, ты должна это увидеть... И я хочу еще...

— Ишь ты! Еще она хочет! — проворчала Матильда.

Но Аська сказала:

— Хочешь? Получишь! Вот вернутся дед с Ниночкой, и обязательно поедем туда!

— Здорово! Ой, вы на машине? Хорошо, а то я устала...

Едва Ален затормозил у подъезда, как к машине кинулся Поль.

— Наконец-то! Где вас черти носят? Я чуть с ума не сошел!

— Почему это «чуть»? — холодно хмыкнул Ален. — Ты сошел с ума в полном смысле слова! Кто же так поступает?

— Ерунда! Победителей не судят! — фыркнул Поль.

— А ты уверен, что победил?

— Ну, в общем...

— Ладно, не стоит препираться на улице, — прервала их Ася. — Пошли наверх, там разберемся.

— В чем дело? Что случилось? — спросила Степанида.

— Да ерунда, — отмахнулась Матильда. — Ты голодная?

— Вообще-то да, — призналась Степанида.

— Сейчас что-нибудь придумаем, ты поди пока прими душ!

Степанида ушла.

— Поль, покажи скорее этот листок! — взмолилась Матильда.

— Да, любопытно все-таки взглянуть, — не желая показать свой интерес, поддержал ее Ален.

— Откровенно говоря, я ничего не понял. Может, вы разберетесь?

И он выложил на стол лист бумаги. Они склонились над ним. Опять какие-то буквы, цифры, ничего конкретного.

— Черт побери, — сказал Ален. — Муть какая-то, вы что-нибудь в этом понимаете?

— Нет, — разочарованно протянула Ася, — ничего!

— Жалко, — тихо сказал Поль, — а я так старался!

— Что это такое? — раздался вдруг голос Степаниды. — Что тут у вас?

И она цапнула листок со стола.

— Это что? — повторила она свой вопрос, пристально глядя на Матильду.

Та понуро пожала плечами и промолчала.

И вдруг Степаниду осенило.

— Это что, листок из того досье, да?

— Да, — вздохнула Ася. — Но что толку? Все равно ничего не понять.

— Но как он к вам попал?

— Какая разница! Все равно мы с ним ничего сделать не сможем, — раздраженно ответила Матильда.

— Вы ходили в то кафе, да?

— Да, — нехотя призналась Ася. — И Поль вырвал листок из рук Холщевникова.

— И что? — побледнев, пролепетала Степанида.

— Как видишь, ничего.

— Нет, я про другое! Холщ вас там видел?

— Нет, не видел! Мы... Одним словом, мы переоделись, изображали каких-то экзотических баб...

— Но ведь Поль был с вами...

— Нет, он ворвался с улицы, схватил бумажку и умчался. Холщ бросился за ним, но не догнал. Так что не мог он связать его с нами.

— А Поль что, в кафе вообще не заходил?

— Заходил, но быстро ушел. Это была его собственная светлая идея! — сказал Ален. — Но когда эти типы пришли, его там уже давно не было.

— Но кто-нибудь все же мог его с вами видеть? — допытывалась Степанида.

— Кто-нибудь, наверное, мог, — задумчиво проговорила Ася и вдруг похолодела. — Слушайте! — воскликнула она. — А что, если он вернулся в кафе и спросил хозяина, не видел ли он с нами парня, который украл листок? Может, он именно поэтому и перестал следить за нами?

— Значит, он все-таки узнал вас? — завопила Степанида.

Все растерянно переглядывались.

— Погодите паниковать! — сказала Матильда. — Ведь еще не факт, что он вернулся в кафе! И не факт, что хозяин видел и узнал Поля. Скорее всего нет!

— А если узнал? — испуганно пробормотал Поль.

— Ну, допустим, узнал. Допустим! И что из этого? Как он может быть уверен, что это мы? И с какой стати ему нас подозревать, я имею в виду Асю и себя? Не тех девушек в восточных нарядах, а нас? Откуда он знает, что это мы? Он поездил за нами, и что? В лицо он нас не видел! Это точно! Так что связать концы с концами он по определению не может! — горячилась Матильда.

— Хорошо бы, — проворчала Степанида.

— Какой же я болван, — сокрушенно проговорил Поль. — Если что-то случится, я себе до смерти не прощу... Но я же хотел как лучше...

— Да ладно вам в панику впадать! — прервала их Ася. — Матильда, пойдем придумаем что-нибудь на ужин, а то Степанида с голоду помирает и я тоже!

— И я! — улыбнулся Ален.

Девочки довольно быстро приготовили неплохой ужин, и после еды все страхи показались сущей ерундой.

Степаниде позвонила Маша.

— Ну как ты? — спросила она. — Как съездила?

— Потрясно! Завтра расскажу. А что у тебя?

— Степа, я спросила у дяди про визитную карточку...

— И что?

— Он спросил, где я ее взяла. Я сказала, что нашла на полу. Он как-то удивленно пожал плечами и сказал: «Странно, я выкинул ее, еще когда мы с тобой были во „Фруктовом раю“».

— Ага, понятно! И это все?

— Нет, не все. Я спросила, кто он такой, этот Холщевников, а дядя сказал: «Самый плохой человек из всех, кого я знаю. Настоящий преступник. Забудь о нем». И все.

— Плохой, значит?

— Самый плохой! Так что, Степа, та записка, которую ты в Москве нашла, никакой не розыгрыш.

— Понятно, Маш, а когда твой дядя уезжает?

— Послезавтра уже.

— А почему, не сказал?

— Нет. Говорит, дела.

— А как ты думаешь, если с ним поговорить откровенно, он может нам помочь?

— Помочь? В чем?

— Сама еще не знаю...

— Не думаю, а вообще-то... Он, по-моему, боится этого типа. А вы еще что-то про него узнали?

— Да нет... Маш, а среди его парижских знакомых нет человека по имени Борис?

— Борис? Что-то я не слышала... А кто это?

— Маш, давай завтра в десять встретимся в сквере и пойдем куда-нибудь погуляем, а?

— Давай. Но ты мне расскажешь новости, да?

— Обязательно!

— Тогда договорились! Пока!

— Пока.

Степаниде не захотелось возвращаться к старшим, и она пошла в свою комнату. Почему-то на душе у нее было тревожно. Эти большие дуры и дураки таких глупостей наделали... С одной стороны, действительно, подозревать их в чем-то нелепо, но если такое подозрение все же закралось у Холщевникова, то что он может предпринять? Нанять кого-то следить за ними? Запросто, но что он надеется выяснить? «А может он, к примеру, узнать, что я общаюсь с Машей, племянницей его знакомого, который к тому же его не слишком обожает. Черт, это и впрямь может только укрепить подозрения! Значит, никаких встреч с Машей и ее дядей! Придется утром что-нибудь Машке наврать. Или же попросить ее прийти сюда, это безопасно, мало ли какие девочки сюда ходят, хотя нет, если он решит проследить и за ней... Ну и дела! Значит, о Маше пока лучше забыть. Полю и Алену тоже тут нельзя показываться! Они ведь были в своем обычном виде! Выходит, единственное, что мы можем завтра себе позволить, это любые прогулки по Парижу втроем. И только! И пускай за нами хоть весь день таскаются люди Холщевникова, мы будем вести себя нормально, и тогда, быть может, нас оставят в покое. Что еще может сделать Холщевников? — рассуждала Степанида. — Он может попытаться разузнать о нас у Оксаны Семеновны. Стоп. Вот это было бы ужасно! Оксана Семеновна, судя по всему, особым умом не блещет и запросто может поделиться со старым другом восторгами по поводу детективных успехов этих славных девчушек, Аси и Матильды! И вот уж тогда...»

Степанида вскочила и бросилась в комнату, где «дураки и дуры» о чем-то мило беседовали.

— Степка, ты чего? — удивилась Матильда. — Мы думали, ты уснула!

— Уснешь тут с вами! Я все обдумала! И пришла к выводу...

— Да, и к какому? — усмехнулся Алэн.

— А к такому, что вам надо поскорее отсюда сматываться!

— Что? — опешила Ася.

— Я сейчас все объясню!

И Степанида подробно изложила им свои соображения.

— Ну ты даешь! — ахнула Матильда. — Я с самого начала говорила, у тебя криминальный талант! Ты в этом так соображаешь! Аська, она ведь права, верно?

— Права! На все сто! Ребята, вам пора! — встревожилась Ася. — Если за вами будет «хвост»...

— Оторвемся! — уверенно заявил Алэн.

— Вместе вам нельзя появляться! — воскликнула Матильда. — А Поля к тому же надо переодеть!

— Переодеть? — возмутился Поль. — Во что, интересно?

— Не проблема, переоденем, загримируем, бороду наклеим, — отмахнулась Ася. — Тогда, кстати, сможете уйти вместе.

— Нельзя было тут машину ставить, — сообразила Матильда. — Эх, какого дурака сваяли.

— Девочки, вы это всерьез? — недоуменно спросил Алэн.

— Еще как всерьез!

— Вы и вправду думаете, что за вами могут установить слежку?

— Запросто!

— Невероятно!

— А что уж тут такого невероятного? Ты забыл, как сегодня днем за нами ехал «Ситроен» Холщевникова? — закричала Ася.

— Черт побери, действительно... Ладно, гримируйте Поля. Мне не терпится проверить вашу идею.

— Если «хвоста» за тобой не будет, это еще ничего не значит, — заметила Степанида. — Слежку могут начать с завтрашнего дня. Скорее всего.

— Нет, с вами рехнуться можно!

— Не с нами, а с вами! — огрызнулась Матильда. — Если бы Поль не сглупил, мы бы спокойненько жили себе, и никто бы на нас не обратил внимания.

— Но я ведь уже покался! Сколько можно! — воскликнул в отчаянии Поль. Он поклялся себе, что больше и близко не подойдет к этим сумасшедшим девчонкам. Ну их к дьяволу! Вечно с

ними что-то случается. В прошлом году одну из них чуть не пристрелили, по чистой случайности она осталась жива, и теперь вот...

— Хватит! — хлопнула ладонью по столу Ася. — Сейчас нам надо сохранять спокойствие, а вы все впали в истерику. Черт знает что!

— Ты права, подруга! — сказала Матильда.

— Все, я пошел! — заявил возмущенный Поль.

— Спятил, да? — преградил ему дорогу Ален. — Если ты выйдешь отсюда как есть, считай, ты подписал девчонкам смертный приговор! И себе, между прочим, тоже! И даже скорее себе, чем им!

Поль замер.

Через двадцать минут из дому, прихрамывая, вышел пожилой мужчина с окладистой каштановой с проседью бородой, в довольно большой фетровой шляпе с широкими полями. Он опирался на массивную трость с набалдашником слоновой кости и направился в сторону метро. С балкона за ним наблюдала Степанида. Но ничего подозрительного она не заметила.

— Никто за ним не шел! — сообщила она через несколько минут, вернувшись в гостиную. — А вещи-то он вернет?

Ален расхохотался.

— Вернет, вернет, не беспокойся.

— Как же, не беспокойся, скоро вот Игорь Васильевич приедет, что мы тогда ему скажем?

— Да говорят же тебе, вернет он все! — заметила Матильда. — Он же не вор. Дурной только...

— Ну что ж, пора и мне восвояси, — сказал Ален.

Девочки не стали возражать. Он простился с ними и сбежал вниз. Подошел к машине, огляделся. Ничего подозрительного он не приметил. Сел за руль и покатыл по улице. За ним никто не поехал. Порядок, девчонки просто перетрусили. Все не так страшно! По дороге он частенько поглядывал в зеркало заднего вида, однако «хвоста» не было. Из дому он сразу позвонил девчонкам и сказал, что все спокойно.

— Это еще ничего не значит, — довольно зловеще проговорила Степанида, когда Ася закончила разговор с Аленом. — Следить начнут с утречка.

— Ты так говоришь, как будто уверена, — заметила Матильда.

— Почти что уверена, — вздохнула Степанида. — И еще... Ася, позвони Оксане Семеновне, предупреди, чтобы не распространялась про ваши подвиги.

— Ну нет, — покачала головой Ася, — если я ей такое скажу, она пристанет ко мне с расспросами, и я до завтра от нее не отвяжусь.

— Аська, но если она и вправду разболтает, а? — осторожно заметила Матильда.

— Да что вы от меня хотите? Чтобы я ей рассказала, какой у нее милый и симпатичный дружок, да? А если он к ней вздумает сунуться, тогда как? Кстати, я вовсе не уверена, что она знает что-то о наших, как ты выражаешься, подвигах. Мама — и то половины не знает, а уж Оксана может и вовсе ничего не знать.

— Как же, уж про Феликса и про поездку в Израиль наверняка знает. Про это тогда все знали.

— Когда это было? — воскликнула Ася. — С тех пор столько воды утекло! Она и не помнит ничего. Ну и денек выдался, кошмар просто!

— Аська, а я знаешь чего подумала, — начала Матильда, — на фиг Холщевникову нами заниматься сейчас? Ему бы с Борисом этим расхлебаться, а уж до нас пока очередь дойдет...

— Ну он же не сам за вами следить-то будет! — завопила Степанида. — Вы что тут, в Париже, поглупели, да? Вроде ведь не влюблены, тогда почему?

Ася с Матильдой переглянулись и покатались со смеху.

— Ну и чего вы ржете? — нахмурилась Степанида. — Что тут смешного? Я вот уверена, это еще не конец!

— Ты что, Степка, печенкой это чуешь? — сквозь смех спросила Ася.

— Селезенкой! — буркнула Степанида и двинулась к двери. Но на пороге она обернулась и бросила: — Вот увидите, что-то еще будет!

И она ушла к себе в комнату.

— Аська, у вас тут сигнализация какая-нибудь есть? — спросила немного погодя Матильда.

— Есть, не волнуйся! — успокоила ее Ася. — До утра можно жить спокойно.

— А потом?

— Там видно будет!

Глава XII

УТРО ВЕЧЕРА МУДРЕНЕЕ

Не зря все-таки говорят, что утро вечера мудренее! Проснувшись, я вдруг отчетливо поняла, какая несусветная глупость все, что мы вчера нагородили! Все наши страхи и ужасы! Просто курам на смех! Почему, с какой стати матерому преступнику, можно сказать международного масштаба, заниматься какими-то девчонками, пусть даже они краем уха что-то слышали, краем глаза что-то видели. И особенно в момент, когда ему грозит разоблачение, да и перспектива расстаться с миллионом евро вряд ли очень его радует. А тут глупые девчонки! И даже листок, возможно, попавший к ним в руки, ничего им не даст, они там ровным счетом ничего не поймут. И что из всего этого следует? Только одно — мы можем жить спокойно, не боясь и не прячась! Не до нас теперь Холщевникову. Не до нас!

— Аська, ты чего вскочила? — раздался сонный голос Мотьки.

— Матильда, протри глаза, я хочу тебе кое-что сказать!

— Плохое?

— Наоборот! Очень даже хорошее!

— Ну? — села в постели Мотька.

Я изложила ей свои соображения.

— Аська! — просияла она. — Аська, ты гений! Ты совершенно права! Конечно, он вчера сгоряча поехал за нами, а потом все понял и махнул рукой. Ну, в самом деле, что мы можем? Ни фиги! Еще в Москве, дома... Там другое дело! А здесь... К черту всех преступников! Пускай их ловят те, кому положено, а мы... Так-то оно так, но...

— Какое «но», Матильда?

— Я вот что подумала... Ему сейчас точно не до нас, для него сейчас главное — шантажист. А шантажисты — они ведь народ ненадежный...

— Да уж, подруга, — засмеялась я, — ненадежные они, положиться на них нельзя, вот незадача-то!

— Не смейся, Аська, я серьезно! Какая у Холца может быть гарантия, что этот тип отдаст ему все копии? Да ни малейшей! Он сказал, что отдаст ему ключ от сейфа, где лежит досье. Но ведь Холц ему не поверит и правильно сделает! Откуда он может знать, а вдруг этот Борис припрятал экземплярчик на случай, если миллиона ему станет мало?

— И ты думаешь, Холц попытается его убить?

— По-моему, да. Ну сама подумай, он отдаст миллион, а через годик с него еще потребуют!

— погоди, Матильда, но ведь если этот Борис погибнет, то досье сразу обнародуют! И что тогда?

— Во-первых, он запросто может в это не поверить! А вдруг Борис только брал его на пушку? Это раз! И потом, он может попытаться выведать у Бориса, где остальные копии и есть ли они, а потом убьет его, и дело с концом...

— Да... может быть... И еще он, по логике вещей, должен убить адвоката, у которого хранится досье! Ну конечно! Теперь все встало на свои места!

— Аська, это похоже на правду! Но что же нам теперь делать? Мы ведь не можем так это оставить! Если как минимум двум людям угрожает смерть, мы не можем...

— Почему как минимум?

— А ты не понимаешь? Если он, допустим, подложит бомбу под машину адвоката, какая гарантия, что вместе с ним не взлетят на воздух, к примеру, его дети?

— Мотька!

— Что Мотька? Разве я не права? А случайные прохожие?

— Да ты права, права! Что-то надо предпринять!

- Просто необходимо! У твоего деда нет знакомых в полиции?
- В полиции? Нет, по крайней мере, я не знаю! А если мы сами туда сунемся, нас могут просто не принять всерьез.
- Боюсь, что да. В таком случае...
- В таком случае нам может помочь только один человек!
- Кто?
- Машин дядя! Степанида же говорила, что он сказал про Холща — самый плохой человек! И он запросто может знать адрес Бориса.
- И что мы с этим адресом будем делать? Побежим к нему предупреждать, что...
- Нет, пусть Машкин дядя попытается с ним поговорить. Борис этот тоже преступник, но все-таки не убийца и, может, еще одумается...
- Как же, дожидайся! Ему миллион евро светит, а тут... Нет, Аська, это дохлый номер. Убьет его Холщ, как пить дать!
- Но попытаться надо, и потом... Надо во что бы то ни стало предупредить этого юриста! Он ведь может не знать, какая бомба у него в сейфе. Даже скорее всего не знает! Значит, мы просто обязаны выяснить, кто этот юрист.
- Но как? Как? Думаешь, мы придем к нему и спросим: дяденька, а кто ваш адвокат? На вас нам наплевать, а вот дяденьку адвоката жалко! Так, по-твоему?
- Не знаю, Мотька, я что-то плохо соображаю!
- Ну нет, соображаешь ты просто здорово, вон какую логическую цепочку выстроила... Вот если бы мы могли проследить за Холщом...
- Если бы да кабы...
- У нас только один выход — Машин дядя. Либо пан, либо пропал! А вдруг он согласится нам помочь? Вдруг ему тоже охота упечь Холщевникова?
- Да пойми, проследить-то можно исхитриться, а если он не сам будет убивать? Если наймет кого-то?
- Нет, Матильда, он же тут, во Франции, чистенький, и ему никак нельзя ни с кем связываться. Он попытается все сделать сам, я уверена!
- Тогда, Аська, встаем! Время нам нельзя терять!
- Тут в комнату заглянула Степанида.
- Проснулись?
- Да! Степка, ты еще Маше не звонила, что не придешь? — сразу спросила Мотька.
- Нет, еще рано, а что?

— А то, что... Планы меняются. Нам необходимо поговорить с ее дядей! Мы тут подумали и пришли к выводу, что никто за нами следить не будет.

— Почему? — В голосе Степаниды послышалось некоторое разочарование.

— Не до нас сейчас Холщевникову.

— Почему?

Мы быстренько все ей объяснили. Она задумалась.

— Может, и так, но все ж таки проверить не мешает!

— Проверим, обязательно проверим. Степка, ты не знаешь, когда Машина мама на работу уходит?

— Рано, а что?

— Сейчас начало девятого, как думаешь, она уже ушла?

— Наверное.

— А как отчество этого дяди? Не могу же я звать его дядей Лешей! — заметила я.

— Да почему я знаю! Не интересовалась.

— Ладно! Как-нибудь узнаем.

Я решительно набрала номер Маши. Она почти сразу взяла трубку.

— Алло!

— Маша, привет, это Ася!

— Привет... А что случилось?

— Маш, дядя твой дома?

— Дома.

— Мне позарез нужно с ним поговорить!

— Зачем?

— Очень, очень нужно! Кстати, как его по имени-отчеству?

— Алексей Алексеевич. Позвать его? Только он, кажется, еще не встал.

— Маша, пожалуйста, позови его! — взмолилась я.

— Хорошо, попробую.

Прошло, наверное, минут пять, прежде чем в трубке раздался заспанный мужской голос. По тону чувствовалось, что Алексей Алексеевич удивлен и недоволен.

— Алексей Алексеевич, с вами говорит Ася Монахова, — начала я и почувствовала, что сморозила глупость. Тоже мне персона, Ася Монахова. Говорить, что я внучка Игоря Потоцкого, мне вовсе не хотелось. — Впрочем, это неважно, — заторопилась я. — Мне необходимо поговорить с вами, и чем скорее, тем лучше. От этого зависит не одна человеческая жизнь!

— Даже так? И чем могу быть полезен?

— Это не телефонный разговор!

— Час от часу не легче! А главное, при чем тут я?

— Наверное, ни при чем, но вы точно можете нам помочь!

— Нам? Кому это вам?

— Алексей Алексеевич, разрешите мне и моей подруге сейчас прийти к вам, чтобы мы могли поговорить.

— Хорошо, через час вас устроит?

— Да! Спасибо! — Я положила трубку. — Он согласился!

Мы быстренько позавтракали и ровно через час звонили у двери Машиной квартиры. Конечно же, Степанида увязалась за нами, по дороге то и дело проверяя, нет ли «хвоста». «Хвост» мы не обнаружили.

Дверь открыл Машин дядя.

— А, это вы! Проходите, что-то вас многовато для конфиденциального разговора.

Похоже, он не воспринимает нас всерьез.

Мы заранее договорились, что Степанида побудет с Машей, пока мы с Мотькой будем обрабатывать Алексея Алексеевича.

Мы вошли в гостиную, а Степанида с Машей за нами не пошли, укрылись на кухне.

— Ну так что, юные девы, зачем я вам понадобился и кому грозит опасность?

— Алексей Алексеевич, простите за прямоту, — откашлявшись, начала я, — но что вас связывает с господином Холщевниковым?

Он удивленно поднял брови:

— Простите за грубость, но какое ваше дело?

— Видите ли, мы... одним словом, мы узнали, что он матерый преступник, который... которого...

— Его шантажируют! — вставила Мотька.

— А вам что до этого? Вам его жалко?

— Ничуть! Но он не такой человек, чтобы запросто заплатить деньги шантажисту... Он обязательно попытается его убить!

— Значит, вам жалко шантажиста? — недобро усмехнулся Алексей Алексеевич.

— Ну, человек все-таки... И потом, кроме шантажиста, может пострадать еще один человек...

И я выложила ему все, что мы с Мотькой сегодня надумали. В глазах нашего собеседника появился интерес.

— А что, в логике вам не откажешь... Но что вы хотите от меня?

— Мы должны найти этого Бориса! И, кроме вас, нам никто помочь не сможет!

— Почему вы решили, что я смогу вам помочь?

— Потому что мы видели вас с ним в ресторане «У Анриетты».

— Вы что же, и за мной следили? Да, кажется, именно так... Я вас видел в ресторане «Форель-бродяга»! Да-да, именно! Я еще подумал: похоже, это Машины подружки...

Мы с Матильдой переглянулись.

— Мы пришли туда, чтобы...

— Но как вы про это место узнали?

— Разве это важно? — сказала я, мне не хотелось выдавать Машу.

— Хорошо, это мы потом выясним. Значит, если я вас правильно понял, вы хотите, чтобы я предостерег Бориса?

— Да!

— Но это наивно. Вы полагаете, он сам не знает, что Холщевников — опасный тип? Ерунда! Он прекрасно отдает себе в этом отчет!

— Ну пожалуйста, Алексей Алексеевич! — подняла на него полные слез синие глаза Матильда.

Он взглянул на нее и поперхнулся. Она была так трогательна, так хороша в этой своей заботе о шантажисте, что он просто не смог сказать «нет».

— Может быть, вы и правы, — задумчиво проговорил он, не отрывая глаз от Матильды. Потом, словно стряхнув с себя оцепенение, спросил: — Но как я объясню ему свою заботу?

— Не надо ничего объяснять! Просто скажите ему...

— Он меня не поймет! Он решит, что я сам зарюсь на эти деньги.

— Но как же быть? А если пострадают невинные люди? Подумайте, если Холщевников подложит бомбу под машину адвоката, а тот сядет в нее с детьми или с женой, а рядом будут идти прохожие...

— Ну все, вы меня доконали! — воскликнул Алексей Алексеевич. — Я сейчас позвоню ему!

И он быстро набрал номер.

— Алло! Борис! Это Алексей, мне необходимо с тобой встретиться... Что? Важный разговор? Хорошо, я потом позвоню.

Он положил трубку.

— У него какой-то важный разговор!

Мотьяка вдруг побледнела.

— Скорее! Едем туда! У него Холщевников, я знаю!

Тут уж побледнел Алексей Алексеевич.

— Ну ладно, будь по-вашему!

— Надо вызвать такси! — крикнула я. — Он далеко живет?

— Такси не надо, у меня машина, я взял напрокат!

— Вы куда? — выскочили в прихожую Маша и Степанида.

— Мы скоро вернемся, у нас важное дело! — быстро сказала я.

— Мы с вами!

— Нет, — решительно ответил Алексей Алексеевич. — Вы будете сидеть у телефона и ждать наших распоряжений! И без разговоров!

Не успели девчонки ответить, как мы уже бежали вниз по лестнице.

Маленькая зеленая машина стояла у подъезда.

— Где он живет? — спросила я. — Это далеко?

— К счастью, нет, на Рю де ла Помп.

— Повезло, — обрадовалась я. — Совсем близко!

Рю де ла Помп была довольно неказистой улицей, дома в основном старые, довольно обшарпанные. И ни одного деревца.

Алексей Алексеевич уже начал тормозить, как вдруг Мотьяка крикнула:

— Смотрите, вот он!

Действительно, из подъезда вышел Холщевников и, как-то нервно озираясь, быстро пошел прочь.

— За ним! — взвизгнула Мотьяка.

Машина развернулась и медленно поехала вдоль тротуара. Холщевников шел, казалось, ничего не замечая. Дойдя до углового кафе, он сел за столик, и к нему тут же подбежал молоденький официант, гарсон, как их тут называют.

— Нервничает! — заметил Алексей Алексеевич. — Мне это не нравится. Ах, черт, позвонить же надо!

Он достал трубку и набрал номер...

— Борис не отвечает! Вот что, девчонки, я мигом поднимусь к Борису, а вы сидите тут и не высовывайте носа!

— А если он уйдет?

— Не уйдет, он что-то заказывает!

Действительно, Холщевников что-то говорил гарсону, а тот кивал и записывал. Алексей Алексеевич между тем бросился к подъезду, где жил Борис.

— Аська, неужели он сейчас жрать будет? — ошеломленно спросила Мотька, увидев, что Холщевникову принесли прибор, салфетку и большую банку пива.

— Похоже на то... Я, Мотька, где-то читала про одного человека, который после убийства всегда набрасывался на еду.

— Ты думаешь, он убил его? — в ужасе прошептала она.

— Не знаю...

— Аська, он тут еще долго просидит!

— И что?

— Асечка, миленькая, давай сбегает туда, а?

— Куда?

— Ну, в тот подъезд... А вдруг он его только ранил, вдруг нужна наша помощь? И потом, этот дядя Машкин, кажется, по-французски не говорит, он даже полицию вызвать не сможет без тебя, если что, а этого мы не упустим, вон гляди, какую прорву еды ему принесли!

— Но мы же не можем бросить машину! Я пойду одна!

— Зачем, он ключи в зажигании оставил, запрем ее, и дело с концом!

— Мотька, я боюсь!

— Думаешь, я не боюсь? Так боюсь, что поджилки трясутся...

— Так, может, не пойдём, а?

— Аська, а вдруг Алексею Алексеевичу помощь нужна, вдруг там с ним что-то, а мы будем сидеть и дожидаться незнамо чего? И потом, вместе не так страшно...

— Хорошо, — решила я и вытащила ключи из зажигания.

Мы кинулись в подъезд. К счастью, он был не заперт.

— Какой этаж? — прошептала я.

— Понятия не имею.

Было тихо. Мы прислушались. Ни криков, ни шума драки, ничего. Дом был пятиэтажный, без лифта. Мы поднялись на второй этаж. Двери обеих квартир были плотно закрыты. Я поглядела на таблички. Фамилии были французские. Переглянувшись, мы поднялись на третий этаж. И сразу увидели, что одна дверь приоткрыта. Таблички на двери не было. Мы прислушались. Ничего. Потом Мотька не выдержала и открыла дверь. У меня сердце ушло в пятки. Она сделала шаг и вошла в квартиру. Я двинулась за ней. И тут в прихожую выскочил Алексей Алексеевич, белый как полотно. И сразу прижал палец к губам. Потом схватил нас за руки и вытащил на площадку.

Когда мы втроем сбежали на первый этаж, я спросила едва слышно:

— Что там?

— Труп!

— Матерь божья! — тихонько воскликнула Мотька и перекрестилась.

— Как вы могли бросить машину?

— Мы ее заперли, вот ключи, а Холщевников жрет!

— Надо вызвать полицию! Ася, ты говоришь по-французски?

— Да!

— Беги к автомату и позвони в полицию! Скажи, что в квартире одиннадцать произошло убийство. Просто скажи адрес и повесь трубку.

— Но почему?

— А как ты им объяснишь все? Тебе нужно, чтобы твое имя трепали в газетах и тебя таскали в полицию?

— Нет, конечно.

Я бросилась к автомату и сообщила, изменив голос, о происшедшем убийстве. Потом бросила трубку. И вернулась к машине.

— Вызвала!

— Не сказала им ничего лишнего?

— Ни слова. Но, Алексей Алексеевич, что... что он с ним... что он с ним сделал?

— Задушил. Слава богу, вы этого не видели...

— Господи помилуй, задушил человека и сидит жрет... — простонала Мотька. — Наверное, на нервной почве... Что за человек?

— Он не человек. Нелюдь. Жаль, что вам так рано пришлось столкнуться с такой мерзостью.

Мы промолчали. Не хотелось говорить, что нам это не впервой.

— Алексей Алексеевич, а он не уйдет от наказания? — спросила немного погодя Матильда.

— Нет, девочки, не уйдет! Он, по моим расчетам, должен попытаться немедленно обезвредить адвоката, пока тот не узнал о смерти Бориса. Иначе будет поздно.

— Что ж он до ночи-то не подождал? — спросила Мотька.

— Это только кажется, что ночь — удобное время для убийства, — усмехнулся Алексей Алексеевич. — Ночью куда больше шансов, что тебя увидят, запомнят, а днем вышел на улицу — и затерялся в толпе. Кто на тебя обратит внимание?

— Но откуда он знает, где искать адвоката?

— Ну, мало ли... Внимание, девочки!

Холщевников расплатился с гарсоном и встал из-за стола. Он казался крайне возбужденным. Кажется, я впервые видела человека, только что совершившего убийство. У меня мороз побежал по коже.

Холщевников вышел на улицу, оглянулся на дом, где жил Борис, и прибавил шагу. Дав ему отойти на приличное расстояние, мы тронулись вслед за ним. Он прошел до перекрестка, свернул вправо и взял такси.

— Слава богу, — вздохнул Алексей Алексеевич, — хуже нет на машине ехать за пешеходом.

Он старался держаться на приличном расстоянии от такси, чтобы не бросаться в глаза. Потом мы попали в пробку и деваться нам уже было некуда, но, к счастью, между нами стоял еще красный «Плимут», так что разглядеть нас Холщевников никак не мог. Мы простояли в пробке добрых полчаса.

— А вы представляете себе, что с ним сейчас творится? — проговорила Мотька. — Особенно если он спешит!

Наконец мы тронулись. Ехать пришлось очень далеко, чуть ли не на другой конец города. Но вот такси доехало до площади Республики, и Холщевников вылез из машины. Алексей Алексеевич сказал:

— Девочки, идите за ним, я приткну машину и догоню вас!

Холщевников шел неторопливо, словно прогуливаясь. Я шла за ним, Мотька держалась сзади меня на порядочном расстоянии, чтобы Алексей Алексеевич нас не потерял. Вот Холщевников свернул на бульвар Вольтера и прибавил шаг. К счастью, Мотька и Алексей Алексеевич уже поспешали за нами.

Но вот он остановился возле подъезда, рядом с которым красовалась довольно обшарпанная табличка: «Др. М. Мийо, адвокат».

— Мы не ошиблись, — тихонько сказала я.

— Эх, задержать бы его сейчас минут на десять, — прошептал Алексей Алексеевич.

— Зачем?

— Предупредить адвоката, чтобы вызвал полицию...

— Я могу попробовать...

— Нельзя! Ни в коем случае! А кто будет говорить с адвокатом? Я по-французски практически не говорю!

— Но тогда я могу его отвлечь, — вызвалась Мотька.

— Чепуха! — поморщился Алексей Алексеевич. — Детский лепет.

Холщевников между тем прохаживался у подъезда взад и вперед, словно что-то обдумывая.

— У него уже крыша поехала, — заметила Мотька. — Если он собирается убить адвоката, то зачем, спрашивается, мозолить тут всем глаза?

— Верно мыслишь, — одобрил ее Алексей Алексеевич. — Вот что, девочки, я сейчас его отвлеку, а вы проскочите в подъезд и поговорите с адвокатом, объясните ему все, и пусть вызывает полицию. Когда вызовет, пусть подаст знак — поставит на окно какой-нибудь кувшин или вазу. Ася, ты сумеешь все сказать?

— Попробую!

— Ну, с богом! — выдохнул он и быстро пошел навстречу Холщевникову.

— Ой, Аська, как страшно!

— Не говори, у меня у самой ноги дрожат...

Между тем мы старались подобраться как можно ближе к подъезду, прячась за припаркованными у тротуара машинами. Вот Алексей Алексеевич подошел к Холщевникову и окликнул его. Тот, похоже, его еще не заметил. Он резко поднял голову и что-то сказал. Алексей Алексеевич, взяв его за рукав, принялся довольно горячо ему что-то говорить, стараясь увести от подъезда, и в момент, когда ему это удалось, мы с Мотькой шмыгнули в дверь.

— Проскочили! — с торжеством шепнула Мотька.

Стрелка указывала на второй этаж. Там находилась приемная адвоката. На звонок нам открыла стройная женщина лет сорока, в элегантном костюме и в очках. Она удивленно уставилась на нас. Секретарша, наверное.

— Здравствуйте, — начала я по-французски. — Нам необходимо срочно поговорить с доктором Мийо. У нас к нему дело. — От волнения голос у меня был совсем хриплый. — Это очень, очень срочно.

— От кого вы? — спросила женщина.

— От себя! Поверьте, мадам, это важно, это... жизненно важно.

— Что ж, проходите! Вы не француженки?

— Нет, но это не имеет значения. Мадам, каждая минута на счету, умоляю вас, позовите доктора Мийо!

Она улыбнулась.

— Доктор Мийо — это я!

— Вы адвокат Мийо?

— Да, я адвокат Мийо! В чем дело?

— О, мадам! Вы... у вас есть клиент по имени Борис?

— Борис? А что случилось?

— Мадам, он убит!

— Что? Когда? — побледнела она.

— Сегодня, совсем недавно. Его задушил господин Холщевников.

— Боже мой, но откуда вы это знаете и почему вы пришли ко мне?

— Мадам, я вам потом все объясню. Дело в том, что вам грозит опасность. Он знает, что досье у вас!

— Кто он?

— Холщевников! И он сейчас внизу! Он идет сюда! Мадам, вызовите полицию!

— Я ничего не понимаю!

— У вас окна выходят на улицу?

— Да, но...

Я подскочила к окну. Алексей Алексеевич и Холщевников все еще стояли вместе наискосок от подъезда.

— Мадам, посмотрите, вон он!

Она подскочила к окну.

— Который?

— В сером пиджаке.

— А второй кто?

— Этот человек с нами, он задерживает его, чтобы мы могли вас предупредить!

Она пристально посмотрела на нас. Потом решилась.

— Хорошо!

Она куда-то позвонила и заговорила с такой пулеметной скоростью, что я едва различала некоторые слова.

— Аська, не забудь про кувшин! — напомнила Матильда.

— Мадам, если вы вызвали полицию, то поставьте на окно какой-нибудь кувшин или вазу!

Она улыбнулась.

— Как в кино!

Но кувшин поставила. Мы наблюдали в окно за происходящим. Алексей Алексеевич в очередной раз поднял глаза и вдруг хлопнул Холщевникова по плечу, развернулся и быстро пошел прочь. А Тимофей Михайлович по-прежнему стоял, переминаясь с ноги на ногу. Потом взглянул на часы и решительно направился к подъезду.

— Девочки, в ту комнату! И не вылезать ни при каких обстоятельствах! — распорядилась мадам Мийо. — Ни при каких обстоятельствах!

Едва мы успели скрыться в соседней комнате, как в дверь позвонили.

— Мадам Мийо? — раздался хриплый голос Холщевникова. — Мне нужно с вами поговорить!

— Вам назначено?

— Нет, но у меня весьма срочное дело!

Он довольно прилично говорил по-французски.

— Вас кто-то прислал ко мне?

— Да, Борис Журбин.

— Мсье Журбин? Что ж, прошу вас.

— Мадам, Борис просил меня... забрать у вас досье, которое он спрятал у вас...

— Вот как? Я ни о каком досье даже не слышала. Мсье Журбин был моим случайным клиентом, я помогла ему в одном деле, и с тех пор...

— Не ври, зараза! — заорал вдруг Холщевников. — Задушу!

— Вы сошли с ума!

— Да, да! Я сошел с ума! Отдай по-хорошему, гадина! Отдай лучше, а то...

— Мсье, немедленно убирайтесь отсюда!

Я чуть-чуть приоткрыла дверь, чтобы все-таки не только слышать, но и видеть, что там происходит. Мадам Мийо, видимо, таяла время, чтобы дожидаться полиции.

— Прекрати!

И он схватил ее за плечи. Она попыталась вырваться, но он крепко ее держал.

— Имей в виду, Журбин уже мертв! Так что нет смысла хранить его бумаги. Отдай их мне, и полмиллиона евро твои. Он хотел выманить у меня миллион, так вот, полмиллиона я отдам тебе за это досье! Подумай, что лучше — умереть задарма или жить с такими деньгами!

— Полмиллиона? Что ж, об этом стоит подумать...

Я похолодела. Неужели она сейчас согласится продать ему досье и даст уйти?

— Вот это другой разговор! Даю пять минут...

— О нет, мсье! Где же деньги? Досье вам, деньги мне! Иначе я не согласна.

— Ты получишь эти деньги завтра утром.

— Но почему я должна вам верить?

— Не должна! Не должна! Деньги у меня в машине, внизу! Покажи мне досье, я должен убедиться, что это то самое, и я сбегаю вниз за деньгами.

Я страшно напряглась. Ведь никакой машины у него не было. Значит, он сейчас попытается отнять у нее досье или, может быть, даже убить ее.

— Что ж, сходите за деньгами, а я пока достану досье. Согласитесь, это вполне справедливое требование!

Как же она здорово держится — мелькнуло в голове. Но Холщевников почему-то пришел в ярость.

— Ах, ты о справедливости заговорила? Вам бы только деньги выманывать! Ты с ним заодно была, поганая баба!

И он схватил ее за горло. Она попыталась освободиться, но он был, видимо, очень силен.

— Он ее убьет! — тихонько взвизгнула Мотья, и не успела я очухаться, как она выскочила, держа в руках какую-то толстенную книгу. В считанные доли секунды я поняла, что у нее просто не хватит роста, чтобы шарахнуть Холща по башке этим томом, вырвала его у Мотьки и сама обрушила на голову убийцы. Он тут же разжал руки и рухнул на пол.

— Боже мой! — воскликнула мадам Мийо, и в этот момент в комнату вбежали трое мужчин в штатском. В руках у двоих были пистолеты.

— Что тут у вас? — крикнул один, самый старший.

— Поскорее наденьте на него наручники! — потирая шею, сказала мадам Мийо.

Маша с дядей пришли к нам в гости. Сегодня был наш последний свободный вечер. Завтра днем возвращаются дед и Ниночка. Мы долго и подробно рассказывали обо всем происшедшем Маше и Степаниде. Да и Алексею Алексеевичу тоже было интересно узнать, чем все кончилось. Он очень не хотел сталкиваться с полицией, поскольку собирался завтра же уехать в Москву, а это могло бы сильно его задержать. Когда все более или менее было выяснено, я спросила:

— Алексей Алексеевич, извините меня, но как вы были связаны с Холщевниковым?

— Я когда-то, когда он еще жил в Москве и был удачливым предпринимателем, волею судеб попал в очень затруднительное положение, он выручил меня, но с тех пор я... как бы это сказать... попал к нему в кабалу. Долг я ему постепенно вернул, но он продолжал все время требовать от меня каких-то услуг, и услуги эти приобретали все более криминальный характер. Пока я наконец не взбунтовался... Я пошел к нему в «Форель-бродягу» и сказал все, что я о нем

думаю!

— Извините, а кто... Кто же вас тогда избил?

— Ах, это... — смущенно улыбнулся он. — Я, видите ли, приволокнулся за одной девицей и, так сказать, пал жертвой ее дружка...

— Значит, мама была права! — воскликнула Маша.

— Девочки, а вы не сердитесь, что я... не появился у адвоката?

— Да нет, что вы... И так все удачно получилось. Мадам Мийо, она такая... клевая! — заметила Матильда. — Сказала, что сделает все, чтобы нас не привлекали как свидетелей, и еще она отдала полиции досье Холщевникова. А они обещали связаться с Интерполом и с российской милицией, так что ему крышка!

— И все это сделали вы! У меня нет слов, как я восхищаюсь вами! — растроганно проговорил Алексей Алексеевич.

— А началось, между прочим, все с меня! — заявила вдруг молчавшая до сих пор Степанида. — Если бы я тогда не нашла ту записку в чьей-то куртке... Жаль только, мы уже вряд ли узнаем, кто ее написал.

— Одно можно сказать с уверенностью — он написал ее не зря! — заметила я.